В. Л. Абрамов
На ратных дорогах

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Без малого три тысячи дней провел Василий Леонтьевич Абрамов на фронтах. Он участвовал в трех войнах — империалистической, гражданской и Великой Отечественной. Его воспоминания — правдивый рассказ о виденном и пережитом. Значительная часть книги посвящена рассказам о малоизвестных событиях 1941–1943 годов. В начале Великой Отечественной войны командир 184-й дивизии В. Л. Абрамов принимал участие в боях за Крым, а потом по горным дорогам пробивался в Севастополь. С интересом читаются рассказы о встречах с фашистскими егерями на Кавказе, в частности о бое за Марухский перевал. Последние главы переносят читателя на Воронежский фронт. Там автор, командир корпуса, участвует в Курской битве. Свои воспоминания он доводит до дней выхода советских войск на правый берег Днепра.

Эта книга с сайта «Военная литература», также известного как Милитера. militera.lib.ru

- Василий Леонтьевич Абрамов
- Кому нужна война
- Погоны — долой!
- В отряде особого назначения
- Отход к Севастополю
- Особая миссия
- Бои за Марухский перевал
- И у нас лед тронулся
- На Курской дуге
- Впереди Днепр
- Выход на правобережье
- notes
    - 1

Василий Леонтьевич Абрамов
На ратных дорогах

Кому нужна война

В старые времена на севере бытовала поговорка: «Кругом — мох, посредине — ох!» Она особенно подходила к деревушке Спировой, Олонецкой губернии, в которой прошли мое детство и юность. Стиснутые лесом и болотами, словно заплаты на рубище, пестрели там крохотные земельные наделы. Крестьяне от снега до снега трудились над ними, но суглинистая почва плохо вознаграждала труд. Мало у кого в деревне хватало своего хлеба до масленицы.

Нашей семье жилось особенно тяжело. Мне только минуло пять лет, когда пожар уничтожил избу и сарай. Сгорели лошадь — единственная кормилица — и с большим трудом выращенная корова. Старшие братья Терентий и Иван нанялись пастухами, сестры Матрена и Анна пошли батрачками к богатеям. С семи лет и мне пришлось пасти скот: устроился в подпаски к пастуху Игнату, недавно вернувшемуся с русско-японской войны. Сидя на пригорке, он часами рассказывал мне о боях, в которых участвовал, а я с жадностью слушая выпытывал подробности, просил рассказать о штыковых схватках.

— Замечаю у тебя большой интерес к военному делу. Видно, быть тебе ефрейтором или унтером, — говорил мне Игнат.

От того времени в памяти у меня осталось одно неистребимое, постоянное, сосущее чувство голода.

Как-то отец пошел к псаломщику, чтобы получить деньги за пахоту, и меня взял с собой. Когда мы вошли в избу, хозяин ел пшенную кашу. Я жадно смотрел на него и облизывался — пшенная каша была для меня пределом мечтаний.

Отец хорошо понимал мои чувства. Выйдя от псаломщика, он сказал:

— Ничего, Вася, подрастешь — пойдешь в школу. А выучишься, как псаломщик, тоже будешь есть пшенную кашу.

Крепко запали мне в душу эти слова.

Отец купил на мой пастушечий заработок старые бахилы, и я пошел в школу. Трудно было осенью и весной работать и учиться. На рассвете выгонял скот в поле, поручал его своей младшей сестре. Вечером, после занятий приходилось делать крюк в несколько верст, чтобы пригнать стадо в деревню. Вставал я раньше всех. Хорошо еще, если можно было взять с собой кусок хлеба. Часто бегал в школу с пустым желудком.

Волостная школа, или, как ее называли, «училище», находилась в деревне Шуринге, в трех верстах от Спировой. Она была рассчитана на пять лет обучения в двух классах: младшем —

с тремя отделениями и старшем — с двумя.

На третьем году учебы в нашем отделении появился новичок — Вася Потапов. Он приехал из далекой приозерной деревушки и был еще беднее меня. Днем он учился, вечером просил милостыню, а ночевал у кого-либо из крестьян или в школьной столярной мастерской. Мы подружились с ним. Когда начались сильные морозы, я оставался ночевать с Васей, и он делился со мной последним куском хлеба.

В деревне тогда считали: научился читать, писать — и уже грамотный. Поэтому после третьего отделения во второй класс пошли немногие. Меня и Васю продолжать учение убедил наш новый учитель Иван Емельянович Алексеев. Он всей душой был предан делу народного просвещения, из губернского города приехал в нашу глухомань, чтобы сеять «разумное, доброе, вечное».

Еще когда мы учились в третьем отделении, Иван Емельянович вечерами «приходил к нам в столярную мастерскую, интересовался, как мы готовили уроки, поощрял наклонности Васи к рисованию, а мои — к пению. Он увлекательно рассказывал о Ломоносове, пешком ушедшем с берега Белого моря учиться. Беседы Ивана Емельяновича пробуждали у нас жажду знаний. Все чаще и. чаще мы возвращались к мысли последовать примеру своего гениального земляка.

В 1907 году мы с Васей закончили школу. Выпускные экзамены сдали успешно и получили похвальные грамоты. Алексеев тут же начал хлопотать, чтобы нас зачислили в уездное училище на «земский счет». Мы написали прошения, и учитель переслал их в уездный центр — город Пудож.

Ответа ждали долго. Волостной писарь предложил мне работать у него помощником за три рубля в месяц. К чести родителей, хотя такое жалованье для них было большим подспорьем, они не противились моему стремлению продолжать учебу.

Только в конце лета из Пудожа пришло «казенное» письмо. Земская управа сообщала, что я в училище принят, занятия уже начались и мне надлежит поспешить с прибытием в город.

Отец принял героические меры для моей экипировки: у старьевщика купил в долг поношенные, но еще крепкие брюки в полоску, ватный пиджак и старую офицерскую фуражку с малиновым околышем. Мать отдала мне свои сапоги.

Поскольку Вася Потапов, также принятый в училище, ушел раньше, мне одному пришлось прошагать 224 версты по безлюдной лесистой местности.

Полученные в Шуринге знания позволяли нам с Васей

поступить сразу в третий класс уездного училища. Вступительные экзамены по всем предметам мы оба сдали, но оба же споткнулись на «законе божьем». И не то чтобы мы не знали его. Просто старый протоиерей Разумов придрался к тому, что, читая рождественскую молитву, мы вместо слов «с небес зрящите» произнесли на деревенский манер «снебездряшите». Поп рассвирепел, обозвал балаболками и настоял, чтобы нас приняли во второй класс.

Поселились мы в открытом земской управой общежитии. Каждому из десяти принятых в училище крестьянских парней выдали по одеялу, матрацу, набитому соломой, и подушке. Кроватей не было, и спали мы на полу. Кормили нас впроголодь. На завтрак и ужин полагались ломоть хлеба и кружка чаю. Обед же обычно состоял из горохового супа или ухи из сушеной рыбы и тарелки жидкой пшенной каши. Поэтому мы частенько бродили по убранным огородам в надежде найти не замеченную хозяевами картошку или морковь,

В Пудоже была городская библиотека. Ученикам разрешалось пользоваться ею. Мы с Потаповым накинулись на приключенческие книги и надолго отбились от сна. Вечером, дождавшись, когда товарищи заснут, мы брали лампу и осторожно поднимались на чердак. Там, лежа бок о бок на голом полу, читали до тех пор, пока не кончался керосин.

Как мы ни таились, о наших ночных чтениях узнал надзиратель, прозванный за тяжелый нрав Удавом. Он запретил выдавать нам книги. С трудом, при помощи инспектора Алексея Федоровича Изотова, который переписывался с Алексеевым и тоже интересовался нашими успехами, удалось добиться отмены запрета. Теперь нам выдавали сочинения русских классиков и исторические книги. Нашими любимыми героями стали Александр Невский, Дмитрий Донской, царь Петр, Александр Васильевич Суворов, генерал Скобелев.

* * *

Так мы с Васей и жили, деля горе и радость. К восемнадцати годам закончили уездное училище. Решили посвятить себя военной службе, а чтобы попасть в военную школу — поступить вольноопределяющимися в армию. Обратились к уездному воинскому начальнику. Тот расспросил нас о родителях, их достатке и заявил, что в военное училище дороги нам нет.

Инспектор Изотов был откровеннее. От него мы узнали, что соответствующие ведомства строго ограждают офицерский корпус

от проникновения простых людей.

— Из крестьян если и принимают в военное училище, то разве только детей богатых, — сказал Алексей Федорович. — Я вам советую — поступайте лучше в Петрозаводскую учительскую семинарию.

И снова пришлось пешком добираться из Пудожа до Петрозаводска. Нам опять удалось успешно выдержать вступительные экзамены и попасть в число 27 счастливчиков, принятых в семинарию.

В 1914 году мы заканчивали последний курс и уже подумывали о том, как после семинарии сами будем обучать крестьянских детей. Но мечтам нашим не суждено было свершиться.

Началась война. Нарушился распорядок занятий. Часто на уроках вместо лекций начинались бесконечные разговоры. Учителя старались отравить нас ядом шовинизма.

В газетах мы ежедневно читали описания боев, очерки о подвигах русских солдат. Это еще больше будоражило воображение, подогревало желание отправиться на фронт.

Среди учащихся шли горячие споры. Одни, в большинстве сынки купцов и кулаков, радовались, что семинаристы мобилизации не подлежат. Другие утверждали: раз правительство объявило о свободном приеме студентов в вольноопределяющиеся, нам нужно вступать в армию. В более тесном кругу обсуждали будущее России после войны. Многие надеялись, что народу станет легче. Ведь после русско-японской появились конституция, Государственная дума.

Мы с Потаповым все чаще и чаще сходились на мысли, что наше место в армии. Нам исполнилось по двадцать лет. Оба были рослыми, сильными, легко поднимали на плечо пятипудовый мешок. К тому же живо вспоминались последние каникулы и посещение Спировой, совпавшее с мобилизацией. На войну уходили бородатые, многосемейные мужики и с ними мои братья Терентий и Иван. Кругом стояли плач и стон. Во время проводов одна женщина, обняв мужа, громко и надрывно причитала:

— Желанный мой! Пошто царь отнимает тебя от семьи и малых детушек? Нешто нет у него других — здоровых и бездетных?

Мне и Потапову казалось, что она имеет в виду именно нас.

Последний толчок к окончательному оформлению решения уйти на фронт дал образ Ивана Сусанина. В Петрозаводск тогда приехала передвижная опера. Учитель пения достал контрамарки, и мы с Василием попали на галерку. Чудесная музыка и пение очаровали нас. А самопожертвование Ивана Сусанина, внешне

похожего на моего отца, произвело настолько сильное впечатление, что нам тоже захотелось совершать подвиги и мы тут же твердо решили пойти на фронт добровольцами.

Провожать нас на пристань явилась вся семинария во главе с директором. К семинаристам присоединилось много учащихся других учебных заведений. Нас с Потаповым приветствовали, пожимали руки. А одна бойкая незнакомая гимназистка громко заявила:

— Вы настоящие герои, не то что эти слюнтяи! — И презрительно кивнула в сторону столпившихся гимназистов.

У сходен нас встречал капитан парохода. Приказав матросу приготовить каюту второго класса, он повернулся к нам и улыбнулся:

— Пароходство умеет ценить патриотов.

Лишь матрос, открывший каюту, не поддался общему настроению.

— Проходите и располагайтесь. Только не воображайте себя героями. На мой взгляд, оба вы дураки, — уверенно заявил он.

— Ну, ты, того… легче на поворотах, — огрызнулся Потапов.

— Обиделся? А ты лучше слушай и на ус мотай. Зачем тебе война? Богатеям она нужна. Вот они и ищут дурачков, вроде вас.

Как студеной водой облил и ушел.

* * *

Утро дня прибытия в Петроград выдалось солнечное, теплое. Город, освещенный яркими лучами, выглядел сказочно красивым. Нас поразили огромные, нарядные дома, позолоченные купола храмов. Тревожные мысли, навеянные матросом, рассеялись, захотелось прямо с пристани пойти знакомиться со столицей.

Но приказ воинского начальника требовал спешить к месту назначения — на пересыльный пункт в Петропавловской крепости. Оттуда нас направили в 5-й запасной полк, который располагался на Охте, в Новочеркасских казармах.

К вечеру у нас уже было четыре товарища, тоже добровольцы. Бывший ученик выборгской учительской семинарии Иван Бардушкин, малорослый, с некрасивым лицом, толстыми губами и воспаленными глазами, был, однако, остроумным и веселым. Рядом с ним застенчивый силач Никита Гебельт, широкоплечий, сутулый, неповоротливый, казался настоящим великаном. Большеглазый студент Сережа Климов, высокий шатен с едва пробивающимися усиками, отличался тихим голосом, спокойными движениями. Четвертым в нашей компании оказался

черноволосый красавец реалист Петр Дмитриев.

В запасном полку мы пробыли около двух недель. Ежедневно по десять часов занимались строевой подготовкой, штыковым боем, отрабатывали подготовительные стрелковые упражнения.

Потом, помнится, в воскресенье, перед обедом из канцелярии вышел писарь и объявил:

— Кто желает сегодня добровольно ехать на фронт, подходи записываться.

Наша шестерка записалась первой. Всего желающих набралось около пятисот. Всех отправили в 67-ю дивизию, прикрывавшую финское взморье.

15-я рота, в которую зачислили нас, вольноопределяющихся, стояла в финском городе Ганге. Здесь под руководством младшего унтер-офицера Филаретова мы продолжали обучаться военному делу.

Занятия были напряженными, свободного времени оставалось мало. Только перед отбоем можно было побалагурить с приятелями. Такие вечерние сборища сблизили нас с солдатами, в основном пожилыми крестьянами Смоленской губернии. Народ этот был общительный, прямодушный, большой любитель песен.

Однажды, после того как мы с Потаповым спели русскую народную песню, к нам подошло несколько человек.

Высокий, широкоплечий, с большими рыжими усами старший унтер-офицер протянул руку:

— Будем знакомы — Никита Цветков.

— Лучше нашего дьякона поете, — улыбаясь, добавил кряжистый ефрейтор и тоже, протянув руку, представился: — Иван Середа.

Вскоре после этого знакомства роту подняли по тревоге, приказали забрать пожитки и выходить из казармы.

Зябко поеживаясь на только что выпавшем первом снегу, солдаты нашего четвертого батальона построились на городской площади. Священник отслужил молебен. Потом батальонный объявил:

— Поздравляю, братцы, с выступлением на фронт! Покажем немцу русскую солдатскую силу. Ура!

И вот уже поданы теплушки. Нары в них пахнут свежей сосной. Располагаемся, запеваем песню. Прощай, мирная жизнь!..

Когда позади осталась Варшава, появились первые следы войны: разбитые станционные постройки, черные печные трубы на месте сгоревших домов.

На станции Скерневице полк высадился. Расположились бивуаком на огромной площади, окруженной небольшими домишками. Слева костел и кирпичный дом ксендза. Сразу за

домами поле. Петляя, вдаль уходит изрезанная рытвинами дорога. Мы видим, как по ней к станции движется вереница подвод с тяжелоранеными, а по обочинам плетутся легкораненые, с окровавленными повязками. От них узнали, что фронт совсем близко и бои там идут сильные, с утра до ночи.

На следующий день, 8 ноября 1914 года, начался марш. За три дня прошли девяносто верст. В полдень десятого стали слышны далекие пушечные выстрелы. Изредка встречались подводы с ранеными. Солдаты торопливо уступали им дорогу.

К вечеру уже различалась пулеметная стрельба. Казалось, где-то неподалеку колотушками переговариваются ночные сторожа. Прошли еще верст пять лесом и спустились в окопы.

Отделенный командир В. Беляев приказал:

— Винтовки зарядить и положить на бруствер! Без моей команды не стрелять. Не спать. Ночью пойдем в наступление.

Долго мы с Потаповым стояли в окопе, пристально вглядываясь в темноту, ловя ночные звуки. Впереди, совсем близко, — немцы. Но они ничем себя не выдавали. Лишь время от времени в небо взлетала ракета, описывала дугу и падала, затухая.

Под утро из соседнего взвода прибежали Климов, Дмитриев и Гебельт. Климов, служивший до этого в армии, предложил:

— Давайте держаться вместе, фельдфебель разрешил. Будем действовать по двое. Только, чур, помните святое правило — друг друга выручать.

Потом нас собрал отделенный:

— Сейчас будет сигнал к наступлению. Как выскочим из окопа, сначала пойдем быстрым шагом, без шума. Стрелять запрещается — в своих попасть можно. А останется до немецких окопов шагов сто пятьдесят, кричи «ура» и бросайся в атаку. В окоп прыгай смело, коли немца штыком, бей прикладом. Очистим один окоп, вылезай и беги дальше. Там вторая линия. Понятно?..

О своем первом штыковом бое участники вспоминают по-разному. Одни говорят, что сгоряча ничего не замечали, все проходило словно в тумане. У других, наоборот, первый бой запечатлелся до мельчайших подробностей. Я отношусь к последним. Прошло почти 50 лет, а свою первую атаку я помню так живо, будто это только что произошло.

Климов построил нас клином: сам в центре и впереди, правей — мы с Потаповым, левей — Дмитриев, Гебельт и Бардушкин. Наш младший унтер-офицер совершенно преобразился. Казалось, он стал выше ростом. Но почему так часто снимает очки и протирает стекла? Видно, все же волнуется.

Потянул предрассветный ветерок.

— Вперед! — пронеслась по окопу команда.

Мы выпрыгнули наверх, на мгновение задержались, как бы собираясь с духом, и торопливо пошли вперед. Темнота постепенно раздвигалась. Стали видны поле, неровная цепь солдат. Впереди идут ротный и батальонный.

Тишину разорвал выстрел из немецких окопов. Следом раздались залпы, заработал станковый пулемет.

Батальонный обернулся, выхватил из ножен шашку, громко крикнул: «Ура!» — и побежал. Тысячи голосов наполнили поле победным криком, придавая храбрости слабым и наводя страх на врагов. Потом то здесь, то там, словно подкашиваемые невидимой рукой, падали в нашей цепи сраженные пулями солдаты.

Батальонный первым подбежал к немецкому окопу, вскочил на бруствер, но тут же упал, бездыханный.

Увидев, что в меня целится немец, я успел выстрелить, затем всадил в податливое тело штык. Издав короткий стон, враг упал. Левей что-то тараторил второй. Вместе с Климовым закололи его и бросились на третьего. Но тут я услышал голос Потапова:

— Василий, на помощь!

Оглянулся, вижу — на него и Бардушкина напали три немца. Поворачиваюсь и всаживаю штык в бок одному из них. Второго заколол Климов, а с третьим расправились Потапов и Бардушкин.

Снова и снова вспыхивают короткие схватки. Слышится звон металла, стоны раненых, тяжелое дыхание дерущихся. Сквозь непонятное бормотание немцев доносятся выкрики разгорячившихся солдат:

— Вот тебе, собачья душа!

— Получай, сволочь!

Противник не выдержал нашего напора, побежал. Мы погнались за отступающими, в дальних стреляли, ближних нагоняли и кололи в спину. Так, преследуя бегущих, ворвались во вторую линию окопов. Снова разгорелся штыковой бой. Но немцев здесь было меньше, и мы быстро с ними справились.

Когда уже все кончалось, меня опять окликнул Потапов:

— Спасай Бардушкина!

Оказалось, Иван оторвался от группы. Здоровенный немец выбил у него винтовку и замахнулся своей. Мы опоздали на какое-то мгновение. Бардушкин, охнув, упал на землю. И тут же два штыка — мой и Климова — пронзили врага.

Было обидно, что мы не смогли спасти товарища. А он лежал, удивленно раскрыв глаза, словно желая спросить:

— Ребята, что со мной?

— Вперед! — крикнул взводный. — Убитым займутся

санитары!

На окраине города Бяла (его название мы узнали позже) — еще окопы. В них ворвались с большей яростью. Климов и Потапов хрипло орали:

— Коли за Бардушкина!

— Бей за Ивана!

С десяток немцев заплатили жизнями за смерть нашего друга. Позже солдаты говорили, что наша группа носилась по окопам, колола направо и налево, не разбирая, живых и мертвых.

Батальон быстро проскочил по улицам безлюдного города и вышел в поле. Тут послышалась команда:

— Окопаться! Командирам взводов доложить о потерях!

Солнышко начало пригревать. Мы сняли шинели, прилегли отдохнуть. Потом стали рыть окопы. Нервное напряжение схлынуло, уступив место покою и радости от сознания, что мы дрались как следует и остались живы. Все разговоры только о прошедшем бое. Вспоминали отдельные детали, жалели погибших товарищей, батальонного.

В нашей пятерке мы больше всего толкуем о Бардушкине. Какой это был остроумный, интересный, большой силы воли человек, хотя и слабый здоровьем!..

Новости на фронте распространялись быстро, от офицера к офицеру, от денщика к денщику, от писаря к писарю и от солдата к солдату. Этот способ связи получил название «солдатского вестника». Благодаря ему мы часто узнавали о событиях, происшедших далеко от нас, в другой армии, раньше, чем о них сообщали официально или печатали газеты. Кстати сказать, газет солдаты не получали, разве изредка «контрабандой» доставали через денщиков.

Так, с помощью «солдатского вестника» до нас дошло, что наша 67-я пехотная дивизия 12 ноября положила начало знаменитой Лодзинской операции.

Еще когда к концу октября многодневные кровопролитные бои под Варшавой закончились поражением 3-й германской и 1-й австрийской армий, русские войска стали готовиться к глубокому вторжению в пределы Германии. Этого, как и в августе, опять требовали союзники, чтобы ослабить нажим немцев на Францию.

Германский генеральный штаб был осведомлен из перехваченных радиограмм о замыслах русского командования. Располагая густой сетью железных дорог, он решил провести маневр. 9-я немецкая армия сосредоточилась для удара во фланг и тыл русским войскам на лодзинском направлении. Знало об этом русское командование или нет, только оно с ходу бросило 67-ю дивизию против превосходящих сил врага.

Наше наступление и захват города Бяла были неожиданными для противника. Но на следующий день он уточнил обстановку, прощупал нас и после полудня нажал так, что вынудил дивизию к отходу.

Наступление крупных германских сил на 5-й Сибирский корпус у Влоцлавска и последующий удар по 2-му русскому корпусу у Кутно дали противнику возможность вывести в тыл 2-й русской армии сорокавосьмитысячную группу генерала Шеффера. Обойдя Лодзь с востока, немцы пытались окружить русские войска, оборонявшие город.

Под вечер 13 ноября начался артиллерийский обстрел. Затем на наши окопы полезла вражеская пехота. Первую атаку мы отбили. Но в нашу сторону снова полетели снаряды и стали рваться над головами, осыпая окопы осколками. Заработали немецкие пулеметы. И опять атака. Мы ответили залпами, однако атакующие не залегали. Когда они подошли ближе, их артиллерия перенесла огонь в наш тыл. Мы облегченно вздохнули. Многие поднялись и вели огонь стоя, воинственно покрикивая:

— Иди, иди ближе! Я те угощу! Взводный Комаров выскочил из окопа:

— В штыки, ребята! Ура-а!

Все подхватили боевой клич и устремились на противника. Немцы в нерешительности остановились. Потом показали спину. Нам не разрешили погнаться за ними, раздались крики взводного и отделенных:

— Отбой! Давай обратно в окопы!

Оказалось, со стороны фольварка появилась вторая, более густая немецкая цепь.

Началась перестрелка. Только сгустившиеся сумерки заставили прекратить ее. Полк выслал вперед караульных и солдаты уже стали укладываться на ночлег, когда поступил приказ отойти на окраину города Бялы.

На следующий день немцы продолжали наступать, однако продвигались медленно и осторожно. Мы встретили их дружным огнем.

Отход нашего полка продолжался три дня. Солдаты недоумевали. В самом деле, мы отбиваем все атаки, а приказ требует отходить. Только 18 ноября узнали, в чем дело. Оказывается, фланги противника вклинились далеко вперед, и нам грозило окружение.

20 ноября в сумерки, как обычно, приехали ротная кухня и патронная двуколка. Каждый солдат получил полный котелок супа, порцию хлеба, набрал до положенной нормы патронов.

Но, собираясь уезжать, кашевар вдруг объявил:

— Завтра меня не ждите.

— Почему? — удивились мы.

— Немец дорогу перекрыл. Я сейчас едва проскочил. Позже, когда по окопу проходил ротный, Климов спросил его:

— Ваше благородие, правду говорят, что «нас немец окружил и всем грозит плен?

Ротный сердито взглянул на него:

— Наше дело, вольноопределяющийся, воевать, а не ловить всякие слухи.

После такого ответа солдаты поняли, что дело наше незавидное.

На следующий день немцы опять пробовали наступать, но отошли с большими потерями. Мы стреляли реже, а целились лучше. Вечером кухня, конечно, не приехала и боеприпасов не привезли.

Когда стемнело, к нам пришел старший унтер-офицер Никита Цветков. Присел, скручивая «козью ножку», обвел нас внимательным взглядом, спросил:

— Как, друзья вольноперы, поживаете и что думаете о нашем положении?

— Дело табак, — за всех ответил Василий Потапов, — но мы считаем, воевать еще можно. В плен сдаваться не собираемся, в случае чего пробьемся штыками.

— Правильно решили, — согласился Цветков. — К своим мы обязательно пробьемся…

Поздно ночью рота получила приказ быстро, без шума выйти из окопов и собраться у фольварка. От фольварка двинулись на восток. Шли долго.

Справа и слева не смолкала стрельба, но мы в бой не ввязывались. А утром круто повернули на северо-запад и с ходу пошли в атаку. Так полк не только вырвался из мешка, но даже принял участие в окружении противника.

И в целом действия русских войск в Лодзинской операции были успешными. Умелое руководство командования, мужество и стойкость солдат обеспечили победу. Проникшая в наш тыл группа генерала Шеффера была окружена, разбита и пленена. Из сорока восьми тысяч уцелело только семь-восемь тысяч человек.

5 декабря произошло событие, явившееся для нас новым суровым испытанием.

Мы больше суток находились на марше. Погода стояла холодная, дождливая, ночи — темные. Батальон сбился с пути. Поручик Селивестров, временно командовавший батальоном после гибели командира, решил остановиться и дать солдатам

несколько часов отдыха. Он полагал, что окопы, которые нам предстояло занять, находились недалеко и с рассветом их легко будет разыскать. Но, как позже выяснилось, противник подготовил нам сюрприз: он раньше нас обнаружил окопы и занял их. Поэтому утром, едва батальон вытянулся в колонну, как сразу попал под прицельный массированный огонь. Командир растерялся. Началось беспорядочное отступление.

Батальон отходил тремя группами. Одна устремилась к недалекому лесу, вторая — по проселочной дороге, а третья, меньшая, куда вошел и наш взвод, приняла вправо, в сторону шоссе. Чтобы скорее выйти из-под обстрела, мы побежали.

Возле насыпи у шоссе нас собралось 42 человека. Из нашей пятерки остался я один. К нам приближалась немецкая цепь.

Прибежал выбившийся из сил отделенный Беляев. Он тяжело дышал и смог только сказать, чтобы я подал команду залечь и открыть огонь. Мы дали несколько залпов, но разве могли они остановить противника! Немцы подходили все ближе. И тогда, на наше счастье, сзади раздался орудийный выстрел, за ним второй, третий. Начала слаженно работать какая-то русская батарея. Снаряды ложились точно, и враг залег.

Потом явился связной с батареи и повел меня к ее командиру. Тот приказал прикрывать орудия, пока они не снимутся с позиций. Когда батарея отошла, мы по одному переползли через шоссе и оторвались от противника.

Два дня наша группа блуждала по лесам и полям, разыскивая свой батальон. Нашли его в лесу за городом Болимовым.

После «черного дня» — 5 декабря, многих недосчитались. Одни были убиты, другие ранены и попали в лазарет, а многие без вести пропали. Нет никого и из моих дружков. Говорят, что Василия Потапова видели в группе, которую немцы обстреливали особенно сильно. Не хочется верить, что он погиб.

Постепенно подразделения полка собрались и приняли участие в наступлении в районе между Лодзью и Варшавой. Но уже кончался маневренный период, начиналась позиционная война.

Пришла зима, а с ней холод и снег. Наш полк часто перебрасывался с одного участка на другой, и мы очень страдали в неприспособленных окопах. Залезем, бывало, по нескольку человек в нору, заменявшую землянку, завесим входное отверстие палаткой, прижмемся друг к другу и дрожим, нагоняя тепло дыханием. Этот способ «отопления» был малоэффективным, но солдаты не падали духом.

В конце декабря начались сильные бои. Как-то утром новый ротный командир, щупленький прапорщик, приказал готовиться к

атаке и соблазнительно добавил:

— Говорят, у немцев окопы хороши, а в землянках — печки. Займем — и будем жить не тужить.

После полудня наша артиллерия обрушилась на врага. Мы дружно поднялись, ворвались в окопы и заняли их. В землянках действительно оказались не только печки, но даже нары.

В тот день, собственно, и начались знаменитые зимние бои в районе Болимова-Боржимова и Воли-Шидловской. Здесь генерал Макензен применил свою знаменитую «фалангу» — самое плотное построение пехоты и артиллерии для прорыва русского фронта. Бывали дни, когда стороны трижды переходили в атаку. Часто наступали с развернутыми полковыми знаменами и оркестрами.

Немцы находились в более выгодных условиях. Их солдаты были сыты и хорошо одеты. Атаки вражеской пехоты всегда поддерживались сильнейшим артиллерийским огнем. Нас же из-за недостатка снарядов артиллерия поддерживала слабо. Питались мы впроголодь, шинелишки наши оборвались. И все же в зимних боях 1914–1915 годов русские войска не только выстояли, но и часто наносили «фалангам» Макензена поражения.

Мы горячо любили свою землю, политую потом и кровью многих поколений. Призывы к защите ее от осквернения супостатом вызывали у нас высокие патриотические чувства.

В то же время солдаты все чаще задумывались над несправедливостью порядков в стране, о том, что принесет война беднякам. Как-то я получил письмо от родителей. Те писали, что живут плохо. Отец и мать упрекали меня за то, что я пошел на фронт, тогда как многие семинаристы, главным-образом дети богатых, остались дома.

Всем интересно было знать о положении в России. Поэтому письма обычно читали вслух. Когда я прочел свое, оно вызвало спор. Большинство солдат оказалось на стороне моих родителей.

— В самом деле, Василий, почему ты забрался в окопы? — спросил Цветков. — И с какой стати добровольно муки принимаешь?

— Вступил в армию, чтобы немцев скорее разбить. А разобьем их, бедный народ лучше заживет, — ответил я, что думал. — Дети мужиков станут учиться в школах, царь даст облегчение, поможет…

— Странное дело, — перебил меня Середа. — Одного я не понимаю, может, ты мне объяснишь. Почему царь-батюшка раньше жизнь народа не облегчил, а отложил это до после войны?

Вопрос застал меня врасплох. Невольно подумал: «Хитер же этот Середа. Прикидывается только простачком».

Разговор прервал приход командира роты. Но мы еще не раз возвращались к этой теме…

В феврале 1915 года я заболел воспалением легких и был эвакуирован в глубокий тыл. Лечился больше месяца. А когда возвратился на фронт, меня ждала приятная неожиданность.

Первым, кого я встретил, направляясь в свою 15-ю роту, оказался Сережа Климов. Радости моей не было конца. Сережа затащил меня в свою землянку-нору, завешанную дерюгой. Здесь, лежа рядом на соломе, мы рассказывали друг другу о пережитом. Оказывается, тогда, 5 декабря, Сереже удалось спастись. Но он тоже заболел, долго лечился и только недавно вернулся в часть. Сейчас назначен командиром отделения.

Во время этого разговора Климов откровенно рассказал мне, почему его так долго не производят в прапорщики. В 1912 году мой друг участвовал в студенческой демонстрации протеста против ленского расстрела. Да и теперь поддерживал связь с демократически настроенными солдатами.

— А офицером я все-таки стану, — сказал на прощание Сережа. — После войны нам потребуется знание военного дела.

Признаться, не понял я тогда этой реплики. Только много позже, став командиром Красной Армии, осознал значение загадочной фразы Сережи, мечтавшего о революции…

В конце апреля Климова действительно произвели в прапорщики. Он уехал в штаб полка, но через несколько дней стало известно, что воевать ему больше не придется. Врачи обнаружили у него скоротечную чахотку и направили в один из крымских госпиталей. А немного спустя, в начале июля, я получил письмо из Ялты от сестры милосердия госпиталя. Она сообщала о смерти моего друга.

Уже после отъезда Климова произошли изменения и в моей фронтовой жизни. Меня назначили старшим ротных разведчиков.

Командир роты приказал нам в три дня изучить участок у реки Равка.

— Да так, чтобы знали каждый камень, каждый пенек, кустик и дерево, — строго предупредил он.

Река от позиции 1-го взвода уходила в сторону немцев, на половине ломалась влево, текла параллельно линии фронта, а потом снова шла к нашим окопам. В результате получался ограниченный ею неправильной формы четырехугольник «ничейной» земли.

Тщательно наблюдая за противоположным берегом, мы установили, что немецкие окопы протянулись в двухстах метрах за рекой. На самом берегу обороны нет, но на ночь немцы выставляли здесь «секреты».

Затем Петров дал новое задание — разрушить деревянный мост через реку.

Взрывчатки у нас нет. Пришлось запасаться пилами, топорами, ломами. Заготовили несколько мешков с песком — миноискателей тогда не было, и мешки нам нужны, чтобы, сбрасывая их на подозрительные участки, проверить, не минирован ли мост.

Перед выходом написали родным письма, передали друзьям, чтобы те отослали, «если что случится».

Сквозь редкие облака слабо светила луна. Видимость небольшая, не дальше 15–20 шагов. Это даже нам на руку. Мы ползем не совсем к мосту, а несколько левее его. Впереди Козлов и Зыбин. Остальные цепью — в пяти шагах.

Козлов отличается хорошим слухом. Он подползает ко мне, шепчет:

— На берегу какой-то шум.

Зыбин, по его словам, в темноте видит как кошка. Сейчас он авторитетно заявляет:

— Напрасно паникуешь. Никого там нет.

Только двинулись дальше, прогремел выстрел, потом другой. Заработал пулемет. Пули проносились позади нас. Мелькнула догадка: «Хотят отрезать от своих». А тут засвистели мины. Одна разорвалась впереди, вторая — позади. Третьей ждать нельзя.

— Назад, в окоп! — подал я команду и побежал к своему караулу. Позади продолжали рваться мины.

Огорченные неудачей, мы не спали всю ночь. Не миновать утром ругани ротного.

Только стало рассветать, позвал наблюдатель:

— Гляди-ка, ребята, какой туман над рекой!

Мы бросились к бойнице. Смотрим: и верно, над рекой встала сплошная белая стена. За ней ничего не видно. Такое прикрытие надежнее темноты. Вмиг созрело решение повторить попытку.

К берегу мы подошли спокойно. Кажется, «секреты» немцы сняли. Под кручу сбросили мешки с песком. Взрыва нет. Одно отделение, как и предусматривалось планом, перешло на тот берег и заняло немецкий окоп. Два других принялись за мост.

Завизжали пилы, застучали топоры, затрещали под напором лома доски. Разведчики работали остервенело.

Немцы всполошились. К берегу бросилось человек двадцать. Наше отделение прикрытия встретило их залпом.

Огонь противника нас не пугал: мост проходил почти по воде и берег укрывал работавших от пуль. А мины и снаряды рвались в стороне. Опасность таилась в другом. Туман стал редеть. Если он совсем рассеется, то отходить нам придется по открытому месту.

Но вот все кончено: настил разбит, доски поколоты и сброшены в воду, бочки, заменявшие опоры, рассыпаны.

Тронулись обратно. Мы с Козловым взвалили на плечи доску — вещественное доказательство — и побежали к ближайшему нашему окопу.

Ротный приказал отнести доску батальонному командиру Асману.

Среднего роста, с маленькой острой бородкой и добрыми глазами на худощавом лице, капитан, как всегда, вежлив, внимателен. Выслушав мой доклад, он оживился, позвонил в штаб полка, а нам выдал по плитке шоколаду.

Вскоре Асман назначил меня старшим батальонных разведчиков. Работать под руководством капитана было интересно и приятно. Его все уважали за чуткость и заботу о солдатах. Жаль только, что командовал он недолго: в одном из боев Асман получил ранение и попал в госпиталь.

Новый батальонный оказался полной противоположностью прежнему, даже внешностью — немолодой, полный, усатый. К солдатам относился плохо, на каждом шагу грубил, всячески давая понять, что считает нас чем-то вроде говорящей скотины.

Лучше всего его характеризовал один случай. В середине июня батальонный собрал всех разведчиков, и батальонных и ротных. Предупредил, что на завтра назначено наступление и приказал утром ползти к немец — ким окопам и делать проходы в проволочных заграждениях противника.

— Атака начнется в полдень. До этого всем оставаться на месте. Понятно?

Мы поняли больше, чем хотел сказать батальонный: он обрекал десятки людей на верную смерть.

Как и следовало ожидать, из его затеи ничего не вышло. Разведчики двух рот — четырнадцатой и шестнадцатой, — которым пришлось действовать на совершенно открытой местности, застряли на полпути. Многих из них скосил огонь вражеских пулеметов и артиллерии.

Нужно сказать, что неудача объяснялась также плохой поддержкой артиллерии. Она не подавила огневых средств противника. А ведь наши орудия были несравненно лучше. Русская скорострельная пушка, которую немцы называли «косой смерти», могла посылать снаряд через каждые три-четыре минуты. Но к лету 1915 года из-за недостатка снарядов наша артиллерия была посажена на голодную норму — 10 выстрелов на орудие в день.

Много лет спустя мне пришлось познакомиться с мемуарами Ллойд-Джоржа. Из них выписал следующую цитату,

разоблачающую союзников России: «Пока русские армии, шли на убой под удары превосходной немецкой артиллерии и не были в состоянии оказать какое-либо сопротивление из-за недостатка ружей и снарядов, французы копили снаряды… Военные руководители и Англии и Франции, казалось, не понимали самого важного, — что они участвовали совместно с Россией в общем предприятии и что для достижения общей цели необходимо было объединить их ресурсы… Пушки, ружья и снаряды посылались Англией и Францией в Россию с неохотой. Их было недостаточно».

И все же это не оправдывает батальонного. Он знал, что артиллерия не может поддержать действия разведчиков…

Легко понять мою радость, когда меня отозвали в полковую команду разведчиков и назначили командиром отделения. Состав команды был пестрый. Но все мои новые товарищи оказались славными ребятами и безумно храбрыми разведчиками. Особенно запомнились пятеро из них. Невысокий, скупой на слова и рассудительный шатен Гриша Волошин окончил городское училище и до войны работал конторщиком на заводе. Женя Эйхголь был сыном генерала. Он рассказал, что «за тихие успехи и громкое поведение» последовательно исключался из кадетского корпуса, гимназии, реального училища. Затем бежал из дому на Каспий, служил юнгой на пароходе, оттуда и попал на фронт. Вспыльчивый, горячий Гасан Алимбеков был сыном служащего из Тифлиса. Саша Васильев бежал на войну из реального училища. Вася Денисов, уроженец Псковской губернии, окончил начальную школу. Он был мечтатель, любил песни и рассказы о путешествиях.

* * *

В последнее время немцы были настороже, и мы никак не могли достать «языка». И вот полковая команда получила задание во что бы то ни стало захватить одного-двух вражеских солдат.

Мы выбрали для поиска участок 3-й роты, откуда до немецких окопов около тысячи шагов. Вначале «ничейная местность» там открытая, дальше идет небольшая роща, окаймленная кустарником. Ясно, что в роще должен быть караул или «секрет» противника. На него-то и решили напасть. Два отделения под командованием старшего унтер-офицера И. Голохвостова должны были атаковать немецкий караул с фронта, а мое отделение — с тыла.

С наступлением темноты мы благополучно проскочили рощу

и залегли вблизи тропы, которая вела в окопы противника. Волошин и Васильев, посланные на разведку, скоро вернулись и доложили:

— Немецкий караул на месте.

Об этом посыльный сообщил Голохвостову.

И вот мы лежим, ждем сигнала атаки, как вдруг на тропе видим двух вражеских солдат. Алимбеков сразу загорелся, шепчет мне:

— Давай, понимаешь, захватим этих — и делу конец! Я качаю головой:

— Очень рискованно. Неровен час, немцы успеют выстрелить, всполошат караул.

Пропустили солдат. А вскоре за рощей взвилась ракета, — значит, отделения Голохвостова бросились в атаку. Караульные открыли огонь, сосредоточив все внимание на отражении ударивших с фронта. Поэтому мы подбежали к ним совсем не замеченными. Швырнули гранаты. Немцы сразу прекратили стрельбу и подняли руки. Захватив пленных, команда вернулась без потерь.

Через два дня после этого нас с Голохвостовым вызвал начальник команды.

— Вам поручается необычное задание, — сказал он. — Связисты полка, проверяя в лесу телефонную линию, заметили, как от дерева, к которому был подвешен провод, поспешно уходил человек. Внимательно осмотревшись, они обнаружили замаскированный в кустах конец кабеля Ясно, что здесь действует шпион, а провод ему нужен для подслушивания телефонных переговоров. Ночью необходимо сделать засаду.

И вот я сам с тремя разведчиками укрылся под деревом. Голохвостов с небольшой группой расположился поблизости. Все было хорошо видно — луна освещала подходы к дереву. Но в течение ночи ничего подозрительного мы так и не заметили.

Утром вернулись с Голохвостовым в штаб полка, доложили, что к дереву никто не являлся.

— Как не являлся? — сердито заметил адъютант. — Наверно, проспали всю ночь?

— Никак нет, ваше благородие, — ответил Голохвостов. — Смотрели внимательно. Нас даже их благородие господин поручик похвалили.

— Какой поручик?

— Высокий такой. Видно, из штаба полка. Рани утром он шел из тыла, заметил нас и спрашивает: «Чего вы тут торчите?» «Шпиона ловим», — доложил я. «Интересно! А как вы думаете его поймать, мерзавца?» Я доложил наш план. Он похвалил нас,

пожелал удачи и пошел к передовым.

Пока Голохвостов рассказывал это, я видел, как адъютант багровел, лицо его делалось свирепым. Под конец он не выдержал:

— Мерзавцы, идиоты, это и был шпион! Почему не задержали?

На крик вышел командир полка;

— В чем дело?

Выслушав рапорт адъютанта, спокойно сказал:

— Разведчиков бранить нечего, они не виноваты. А вам, поручик, следовало распорядиться задерживать любого, даже офицера…

* * *

Кончался июнь. Положение на фронте продолжало оставаться тяжелым.

Из сообщений «солдатского вестника» мы знали, что немцы теснят фланги русских севернее и южнее Варшавы. В результате варшавский участок оказался выдвинутым далеко вперед.

Чтобы хоть как-то облегчить положение войск на флангах, соединения в центре участка пытались активизировать свои действия. Предпринимали атаки и наши полки, но из-за слабой артиллерийской поддержки только несли потери. Словом, приостановить или хотя бы задержать наступление противника на Нижнем Нареве и на праснышском направлении не удалось.

И тогда русское главное командование решило вывести армию из немецких «клещей». В ночь на 4 июля 1915 года войска, находившиеся западнее Варшавы, стали отходить.

Вместе с другими отходил и наш полк. В течение всех этих трех недель команда разведчиков действовала не зная отдыха.

В первую ночь нас оставили для «обозначения своих», в чем команда уже накопила опыт. Пока мы тревожили немцев, полк снялся и к утру успел отойти почти на Двадцать верст. После этого наша команда следовала позади арьергардного батальона и стремилась всячески задерживать противника.

И тут особенно проявил себя наш новый товарищ — разведчик Борис Куняев. Незадолго до отступления я узнал о нем из бесед с солдатами 4-й роты. Они хвалили «вольнопера», по специальности инженера.

Теперь, при отступлении, он был незаменим. По его предложению мы устраивали взрывные «сюрпризы»: подкладывали в пустующих домах гранаты, а кольца чеки

привязывали тонкими веревками к ручкам входных дверей и различным предметам. Куняев был мастер на выдумки. Куда он только не подкладывал «сюрпризы»: и под ступеньки крыльца, и в печи, и в шкафы или под крышки сундуков, в которые вражеские солдаты, жадные до чужого добра, охотно лазали.

В одной из деревень разведчики нашли много оставленных войсками боеприпасов. Сложив их в придорожной канаве, подсыпали вниз пороху и подвели бикфордов шнур. Женя Эйхголь остался в засаде. Когда показалась голова немецкой колонны, он поджег шнур. Сначала стали рваться патроны, производя впечатление стрельбы, потом грохнул большой взрыв. Противник рассыпался, залег, открыв пальбу.

Через несколько дней мы нагнали полк.

Штаб разместился в Варшаве. Там я встретил Асмана. Он шел, понурив голову, о чем-то задумавшись. Обрадованный, я вытянулся перед ним во фронт. Капитан поднял голову, улыбнулся:

— Здравствуйте, Абрамов. Легки на помине. Я как раз справлялся о вас. Вчера из штаба дивизии запросили кандидата в школу прапорщиков. Я назвал вас. Готовьтесь в дорогу. Будет время, заскочите попрощаться.

Капитан ушел, а я продолжал стоять на месте. Сколько раз мечтал попасть в школу, а вот когда мечта осуществилась, вроде растерялся. Было и радостно и тревожно.

Начальник команды разведчиков разрешил отлучиться в 15-ю роту, чтобы попрощаться с друзьями. Они уже знали о моем предстоящем отъезде. Никита Цветков, ласково улыбаясь, крепко обнял меня, напутствуя:

— Иди, учись. Но никогда не отрывайся от солдат — в них вся сила.

Три месяца в Петергофской школе прапорщиков пролетели незаметно. А зимой 1915 года вместе с товарищем по школе Воробьевым мы очутились в Минске. Здесь получили назначение в 334-й Ирбитский полк. Сразу из штаба поспешили к поезду.

Когда извозчик подъезжал к вокзалу, городовой остановил нас:

— Скоро подойдет царский поезд. Никого пущать не велено.

Трешница, врученная Воробьевым, возымела действие. Городовой разрешил пройти пешком к вокзалу, очищенному от публики.

Даже не верилось, что я увижу самодержца, которому ежевечерне желали «многая лета» выстроенные на молитву солдаты. Каков-то он?..

Порядком на вокзале распоряжался жандармский полковник

Скалой. Он не мог отказать в нашей просьбе «перед смертью за царя и отечество посмотреть на любимого монарха».

Время шло. День кончился. На станционных путях загорелись огни. Начался съезд высокопоставленных лиц. Прибыли губернатор, архиерей, командующий 2-й армией генерал Смирнов, командующий фронтом генерал от инфантерии Эверт.

Царский поезд подтянулся медленно. Николай II вышел из вагона, выслушал рапорт командующего фронтом, протянул руку ему, затем генералам, губернатору, принял благословение архиерея, приложился к его руке, Поздоровавшись с караулом, царь, поминутно запинаясь и покашливая, произнес короткую речь, смысл которой состоял в том, что он не сложит оружия и будет вести войну до победного конца.

Так вот он каков, самодержец всея Руси! Щуплый, рыжий, роста ниже среднего, не говорит, а мямлит… Наш прапорщик Ильинский в Петергофе на что невзрачный, и то, кажется, был представительней.

Еще много дней после этого я выстраивал роту и желал «многая лета» русскому царю. А перед глазами каждый раз возникал образ щуплого мямли…

334-й пехотный Ирбитский полк, в который мы с Воробьевым прибыли, находился в резерве около Молодечно. На следующий день в 12 часов явились на прием к командиру полка. В большой комнате собралось 16 молодых прапорщиков. Присутствовали все батальонные командиры.

Командир полка полковник А. В. Никитников вышел из соседней комнаты с женой, довольно еще моложавой. Остановился, окинул нас взглядом и произнес:

— Здравствуйте, господа. Рад вашему приезду. Прошу представляться.

Первым к нему подходит правофланговый:

— Господин полковник, прапорщик Цымбалов представляется по случаю назначения во вверенный Вам полк.

— Очень рад. Желаю успеха, чинов и орденов, — подает руку и наклоном головы направляет новичка к супруге.

— Рада с вами познакомиться. Откуда прибыли? Из Тулы? Покинули бедных тулянок, и те, поди, грустят? — шутливо спрашивает она.

Прапорщик целует ей руку, щелкает каблуками и отходит.

Я вижу: дебют удачный. Стало быть, надо все делать, как Цымбалов. Представляюсь пятым или шестым. Полковник подает руку, произносит: «Желаю успеха» — и отпускает к супруге.

За мной выходит Каминский. Высокий, стройный, с ястребиными глазами на смуглом красивом лице, он произвел

впечатление на полковника. И командирша очаровательно улыбается, не говорит, а воркует:

— Очень, очень рада познакомиться, господин Каминский. Сразу видно, человек из хорошей семьи. — Но только прапорщик наклонился к ручке, как полковница вскрикивает: «Недоучка!» — поворачивается и убегает из комнаты.

Все поражены. Полковник недоуменно спрашивает:

— В чем дело, господа?

Не получив ответа, выходит. Все поворачиваются к Каминскому, и он объясняет, что вместо руки полковницы поцеловал свою руку.

Командир вернулся явно расстроенный.

— Господа, — обращается к нам, — случившееся здесь я склонен считать досадным недоразумением и объяснить тем, что в школе вам не дали должного воспитания. Постарайтесь скорее устранить этот пробел…

Я получил назначение в 9-ю роту, которой командовал поручик Микиртумов. Александр Георгиевич был призван из запаса, до войны служил в Кургане земским начальником. Человек незаурядного ума и большого жизненного опыта, он многому меня научил.

В то время полк занимал окопы под Сморгонью. Зима 1915–1916 годов прошла здесь сравнительно спокойно. Лишь в марте, когда немцы усилили нажим под Верденом, русские армии Западного фронта для поддержки французов начали активные действия у озера Нарочь. Хотя из-за распутицы наступление имело местное значение и скоро выдохлось, оно основательно выручило союзников. Немецкое командование вынуждено было временно прекратить атаки на Верден.

Весной до нас дошло, что немцы обстреливали соседние части газовыми снарядами. Еще не успокоились встревоженные этим умы, как «солдатский вестник» разнес слух, будто на один из полков дивизии немцы пустили облако удушливых газов. Передавали, как напуганные солдаты бросились бежать, но настигнутые газом, падали в страшных мучениях. Называли число погибших — свыше двух тысяч человек. Хотя многое было преувеличено, сам факт имел место.

Через некоторое время нам роздали подушечки из марли, смоченные каким-то раствором, говорили, что они защищают от отравляющих веществ. Потом прислали противогазы. Первые образцы были громоздкими и неудобными. Многие в них не могли дышать. Начались ежедневные тренировки.

Одновременно пришло распоряжение наладить в ротах противогазовую службу. Предписывалось в каждом взводе

держать специального наблюдателя и иметь запас топлива для костров. В случае появления со стороны противника белого, стелящегося облачка наблюдатель обязан был поднять тревогу и зажечь костры. Солдатам надлежало собираться вокруг них, так как дым обеспечивал дополнительную защиту.

В один из апрельских вечеров и наш полк находившийся тогда в резерве недалеко от фронта, подвергся газовой атаке. Накануне вечером мы с Микиртумовым разговорились и уснули поздно. Поэтому спали крепко, и не сразу дошел до сознания голос фельдфебеля Поцелуева, кричавшего в открытую дверь землянки:

— Ваши благородия! Газы!

— Что такое? Какие газы? — подняв голову, спросил заспанный Микиртумов.

— Немецкие газы!

Мы вскочили. Я сразу почувствовал неприятный запах. Ощущение такое, будто отдает растертым луком, раствором горчицы или еще какой-то острой смесью.

Солдаты растерянно метались по лагерю, не зная, что делать.

— Смирно! — громко скомандовал я. И когда люди успокоились, подал вторую команду: — Надеть противогазы, зажечь костры!

Командир роты в противогазе дышать не мог и уселся возле костра, а меня попросил проверить порядок в роте. Я прошел от землянки к землянке. Костры горели тускло, словно в синем тумане. Некоторые солдаты сняли противогазы и, приблизив лица чуть ли не к самому пламени, учащенно дышали.

Скоро после восхода солнца под его лучами газовое облако стало редеть, а потом и совсем пропало. Я снял противогаз — запаха почти не слышно.

От газов у нас пострадало всего пять солдат. Их эвакуировали в тыл.

Хуже получилось с продовольствием. Когда улеглось волнение, денщики согрели чай, принесли из землянки еду. Но в рот ничего нельзя было брать, продукты имели горький вкус…

* * *

Не зря немцы нервничали, прибегали к газам — русские войска готовились к наступлению на огромном фронте от Двинска до Карпат.

Мы с радостью видели, как и на нашем участке, под Сморгонью, накапливаются свежие силы. Ближайшие населенные

пункты и леса сплошь забиты пехотой и артиллерией. Ударь теперь мы — и обескровленный враг не выдержит. Возникают надежды скорой победы и долгожданного мира.

С нетерпением ждем приказа. Но проходят дни, недели, а мы все бездействуем. В чем дело?

В умах солдат брожение. То один, то другой обращаются с вопросом:

— Ваше благородие, почему не наступаем?

А что я мог сказать? Старался как умел успокоить, обнадежить. Но чувствовал — солдаты не удовлетворены.

Только позже, в середине двадцатых годов, познакомившись с воспоминаниями царских генералов, я получил ответ на волновавший нас вопрос о причинах бездействия Западного фронта.

Из высказываний командующего нашей 4-й армии стало ясно, что армия была отлично подготовлена к прорыву укрепленных позиций противника у Молодечно. Командующий твердо был убежден, что с теми средствами, которые ему были даны, он, безусловно, одержал бы победу, а потому «войска были вне себя от огорчения, что атака, столь долго подготавливаемая, совершенно для них неожиданно отменена».

А отменил атаку командующий фронтом Эверт, пользовавшийся поддержкой царской клики. Несмотря на то что по плану операции главную роль в наступлении был призван играть Западный фронт, Эверт оттягивал начало наступления.

Правда, наступление армий Юго-Западного фронта началось несколько раньше намеченного срока. Это было вызвано необходимостью помочь Италии, которой грозил окончательный разгром, а также облегчить положение французских войск под Верденом. Но и потом, в течение месяца, русское верховное главное командование в лице Николая» Романова так и не смогло добиться, чтобы Западный фронт хотя бы просто поддержал наступление Юго-Западного.

Дорого обошлась солдатам эта нерешительность царя. Немцы получили возможность маневрировать резервами и в конце концов приостановили победоносное наступление. Единственная помощь, оказанная Ставкой Юго-Западному фронту, заключалась в переброске ему нескольких дивизий с Западного.

Наша дивизия тоже погрузилась в эшелоны. Приехали на станцию Дубно, а оттуда к фронту тронулись пешим порядком. Ночью на третьи сутки выдвинулись на передовую. Выяснили — перед нами австрийцы.

Украинская ночь, в отличие от сырой белорусской, темная, но теплая и сухзя. Можно спать прямо на земле, не боясь

простудиться.

Отдохнули, а утром пошли в наступление. Впереди — цепь холмов. На половине пути нашей роте пришлось остановиться — сильно обстреливали вражеские пулеметы. Надо было уловить момент, когда темп стрельбы хотя бы на время снизится, и проскочить опасную зону без больших потерь.

Артиллерия нас не поддержала, и наступление застопорилось. Несколько дальше других проскочили только 11-я и 12-я роты.

Под вечер меня вызвал батальонный и объявил:

— Командир одиннадцатой роты поручик Ушаков заболел, замещавший его прапорщик Мелех контужен. Командир полка временно назначает вас командиром роты.

Сгущались сумерки, и стрельба затихала. Казалось, для солдат наступил желанный отдых. Можно выйти из окопа и размять ноги. Скоро привезут обед. Но враг хитрил. Лишь только мы с батальонным прошли полпути, как начался сильнейший огневой налет. Над окопами поднялась черная стена дыма и пыли.

Мы остановились, Сердце больно сжалось. Сколько народу сейчас погибнет!

Канонада так же внезапно прекратилась, как и началась. На месте многих окопов — перекопанная разрывами земля. В воздухе стоит терпкий запах пороховых газов и крови.

Внезапно в голенище моего сапога врезается торчащий из земли штык, — очевидно, засыпало убитого в окопе.

Шатаясь, к нам подошел прапорщик Мелех и, заикаясь, отрапортовал:

— Господин по-оручик, о-одиннадцатой роты не с-с-уществует…

— Не надо, Мелех, — батальонный остановил его, взял за плечо и ласково сказал: — Иди, голубчик, в околоток. Ординарец, проводи прапорщика.

Когда Мелех ушел, батальонный повернулся ко мне:

— Спасайте остатки людей, ободрите их. А я пойду в двенадцатую.

Вместо вызванного мною фельдфебеля подошел солдат и указал на огромную воронку:

— До стрельбы фельдфебель с санитарами были здесь.

«Были»! Десять человек как будто и не жили на свете! Иду вдоль окопов, спрашиваю:

— Живы, братцы? В ответ слышу:

— Пока живы, а завтра, видать, пойдем за фельдфебелем.

Спаслись многие, но люди напуганы. Приказываю:

— Всем вылезать из окопов! Взводным проверить и доложить о потерях!

Один из взводных подходит:

— Ваше благородие, солдаты отказываются выходить. Говорят, в окопах умирать сподручнее.

Пришлось самому обойти все окопы, вывести солдат. Говорю им:

— Тяжело вам досталось, братцы. Многих нет, но остальным надо жить. Я тоже умирать не хочу. Применим хитрость: отроем окопы впереди, хорошо замаскируем и скроемся в них. А старые подновим. Увидите, что получится.

Впереди поле с овсом. Отмерил я двести шагов, расставил людей и приказал рыть. К утру все было готово: новые окопы отрыты и замаскированы, старые местами подправлены. К рассвету залегли. Я строго наказал никому, кроме наблюдателей, не высовываться. Для меня санитар Семен Иванович Рыжов тоже отрыл щель, прикрыл ее доской, а сверху засыпал землей.

Наступило утро. Что принесет нам новый день — жизнь или смерть?

Первый снаряд разорвался над старыми окопами, второй и третий — там же. Огневой налет — тоже по ним.

Солдаты, лежащие поблизости, приподнимают головы, смотрят на меня с улыбкой:

— А ведь обманули австрийца!

Обстрел с небольшими паузами продолжался весь день. Временами огонь вели 12– и 14-дюймовые орудия. Разорвется такой снаряд — и земля дрожит, а со стенок окопов песок сыплется.

К вечеру стрельба затихла. Чтобы не повторилось вчерашнего, из окопов пока не выходим. Подсчитал потери: пятеро раненых и ни одного убитого. А вчера за один налет было 56 убитых и 19 раненых.

Обошел окопы. Солдаты бодрые. Спрашивают:

— Когда и где новые окопы будем рыть?

— Новых рыть не будем, перейдем в старые.

— Перебьют там!

— А мы врага снова обманем — эти демаскируем, а старые только углубим.

Пришел комбат, одобрил наши действия. Следующий день обещал провести с нами. Затем явился командир 10-й роты прапорщик Шпаченко, говорит:

— Батальонный прислал за опытом. Что вы тут придумали? — Но, выслушав мой рассказ, заметил: — Все это ерунда. Просто противник вел огонь по моей роте, потому у тебя

и потери небольшие.

Наступил второй день. Теперь, к нашей радости, снаряды рвались впереди, на оставленных окопах. Было два сильных огневых налета. Вблизи наших окопов падали только перелетевшие снаряды, а 12-й роте пришлось туго.

Едва стемнело, Шпаченко, опять пришел. Спрашивает:

— У тебя какие потери?

— Три человека.

— Ну что же, придется, видно, рыть окопы по твоему методу…

Третий день застал нас в окопах, отрытых впереди новых. На этот раз огонь противника показался мне еще более страшным. Возможно, повлияло то, что мы третий день голодали.

Днем меня вызвал батальонный, находившийся в 12-й роте. С ним были Шпаченко и начальник пулеметной команды.

— Подкрепитесь, а то так и с голоду умереть недолго, — усмехнулся поручик, подавая мне стакан водки и кусок колбасы.

Выпили, поговорили, и я уже решил уходить, но поручик задержал меня до вечера.

Когда стрельба стихла, он пошел со мной. Приходим, смотрим: на месте моей землянки-щели — огромная воронка. Поручик взглянул на меня:

— Кажется, я правильно сделал, что не пустил вас днем!

В ту ночь наши роты сменили. Три дня, проведенные под разрывами снарядов, сблизили меня с солдатами больше, чем годы службы.

За бой у Заложцев меня и Шпаченко произвели в подпоручики.

Погоны — долой!

Успешное наступление войск Юго-Западного фронта и нажим союзников вынудили Румынию объявить войну Австрии и Германии. Но отборные немецкие дивизии быстро разбили слабо вооруженные, руководимые бездарными генералами королевские армии. Только помощь русских корпусов спасла их от окончательного разгрома.

В районе румынских Карпат русские войска готовились преодолеть горный массив и прорваться в Венгерскую долину. Это было бы смертельным ударом для двуединой Австро-Венгерской империи и к тому же создавало угрозу вторжения в Германию. Немецкое командование, хорошо сознавая это, направило в горы свежие силы.

В порядке контрмер 6 ноября.1916 года наша дивизия тоже была переброшена на румынский фронт.

Мы выгрузились возле города Черновицы и, обойдя его, направились по горной дороге. Три дня продолжался трудный марш. Гололедица несколько снизила темп движения, но мы своевременно добрались к подножию горы Кырли-Баба, нависающей над рекой Быстрица.

Последовал приказ выбить немцев с гребня горы. Противник не принял штыкового боя и отступил.

После этого наш батальон перебросили ближе к городу Ватра-Дорне.

Обстановка здесь необычная, трудная. Роте достался участок на двух лесистых хребтах, протянувшихся перпендикулярно друг другу. Ширина участка по фронту — верста, но мы заняли его не весь, а только прикрыли проход между хребтами.

Сплошных окопов нет. Моя землянка представляла собой всего лишь неглубокую яму с двумя отверстиями: большим — для входа и меньшим — для дыма. Местами впереди окопов полосы спиленного леса. Это завалы, заменяющие проволочные заграждения.

Целыми днями мне приходилось бродить по ротному району, подбадривая людей, заставляя работать над улучшением окопов.

Противник далеко внизу решил получше ознакомиться с его обороной, надел маскировочный халат и спустился с разведчиками поближе к вражеским позициям. Удалось выяснить, что перед обороной немцы создали завал шириной 70 шагов, установили проволочные заграждения в пять рядов кольев. Окопы у них фундаментальные — с бойницами и бревенчатыми козырьками.

— Хорошо, гады, устроились, — позавидовал старший разведчик Степанов, — не то что мы…

Почти вся зима прошла спокойно. Только вечером 7 февраля 1917 года к нам перебежал солдат противника из словаков и сообщил, что на следующий день следует ждать наступления. Отослав пленного в штаб полка, я до рассвета обошел окопы, поговорил с солдатами, убедился, что настроение у них боевое.

Перебежчик не обманул. Когда рассвело, противник сначала обстрелял весь наш батальон артиллерийским огнем. Потом усилился огонь правее нас, против 9-й и 10-й рот, которыми командовали Попков и Шпаченко.

Позвонил батальонный командир. Опасаясь за связь, он назначил меня своим заместителем и предложил действовать сообразно обстановке.

— Попков и Шпаченко знают об этом, — сказал в заключение батальонный.

Оставив за себя своего помощника прапорщика С. Кичигина, потомственного охотника-северянина, я взял с собой 3-й взвод моей роты, а также разведчиков и направился на правый фланг, где положение было довольно серьезным.

В окопах 9-й и 10-й рот ротных командиров не оказалось. Попкова контузило, а Шпаченко укрылся в блиндаже. Хорошо, что солдаты не растерялись. Оставшись без командиров, они сами сумели оценить выгодность позиции на стыке между ротами, сосредоточились там и отбили сильную атаку.

До конца дня противник еще дважды атаковал нас. Его цепи наступали с песней. Видимо, солдаты хлебнули шнапса.

Во время третьей атаки немцы продвинулись особенно далеко. 3-й взвод моей роты и разведчики пошли в контратаку с фланга. Противник отхлынул, оставив на поле много убитых и раненых.

У нас тоже были потери. Ночью наш батальон отвели в резерв.

* * *

В это время в стране происходили важные исторические события. Правда, узнавали мы обо всем с большим опозданием.

Нам было известно о неблагополучии в правительстве. Говорили, что царица шпионит в пользу Вильгельма, шли слухи о скандальных похождениях Распутина. Письма родных о трудностях, нищете, а главное — плохое обеспечение фронта, подорвали уважение к царю не только у солдат и прапорщиков

военного времени, но и у многих кадровых офицеров.

Вот почему весть о февральской революции и свержении царя на фронте встретили с чувством облегчения. Насторожились только старшие кадровые офицеры. Командир полка Никитников выразил настроение этой части военнослужащих, заявив:

— Конечно, его императорское величество Николай Александрович уже не может править Россией. Но почему не поставить другого царя?

А когда прибыл знаменитый приказ № 1, которым отменялось титулование офицеров и запрещалось обращение к нижним чинам на «ты», Никитников и его помощники полковники И. Д. Томашевский и Ф. С. Ломиашвили усмотрели в этом если не угрозу разложения армии, то по крайней мере страшный удар по дисциплине.

Мы, офицеры военного времени, держались иного мнения. Ведь в ряде европейских армий порядки были демократичнее, чем в русской царской армии, а дисциплина ничуть не хуже, и воевали солдаты тех армий храбро.

Вслед за приказом № 1 поступило предписание на собраниях избрать полковые комитеты. В нашем полку в комитет избрали десять солдат и трех офицеров, в том числе и меня.

На первом же заседании полковой комитет постановил заменить полкового адъютанта барона Брюгге. Мне поручили сообщить об этом решении командованию.

Командир полка убыл в отпуск. Замещал его полковник Ломиашвили, в прошлом начальник жандармского управления одного из городов. Когда я явился в штаб и доложил о цели прихода, Ломиашвили сухо спросил:

— Не находите ли вы, подпоручик, странной такую постановку вопроса?

— Я, господин полковник, выполняю решение полкового комитета. Мое личное мнение на него повлиять не может.

— Хорошо, — барабаня пальцами по столу, сказал полковник, — через три дня дам ответ.

Я откланялся и направился в батальон. Дорога шла вдоль Быстрицы. Ярко светило солнце, журчали сбегавшие с гор ручейки, глухо шумела многоводная река. Настроение у меня приподнятое от сознания, что оправдал доверие полкового комитета.

Встречный солдат остановился, вытянулся и отдал честь. «Старая привычка», — подумал я, отвечая на приветствие. А через минуту меня окликнул полковник Ломиашвили:

— Подпоручик Абрамов! Нормально ли, что командира роты его солдаты приветствуют по всем правилам, а командира полка

обходят?

— Считаю, что не нормально, господин полковник. Только солдат был не из моей роты.

Полковник не понимал, да и я тогда еще не осознал, что в моем лице солдат приветствовал не подпоручика Абрамова, а представителя полкового комитета, что миллионы таких солдат, законно ненавидевших старорежимное офицерство, скоро при народной власти станут образцом выполнения воинского долга и будут с радостью приветствовать советских офицеров.

* * *

Три года судьба меня щадила. А вот в начале июня 1917 года в одном из боев пуля основательно продырявила мне бедро. Более двух месяцев пришлось проваляться на госпитальной койке. В палате только и разговоров, что об июньском наступлении. Раненые офицеры, участники боев под Тарнополем, с гневом рассказывали о том, что десятки тысяч солдат и офицеров отдали там бесцельно свои жизни по вине лакея Антанты — авантюриста Керенского.

Трудно мне было разобраться в обстановке, сложившейся к концу лета. В моем сознании не укладывалось, почему «штафирка» Керенский стал главкомом. Если говорили: «Курица не птица, прапорщик — не офицер», то что сказать об адвокатишке, осмелившемся взять в свои руки судьбу огромного фронта от Балтийского моря до Черного. Командующий нашей 8-й армией генерал Каледин бросил фронт и уехал на Дон.

По выздоровлении я опять направился в Румынию. В вагоне шли бесконечные разговоры на темы дня. Одни пассажиры — их было меньше — ратовали за продолжение войны до победного конца. Большинство же, особенно солдаты, считали, что с войной нужно кончать. Я был согласен с последними, но стоял за почетный мир, а для этого, полагал, нужно крепко держать строит.

Моя рота располагалась на горе, верстах в шести от штаба полка. У подножия ждали предупрежденные по телефону мой помощник прапорщик Кичигин, фельдфебель Москвитин и старший разведчик Степанов. На груди у Москвитина и Степанова я заметил новенькие георгиевские кресты.

— Не подкачали мы без вас, — похвастал Кичигин. — Рота за два месяца десять «Георгиев» получила.

В те дни на фронте было тихо. Позади окопов, в лесу, можно ходить спокойно. Там свободные от наряда и работ солдаты

садились прямо на пеньки или бревна и, покуривая «козьи ножки», вели бесконечные разговоры.

— Что слышно о мире? — сразу спросили меня, когда я пришел их проведать.

На этот волновавший всех вопрос ответить нелегко. Пришлось ограничиться краткой фразой:

— Временное правительство требует воевать до победного конца.

— А когда же он будет, этот победный конец?

— Трудно сказать. Но зиму, пожалуй, придется провести в окопах.

— Тяжело солдатам, — заметил по дороге в землянку Кичигин. — Да, по совести говоря, и мне хочется поскорее вернуться домой, к ребятишкам. Соскучился, — виновато улыбнулся он.

Положением в стране интересовались не только солдаты, но и многие офицеры. Хотя шел уже седьмой месяц революции, у нас, в румынских Карпатах, большинство еще слабо разбиралось в обстановке. Только подпоручики Б. В. Юдин и С. Д. Огородников могли рассказать о разнице между эсерами и социал-демократами, разъяснить, и то несколько путано, программу социал-демократов — ленинцев.

Готовились выборы в Учредительное собрание. А многие из нас все еще не могли решить, за кого голосовать. Партий несколько, и все они в предвыборных программах много обещают. А где у них кончается правда и начинается демагогия, определить не можем.

Незадолго до дня выборов собралось нас с десяток офицеров. Рассуждаем, за какой список отдать голоса, и колеблемся. Спросили Юдина, какая партия на деле за простой народ стоит. Он говорит:

— Социал-демократы и социалисты-революционеры.

— А из них кто более желателен для народа? — добивались мы.

— По всем данным, большевики. Руководит ими Ленин. Они требуют немедленного окончания войны, раздачи крестьянам земли без выкупа.

— Так чего ж раздумывать? Выходит, эта партия лучше всех! — горячо заявил Кичигин.

— Так-то оно так. Только Временное правительство почему-то считает большевиков шпионами, — вмешался в разговор Огородников.

— Я не знаю, шпионы они или нет, но раз они за мир да еще землю народу обещают, я буду за них голосовать, —

безапелляционно заявил мой помощник.

— Правильно! — поддержал его кто-то из прапорщиков. — Неужели же по примеру полковника Ломиашвили кадетов выбирать?

Так постепенно определилось наше отношение. Еще не полностью понимая, что к чему, скорее интуитивно, чем сознательно, мы решили голосовать за большевиков.

Мне думается, зря Румынскому фронту в 1917 году уделялось мало внимания. В чужом краю, затерянные в горах, мы варились в собственном соку. Впрочем, возможно, в другие дивизии агитаторы и приезжали, но у нас их не было — горы затрудняли сообщение.

* * *

Осенью 1917 года положение в окопах резко ухудшилось. Продовольственный паек сократился. В неделю было введено по 2–3 постных дня. Вместо гречневой каши нас стали ежедневно кормить чечевицей. И она так всем надоела, что про нее сложили даже частушку:

Если сварят чечевицу,
Отдадим и Черновицу.
Если будет каша,
Ватра-Дорне станет наша[1].

Я посылал в деревню денщика и на свои деньги покупал для солдат кукурузную муку, из которой пекли лепешки, варили мамалыгу. Говорят, что мамалыга — вкусное питательное блюдо. У нас же, без приправы и жиров, она только пучила желудки.

В ноябре стало известно, что уже полмесяца назад Временное правительство свергнуто и в стране установлена Советская власть. Сведений о новой власти поступало немного.

Нам совершенно перестали доставлять газеты. Командующий Румынским фронтом генерал Щербачев, которого в России скоро стали называть «Калединым юга», принял все зависящие от него меры для недопущения в войска «большевистской заразы». Прибывший из Петрограда комиссар фронта С. Рошаль был растерзан щербачевцами.

Нас загнали еще глубже в горы, куда шла только пешеходная тропа. С продовольствием стало совсем плохо. Хлеб приносили в мизерном количестве, и его делили с ювелирной точностью.

Поручалось это солдатам, известным своим глазомером и честностью. Бывало, придешь во взвод, когда туда поступил хлеб, и с болью в сердце смотришь, как его делят.

Солдат тщательно измеряет каждую буханку шпагатиком, затем высчитывает размеры порций и нарезает их. А вокруг него стоят все остальные и внимательно наблюдают.

Но вот наконец порции готовы, многие из них с маленькими кусочками — «довесками».

Казалось, дележ проведен точно. Но и это не все. Солдаты добиваются абсолютной беспристрастности. Один из них отворачивается. Другой показывает на порцию:

— Кому?

— Иванову! — отвечает первый.

— Кому?

— Петрову!

А получив свою порцию, каждый стремится растянуть ее на завтрак, на обед и даже чтобы осталось чем «заморить червячка» перед сном. Но начинается завтрак — и от благих намерений не остается и следа. Большинство сразу съедает большую часть пайка.

У офицеров было не лучше. Изучив «опыт» солдат, мы так же делили свой хлеб.

Словом, было голодно, тоскливо и нудно. В России происходили серьезные события, а мы о них не знали. Только изредка телефонист из штаба полка ночью сообщит по секрету приятелю — ротному телефонисту, что услышит сам, а тот утром поделится новостью со мной. В большинстве своем такие сведения были малозначительны и не всегда точны.

В начале декабря нас отвели в резерв, и полки разместились в районе местечка Ботошаны.

По какой-то непонятной причине на меня свалилась напасть — началась глазная болезнь. Сперва появились ячмени. Лечился я по советам солдат: завязывал суконную нитку на указательном пальце, плевал через плечо, прикладывал к глазам тряпки с чаем, применял и еще много других «патентованных» средств. Ничто не помогало, нижние веки гноились, зрение слабело.

Следовало пойти в полковой околоток, но вырваться нельзя. Командир батальона штабс-капитан М. А. Ушаков временно убыл в тыл и оставил меня, произведенного к тому времени в поручики, заместителем. Пришлось ждать его возвращения.

Вечерами в просторной землянке батальонного собирались офицеры. Все мы были молоды, все, как тогда говорили, «простолюдины». До поздней ночи вели бесконечные, зачастую наивные, путаные, утопические разговоры о судьбах России, о новой жизни.

Как-то, это было во второй половине декабря, числа двадцатого, вот так же. мы сидели вокруг стола, разговаривали.

Вдруг поднимается телефонист, протягивает мне трубку:

— Господин поручик, командир дивизии вызывает командира полка. Будет серьезный разговор.

Я взял трубку и слышу голос генерала А. П. Семенова:

— Хочу обрадовать вас, полковник, новостями.

— Слушаю, ваше превосходительство, — ответил заменивший Никитникова командир полка Г. Н. Максимов.

— Получен декрет народных комиссаров об упразднении в армии чинов и орденов. Приказывают также провести выборы командиров.

— М-да… Новости, что и говорить, малоприятные.

— Ваша правда, полковник, — продолжал генерал. — Но приказ есть приказ. Инструкция вам послана, думаю, к утру вы ее получите. Надо принять меры, чтобы реформа прошла в дивизии без инцидентов. Поступили сведения — кое-где уже пролита офицерская кровь.

— Когда это должно быть проведено? — спросил Максимов, делая ударение на слове «это».

— Начиная с завтрашнего дня…

Разговор давно уже кончился, а я все еще стою с трубкой, задумавшись, не в силах сразу уяснить всю значимость происходящего. Офицеры выжидательно смотрят на меня.

— Что случилось? — спросил наконец Шпаченко.

— Завтра все снимем погоны. Будут выборы ротных, батальонных, полковых командиров, — ответил я и пересказал услышанное.

В землянке началось столпотворение. Большинство офицеров бросились пожимать друг другу руки, некоторые кричали «ура». Потом кто-то предложил:

— Качать командира.

И действительно стали бы качать, если бы землянка была повыше. А так просто положили меня на койку и приподняли раза два.

Когда немного успокоились, некоторые сразу же взялись за ножи, чтобы срезать погоны. Я отсоветовал.

Предложил дождаться приказа и сделать это перед ротами.

Ночью долго не мог заснуть. Лежал с открытыми глазами и все думал. Завтра предстояло событие, которое перевернет наши судьбы. Оно коснется всех офицеров, и меня тоже. А я успел полюбить военную профессию и решил было посвятить ей всю жизнь. Даже фронтом, неизбежными трудностями и опасностями войны не тяготился. К солдатам привязался, и они отвечали мне уважением. Надеялся быть полезным народу в качестве офицера. Теперь эта мечта отпадает. Но ничего, смогу принести пользу,

работая и учителем. Только, что станет с армией? Не ослабит ли намеченная демократизация нашего фронта? Впрочем, новое правительство знает, что лучше.

Под утро прибыла телефонограмма с вызовом в штаб полка. Было еще темно, когда мы с поручиком Шпаченко вышли. До штаба верст шесть, дорога хорошая. Утро холодное, но без ветра, и мы быстро шагали, оживленно беседуя.

Рассвело. По пути стали встречаться солдаты. Я с удивлением заметил, что сегодня они здоровались особенно приветливо, многие провожали нас пристальными взглядами.

Вошли в деревню. На площади стояла толпа солдат. Один из них, бросив кверху шапку, крикнул:

— Поручику Абрамову, ура!

— В чем дело, Виноградский? — спросил я стоявшего ближе других солдата из музыкантской команды.

— Не догадываетесь? — ответил тот вопросом на вопрос. — Мы приветствуем первого офицера, добровольно расставшегося с символом офицерских привилегий.

Я покосился на свои плечи — погон на шинели не было.

— Ей богу, Виноградский, я не снимал их. Не могу понять, как это случилось.

— Ничего, ничего, господин поручик, не смущайтесь. Дивизионный ревком вас поддержит.

— Какой «ревком»?

— Революционный комитет дивизии, который вчера избрали. Я его председатель.

«Не иначе, Виноградский большевик, — сообразил я. — А ведь как тихо вел себя, и подумать было нельзя».

Когда мы со Шпаченко подходили к штабу, на крыльце дома стоял полковник Максимов. Он сухо ответил на приветствие и с упреком сказал:

— Никак не ожидал, что вы, поручик Абрамов, подадите пример неорганизованности!

— Виноват, господин полковник. Но я сам только при подходе к штабу заметил отсутствие погон. Видимо, прапорщики ночью подшутили.

Максимов молча посторонился, пропуская меня. Чувствовалось, что он мне не верит.

В комнате уже собрались все батальонные командиры. Они встретили меня едкими репликами:

— Посмотрите-ка, Абрамов всех опередил!

— Еще бы! Разве нам за ним угнаться!..

Максимов прочел приказ об упразднении чинов, орденов и о выборах на командные должности. Затем указал порядок

выборов, предупредил о необходимости соблюдать выдержку, чтобы не допускать «нежелательных эксцессов».

— Перед лицом врага нельзя допускать ослабления боеспособности, — сказал он в заключение.

После совещания я зашел в полковой околоток. Врач внимательно осмотрел мои глаза, определил, что начинается весьма опасное заболевание и стал настаивать на немедленной отправке меня в тыл для серьезного лечения. Я все же добился отсрочки на неделю.

Созвав всех офицеров батальона, сообщил им содержание приказа командира дивизии. Ротным предложил каждому в определенное время построить личный состав, а сам пошел в свою, одиннадцатую. Солдат тоже ознакомил с приказом. А затем тут же, перед строем, вместе с младшими офицерами мы спороли с гимнастерок погоны и бросили в костер.

— Теперь, — сказал я солдатам, — мы не офицеры, и, обращаясь к нам, нужно говорить не «господин», а «товарищ». Сейчас я ухожу, а вы здесь посоветуйтесь и выберите себе командиров. Только выбирайте таких, которые могли бы руководить и в случае опасности не растерялись и не погубили людей…

Я начал обход других рот. Там тоже офицеры снимали погоны. После краткого напутственного слова роты приступили к выборам командного состава.

Чтобы не стеснять солдат, весь офицерский состав собрался в моей землянке. Скоро туда пришел председатель ротного комитета одиннадцатой и доложил, что рота выбрала своим командиром меня. Оставлены также на своих должностях Кичигин, фельдфебель и взводные.

Сообщение обрадовало меня. Возвратившись к строю, я поблагодарил солдат за оказанное доверие и обещал полностью оправдать его.

Остались прежние командиры и в 9-й, 10-й ротах. Только 12-я не избрала подпоручика Юдина, что меня, знавшего его прогрессивные взгляды, несколько удивило. Но дело оказалось в том, что Юдин почему-то все время держался обособленно от солдат и они чувствовали в нем «барина».

Вообще, на примере батальона мы убедились, что солдаты подошли к выборам серьезно. Особенно это проявилось на примере 10-й роты.

Незадолго до того поручик Шпаченко подал рапорт на группу солдат, нарушивших приказ. Виновные пошли под суд. Но сейчас рота признала, что Шпаченко действовал правильно, и утвердила его своим командиром.

Ночью поступила телефонограмма из штаба дивизии. Меня вызывали на заседание революционного комитета. Из полка пригласили еще командира 4-го батальона капитана Померанцева.

Мы вместе поехали в Ботошаны. В большой комнате собрались офицеры штаба и представители полков. Скоро пришел командир дивизии генерал-майор Семенов. Он пригласил всех к столу. Угощение было простое, но сытное.

После обеда нас провели в комнату совещаний. Там уже были Ф. Г. Виноградский, молодой прапорщик С. Малкин и несколько унтер-офицеров и солдат.

Сели за стол, и я подумал: «Какое необычное совещание! Генерал, капитан, прапорщики, поручики, полковой музыкант, унтер-офицеры и солдаты собрались за одним столом и будут решать судьбу дивизии». Мы с Померанцевым чувствовали себя скованными, унтер-офицеры и солдаты сидели словно по команде «смирно», да и генерал смотрел на всех с видом человека, спрашивающего себя: «Не сон это?» Только Виноградский и Малкин вели себя непринужденно.

После непродолжительной паузы Семенов спросил Виноградского:

— Начнем?

— Пожалуйста, — привстал тот.

— Господа, — сказал генерал. Вам известно уже, что согласно декрету нового правительства в армии отменяются чины, звания и ордена, а также проводятся выборы на командные должности. Это сложное и беспрецедентное мероприятие. Проводить его нужно немедленно, в условиях, когда мы находимся на чужой территории, перед лицом сильного и коварного врага. Прошу вас выбрать нового командира дивизии, чтобы он вместе с дивизионным комитетом провел демократизацию армии без особых осложнений.

Померанцев посмотрел на меня, и я понял его взгляд. Так вот, оказывается, зачем нас вызвали, нам предстоит выбрать командира дивизии.

Семенов сел. Виноградский обратился к нему:

— А если, господин генерал, дивизионный ревком попросит вас остаться нашим выборным командиром?

— Да, да, просим! — поддержал Померанцев.

— Благодарю за честь, — поклонился генерал, — но, к сожалению, я должен срочно уехать на лечение. Думаю, что мое присутствие здесь сейчас излишне. Честь имею. — И ушел.

— Что ж, — развел руками Виноградский, — ничего не поделаешь Ревком еще до совещания предложил генералу

остаться, но тот не согласился. Теперь нам нужно избрать нового командира дивизии. Мы рассматривали этот вопрос и предлагаем кандидатуру прапорщика Малкина. Он только недавно окончил школу, и хотя еще не воевал, но зарекомендовал себя энергичным, смелым, идущим в ногу с революцией.

Выдвижение Малкина поразило меня. Мы еще мало его знали. Он только что прибыл в дивизию, и его сразу же кооптировали в дивизионный комитет.

Я посмотрел на Померанцева и по его виду заметил, что он тоже в смятении. И волноваться было отчего. До сих пор нам доказывали, что командовать дивизией может только генерал, окончивший академию генерального штаба. На худой конец, временно — полковник. А тут — прапорщик. Да еще новичок на фронте, не нюхавший пороха, не командовавший даже ротой. Глядя на безусое, в очках лицо Малкина, я подумал, что даже мой заместитель Кичигин имеет больше права рассчитывать на такой пост.

Только я было раскрыл рот, чтобы предложить кандидатуру полковника Максимова, как все унтер-офицеры единодушно поддержали Виноградского. Один из них, представитель Челябинского полка Петров, ныне пенсионер, встал и говорит:

— Прапорщика товарища Малкина я знаю давно. Будет из него хороший командир дивизии.

И Малкина выбрали.

Виноградский снова встал:

— Дивизионный ревком хорошо понимает, что у товарища Малкина мало боевого опыта. Поэтому предлагаем выбрать начальником штаба дивизии поручика Абрамова.

От неожиданности я вздрогнул. Что же это?.. Штабная наука представлялась мне недосягаемой… Мои мысли никогда не залетали выше должности командира батальона. Повинуясь внутреннему порыву, я твердо заявил:

— Есть возражение! Для предлагаемой должности у меня нет ни знаний, ни опыта. Кроме того, если я не выполню советов врача и не выеду завтра-послезавтра в госпиталь, мне угрожает слепота. Предлагаю избрать капитана Померанцева.

Кандидатура капитана прошла единогласно.

После этого мы обсудили вопрос о мерах, которые следовало принять для быстрейшей демократизации дивизии и для поддержания ее боеспособности. Каждый высказывал свое мнение, и его внимательно слушали. Особенно смело, с неожиданными предложениями выступил Малкин. Глядя на него, я просто удивился: пороху не нюхал, а какие здравые суждения!

На обратном пути в батальон я зашел в штаб полка и получил

направление в госпиталь. Поскольку Кичигин уехал в отпуск, командование ротой передал прапорщику А. Пирогову. Жаль было оставлять подразделение «на распутье», но ничего не поделаешь — надо вылечить глаза.

На ближайшей станции меня приняли в санитарный поезд, и он отправился на восток, в Россию. Наш вагон был заполнен больными и ранеными офицерами. Они вели бесконечные разговоры о положении в стране. Некоторые в истерике кричали, что Россия погибла. Другие успокаивали их, утверждая, что большевики не продержатся дольше января 1918 года.

Я еще очень многого не понимал, в разговоры попутчиков почти не вступал. Но по всему было заметно, что в стране повеяло чем-то новым, радостным для народа. И представлялось мне, будто сейчас, в зимнюю декабрьскую стужу, над Россией взошло солнце, яркое и желанное…

В морозное утро наш санитарный поезд остановился у перрона харьковского вокзала. Сквозь закрытые окна и двери в вагон врывался гул толпы. По перрону пробегали озабоченные бородатые солдаты с вещевыми мешками за спиной.

В Харькове мы разгрузились и примерно через час очутились в большом сером здании госпиталя, расположенного на привокзальной площади.

Пребывание в госпитале в начале восемнадцатого года много дало мне для понимания происходящих событий. Харьков был тогда столицей молодой Украинской Советской Республики. Здесь формировались, сюда прибывали из Петрограда и Москвы революционные войска. Отсюда они направлялись к Ростову для борьбы с калединцами и на юго-запад, чтобы освободить Украину от буржуазных националистов. Каждый день жизни в Харькове приносил новое и очень важное. Все это хотелось получше осознать.

Повышенный интерес к событиям проявляли все молодые офицеры военного времени, вроде меня. Мы жадно наверстывали упущенное за вторую половину семнадцатого года.

С опозданием на два месяца мне удалось прочитать обращение II Всероссийского съезда Советов «К фронту», призывавшее сохранять революционный порядок и твердость. У меня это обращение вызвало большое удовлетворение. Выходит, недаром мы крепко держали позиции на Карпатах. Не допустить врага к своим границам — значит облегчить новому правительству переговоры о почетном мире.

Харьков бурлил, как кипящий котел. Стало известно, что представители Центральной рады подписали сепаратный договор с Германией, призвали немцев на Украину. Сопоставляя

прочитанное в газетах и услышанное на митингах, мы приходили к выводу, что только большевики, ведущие политику за прекращение войны из условиях сохранения целостности страны, могут спасти родину.

В то же время многие из кадровых офицеров брюзжали. Мне запомнился один из таких, бывший капитан, ехавший с нами в санитарном поезде и теперь находившийся со мной в одной палате. Всем он был недоволен, все его раздражало.

— Погубили, ироды, Россию, разложили армию. Немец теперь возьмет нас голыми руками. Вы слышите, как они поют за окном: «Смело мы в бой пойдем…»? А кто их поведет? Ни один порядочный офицер не может показаться на улицах… Лежим скоро месяц, а не видели пока никого из начальства.

В этот момент словно нарочно вместе с врачом и сестрой в палату вошел средних лет человек, в простом ватном пиджаке.

— Здравствуйте, товарищи! Я комиссар госпиталя. Как себя чувствуете? Как идет лечение? — приветливо улыбаясь, спросил он.

— Ухаживают за нами хорошо, — ответил за всех мой сосед по койке прапорщик Н. Кудрявцев. — Только вот с питанием того… неважно.

Комиссар прошелся по палате, потом подошел к Кудрявцеву, присел на его койку:

— Мне понятна ваша претензия, товарищ. Но сейчас в стране очень трудно с продовольствием. Буржуи да кулачье в борьбе против революции идут на все — хлеб прячут, гноят, а народу не дают. Это понимать надо, когда случается заминка с питанием.

— Меня интересует, товарищ комиссар, солдаты в госпитале находятся в лучшем или худшем положении по сравнению с нами? — опять спросил Кудрявцев.

Комиссар улыбнулся:

— Революция всех уравняла, сделав гражданами. Все, лежащие в госпиталях, находятся в одинаковых условиях…

— Позвольте, — перебил его брюзга-капитан. — Если революция всех уравняла, то не должно быть начальников и подчиненных. Кстати, вы, как комиссар, тоже что-то вроде командира. Какое же это равенство?

Комиссар повернулся к капитану:

— Этот вопрос мне уже задавали в других палатах. Да, у нас будут и командиры, и начальники. Чтобы не было анархии, людьми надо руководить. Только между старым и новым командиром большая разница. Старый офицер, как правило, был из богатых, а наш, новый, — из простых. У нас каждый может стать начальником, в расчет принимается теперь не сословие и

состояние, а личные качества. Понятно?

— Нет, непонятно! — резко ответил, почти крикнул, капитан. — Где вы наберете настоящих, образованных, с военным опытом командиров? Слышали мы, как на некоторых станциях солдатня кричала: «Золотопогонников — в штаб Духовнина!» Насколько я понял, они призывали расстреливать офицеров.

Мы все ожидали, что эта резкая и глупая реплика выведет комиссара из себя, но он оставался спокойным:

— Один несознательный или провокатор крикнул, а вы и в панику ударились. Мы уважаем и ценим всех честных офицеров. Многие из них уже служат революции. — Комиссар посмотрел на нас и заключил: — У кого силенка есть, советую пройтись по городу и убедиться, что капитан не прав…

Мы с Кудрявцевым воспользовались этим предложением и, пригласив с собой раздраженного капитана, пошли бродить по городу. На привокзальной площади полно народу, главным образом солдат. Бородатый здоровяк в распахнутой шинели подошел к нашему спутнику, державшему в руках папиросу.

— Братишка, позволь прикурить!

Капитан протянул солдату папиросу, а затем торопливо ушел в госпиталь. Когда час спустя мы с Кудрявцевым вернулись полные впечатлений, я спросил брюзгу:

— Почему вы так быстро ретировались? У нас был интересный разговор с тремя капитанами. Они сейчас командуют батальонами в большевистском полку. Весьма довольны.

Капитан досадливо отмахнулся.

— Ах, оставьте… Слыхали, братишкой меня назвал! Он мужик, в навозе всю жизнь ковырялся, а я офицер, дворянин. Еще недоставало, чтобы он похлопал меня по плечу!

— Зря сердитесь, — примирительно сказал Кудрявцев. — А по-моему, хорошо, что он вас так назвал. Это означает, что солдат считает вас своим, простил, так сказать, дворянство.

Капитан болезненно поморщился.

* * *

Началась разгрузка госпиталя. Больных и раненых направляли для лечения в другие города. Я попросился в Вологду, поближе к родине.

Лечение шло успешно, здоровье улучшилось, и мне дали отпуск для поездки в деревню.

Дома было благополучнее, чем в пору моего отъезда. Сказалось, видимо, что я два года регулярно посылал родителям

деньги. Семья обзавелась коровой, лошадью… Приятно было встретиться с братом Терентием, который совсем вернулся из армии.

На следующее утро после моего приезда к нам заглянул крестьянин Михаил Кузнецов, одно время работавший в Питере. Он умел читать и писать, любил поговорить и всегда проявлял большой интерес к общественной жизни. Закрыв за собой дверь и стряхнув с шапки снег, Кузнецов зачастил скороговоркой:

— Привет хозяину с хозяюшкой и всем честным людям, а тебе, Василий Леонтьевич, особый! С благополучным возвращением.

— И ты, Михайло, будь здоров. Проходи и садись, — пригласил гостя отец.

— Совсем вернулся, Василий Леонтьевич, али на побывку?

— На побывку.

— И то хорошо. Отца, мать, деревню свою не забываешь. А к делам волости интерес имеешь?

— Я еще не успел ему рассказать, как наши богатеи Советскую власть прокатили на вороных, — упредил меня Терентий.

— Могу все досконально обсказать, — живо вызвался Кузнецов, поглаживая свою рыжую бородку. — Недели этак две-три тому назад собрался волостной сход. Агитатор из Пудоги произнес большую речь, призывая выбрать Советскую власть, и предложил желающим высказаться. А сам знаешь, мужик наш темный, говорить не умеет и побаивается сраму. Вышел только Яшка Колин из деревни Шейной, лавочник. Помнишь его? Тот, что в лисьей шубе в церковь приходил, форсу задавал… Ох и хитрая бестия! Самому черту зубы заговорит. Прикинулся простачком: «Замена одной власти другой дело сурьезное, — говорит, — его надо хорошо обмозговать, чтобы не попасть впросак. Господина агитатора мы видим впервые. Он как приехал, так и уедет. С него, как говорится, взятки гладки, а с нас спросят. Правду я говорю, мужики?» «Правду!» — закричали богатеи Семен Клюев, Егор Плешков и другие. Надели они шапки и пошли до дому. А за ними — остальные.

— Почему же фронтовики молчали и позволили сорвать выборы? — спросил я.

— Нас еще не было, — ответил Терентий. — Не успели приехать.

А Кузнецов продолжал:

— Вот какие у нас дела в волости. Совсем, можно сказать, неважные. Не поможешь ли ты, Василий Леонтьевич, выбрать Советскую власть?

— Конечно помогу!

— Вот хорошо. Вот спасибочко-то! — обрадовался Кузнецов.

Мы пошли в Шурингу посоветоваться с учителем, Иваном Емельяновичей. Еще не успели разговориться, как начали заходить «гости»: торговец Егор Плешков, Яков Колин, дьякон Размаринский. Мне было ясно, что их приход неслучаен.

Обменявшись несколькими малозначащими фразами, Яков Колин вдруг спрашивает:

— Правду ли говорят люди, что вы, Василий Леонтьевич, стали большевиком и привезли сюда Советскую власть?

— По дороге с фронта домой я проехал почти через всю Россию. Повсюду установлена Советская власть. А вот в нашей волости ее нет. Я, как состоящий на военной службе, обязан выполнять приказы новой власти и председателя Совнаркома товарища Ленина. Большевиком я еще не стал, но стою за выборы Совета!

— Хорошо сказано! — похвалил Иван Емельянович.

— Для кого хорошо, а для кого плохо, — возразил Плешков.

Яков Колин пропустил это мимо ушей и опять обращается ко мне, разводя руками:

— Не пойму я вас, Василий Леонтьевич! С большим трудом из бедняков выбились в люди, чины и награды имеете, стали первым в волости — и вдруг такое.

— Рубите сук, на который уселись, — поддержал его Плешков.

— А я скажу, что неотвратимое нельзя отвратить. Пора выбирать Совет, и очень хорошо, что этим займется Вася, — твердо поддержал меня Иван Емельянович…

* * *

В воскресенье возле просторного дома волостного правления уже с утра толпился народ. Крестьяне встретили меня приветливо, поздравили с благополучным прибытием. Большое оживление внесло появление демобилизованного, служившего когда-то в моей роте, солдата Алексея Рипакова. Одетый в шинель, перетянутую ремнем, он подошел строевым шагом и, как бывало, отрапортовал:

— Здравия желаю, господин поручик. Представляется рядовой вверенной вам 11-й роты 334-го Ирбитского полка Алексей Рипаков.

— Здравствуй, Алексей, — ответил я, и мы обнялись.

Наша встреча понравилась народу. Послышались реплики:

— Ай да Алеша!

— Не растерялся!

— Отрапортовал как следует…

Разговор принял новое направление. Начались воспоминания из фронтовой жизни.

Но вот подошел Яков Колин, поклонился:

— Всему честному миру поклон, а тебе, Василий Леонтьевич, особое почтение. Позволь спросить, кого вы решили поставить нам в председатели?

Вопрос явно провокационный, и ответил я резко:

— Здесь не фронт и не рота, поэтому командовать не могу. Вот мир выберет, и вы все узнаете, Яков Григорьевич!

Колин проворчал что-то невразумительное и отошел прочь.

Николай Баженов усмехнулся:

— Крючок забросил Яша, да сорвалось!

Пора начинать. Я открыл собрание и предложил избрать председателя, секретаря.

— Чего там выбирать? Коль сам начал, так и веди собрание, — сказал Егор Зайков, бывший гласным земской управы. — А записывать будет Егор Богданов. Недаром грамоте учился.

К столу опять протиснулся Яков Колин, снял шапку:

— Позвольте, мужики, задать вопрос нашему уважаемому председателю. Кто его уполномочил проводить эти выборы? Имеет ли он мандат и от кого? Без приказа начальства нельзя проводить такого сурьезного дела! Отвечать придется…

Хотя нечто подобное крестьяне уже слышали на прошлых выборах, все же его вопрос произвел впечатление. Большинство выжидающе смотрело на меня.

— Да, Яков Григорьевич, — твердо сказал я, — у меня имеются и мандат и полномочия. От кого? Да вот от них, моих земляков, избравших меня председателем собрания. Не прикидывайтесь простачком. Все читали обращение Ленина, чтобы крестьяне брали власть в свои руки. Они сегодня и взяли ее. А если кому и придется отвечать, то только вам, за попытку сорвать собрание.

Колин быстро нашелся:

— Теперь, после вашего разъяснения, понял. Разве я посмею против народа? — Потупил голову и зашагал в свой угол.

И тут я произнес свою первую в жизни речь. Говорил о том, что мы будем выбирать не старосту и старшину, которые выполняли волю земского начальника и пристава, а свою, народную власть, волостной Совет крестьянских депутатов. В России уже повсеместно выбраны Советы. Выбраны они и в

большинстве волостей нашего уезда. Только у нас, в Красновской волости нет народной власти. А разве мы, красновские, хуже других?

В заключение предложил:

— Кто за выборы Совета, подними руку!

Первым поднял руку сам, за мной учитель Иван Емельянович, фронтовики, а за ними и все остальные. Даже и Колин.

— Единогласно. Теперь надо выбрать председателя Совета, заместителя и секретаря. Кого хотите иметь председателем?

Алексей Рипаков крикнул:

— Тебя, Василий Леонтьевич! Раз ты начал, так сам и командуй в волости.

Алексея поддержали.

— Спасибо, друзья, за доверие. Но я ведь не демобилизован, мне надо в армию возвращаться…

Рипаков не уступает:

— Нет уж, Леонтьевич, не отказывайся. Сам говорил, что вся власть у народа, вот и повинуйся ему.

— Хорошо, я повинуюсь. Только разрешите мне отлучку в Вологду.

Разрешили. Затем единогласно избрали заместителем председателя Михаила Кузнецова, а секретарем — Егора Богданова.

А через десять дней, сдав дела Кузнецову, я выехал в Вологду.

За время моего отпуска состав нашей палаты обновился. В ней появились три легкораненых красных командира и тяжелораненый в полость рта молодой врач. Представители новой армии меня заинтересовали. Я жадно расспрашивал их о дисциплине в войсках, о взаимоотношениях командиров и солдат.

— Дисциплина у нас крепкая, сознательная, а не палочная, как при царе, — объяснил один из молодых. — Взаимоотношения тоже вполне нормальные: на службе командир командует, подчиненные выполняют, а вне службы — все равны.

Доктор разговаривать не мог, писал мне записки. Так я узнал, что он ранен под Киевом, откуда выгоняли Петлюру.

В свою очередь всех интересовала моя поездка в деревню. Я подробно рассказал о выборах Совета. Доктор написал: «Для меня ясно, что ты с нами. Приветствую».

Под влиянием разговоров с молодыми командирами и с доктором у меня созрело решение бросить лечение и немедленно поступить в Красную Армию. Доктор ехал в Москву для консультации у специалистов-стоматологов. Вместе с ним поехал и я.

Сразу же с вокзала направился в штаб Московского военного

округа, находившийся тогда на Пречистенке (ныне улица Калинина). Приемная командующего войсками Муралова переполнена солдатами, матросами, бывшими офицерами и штатскими в кожаных куртках.

Мое внимание привлек большой плакат, висевший на стене приемной. В нем говорилось, что немецкое правительство явно не хочет мира. Выполняя волю капиталистов всех стран, оно стремится силой оружия задушить рабочих и крестьян России, земли вернуть помещикам, фабрики и заводы — капиталистам, власть — новому царю. Плакат призывал трудящихся России встать на защиту республики Советов от полчищ империалистической Германии.

Эти пламенные слова меня глубоко взволновали. Теперь я окончательно убедился, что мое место в Красной Армии.

В углу приемной за столом сидел матрос с красной повязкой дежурного на рукаве. Я изложил ему цель прихода.

— Похвально, братишка! — одобрил он. — По такому делу сыпь прямо к командующему! — и показал на большую обитую кожей дверь.

В нее один за другим входили работники штаба с папками в руках. Подумалось: стоит ли беспокоить, не обратиться ли к кому другому, командиру, пониже чином?

На второй двери заметил дощечку с надписью: «Управляющий делами т. Бурдуков». У соседа по скамье спрашиваю:

— Что значит: «управляющий делами»?

— По-старому это вроде… начальника штаба. Когда открыл дверь, за письменным столом увидел склонившегося над ворохом бумаг человека лет тридцати, в кителе. Отрапортовал:

— Товарищ управляющий делами! Бывший поручик 334-го Ирбитского полка Абрамов явился к вам на предмет добровольного поступления в Красную Армию!

Бурдуков встал и с явным любопытством посмотрел на меня. Видимо, такой рапорт здесь редкость, а может, сам рапортующий показался чудаковатым.

— Хорошо! А на какой платформе вы стоите? Вопрос показался мне странным. Я был так далек от политической терминологии того времени, что понял его в прямом смысле. Посмотрел под ноги, подумал, что при новой власти тоже немало чудаков, и ответил:

— Стою на паркетном полу. Управделами рассмеялся и попросил сесть:

— Извините, товарищ Абрамов, совсем запутался. Посетителей много, не с каждым возьмешь правильный тон.

Расскажите коротко о себе, где родились, кто родители, кем были в полку и откуда сейчас прибыли?

Я докладывал?» а Бурдуков согласно кивал головой. Особенно заинтересовал его рассказ о выборах Совета. Когда я закончил, управделами заявил:

— Вот теперь я вижу, что вы целиком и полностью стоите на платформе Советской власти. Подождите минутку.

Он вышел, но скоро вернулся.

— Жаль, что командующего вызвали в Кремль. Ладно, зайдем к нему завтра. А пока давайте договоримся о вашей будущей работе. В штабе создан уставной отдел, временно назначаю вас его начальником. Согласны?

— Чем этот отдел занимается?

— Переработкой царских уставов для Красной Армии.

— Я офицер военного времени, уставы учил, но вряд ли настолько хорошо знаю их, чтобы заниматься такой работой.

— В отделе есть четыре полковника генерального штаба, они и будут перерабатывать. Ваше дело не допускать в тексте контрреволюции. Понятно? Тогда пошли.

На верхнем этаже, в двух смежных больших комнатах работало человек пятнадцать. Когда мы вошли, они встали. Молодой, щеголеватого вида бывший офицер отдал рапорт.

— Привел вам начальника отдела, — сказал Бурдуков, здороваясь. — Товарищ Абрамов. Прошу, как говорится, любить и жаловать! — И, обращаясь затем ко мне, попросил: — Когда ознакомитесь с делами, зайдите доложить.

Тот, что рапортовал, оказался помощником начальника отдела. Мы сели к его столу.

— Сегодня созданы и приступили к работе пять секций, — доложил он, — строевая, тактическая, стрелковая, артиллерийская и военно-инженерная. А вот план нашей работы.

На столе лежал большой лист бумаги, разграфленный по всем правилам штабного искусства, до которого я еще далеко не дорос. Поэтому предпочел познакомиться с руководителями секций. Все они оказались солидными, опытными и умными людьми.

Руководители строевой и тактической секций встретили любезно, охотно доложили. Строевик попросил совета:

— В царском уставе, как вам известно, предусмотрено отдание чести. Опустить этот пункт или внести в новый устав?

— А вы как думаете?

— Понимаете… — замялся полковник, — «товарищи» не любят отдавать честь!

— Верно, многие не любят. Но взаимное приветствие

позволит укрепить дисциплину и никого не обидит. Не так ли?

Забегая вперед, вспоминаю, как год спустя, во время работы VIII съезда партии, представители «военной оппозиции» выступали против ряда положений новых воинских уставов и особенно критиковали взаимное отдание чести. Знакомясь с материалами съезда, я тогда подумал, что оппозиционеры вольно или невольно пели в унисон с полковником уставного отдела…

После разговора со строевиком я подошел к артиллеристу. Тот не докладывал, а прочел мне лекцию о наших и иностранных пушках, о плотности металла, силе отдачи при выстреле и о многом другом, возможно, очень важном, но тогда для меня малопонятном.

Инженер показывал схемы окопов, блиндажей и прочие премудрости, приводил расчеты.

Словом, вернулся я к себе с созревшим решением, что руководить таким отделом мне не под силу.

С трудом смог доказать это Бурдукову. Мне дали назначение в Юзовку (Донецк) на должность полкового инструктора пехоты. Но дальше Харькова проехать не удалось — немцы перерезали путь.

Пришлось вернуться в Москву за другим назначением. Направили в город Дмитров, Московской губернии, на должность военрука уездного комиссариата. Передо мной поставили задачу — подготовить запасной батальон.

В 1918 году во главе военных комиссариатов стояли два политических комиссара и военный руководитель. Политкомиссарами в Дмитрове были Барышников, угрюмый, малообщительный человек, из солдат, и Наумов, бывший санитар, на вид простоватый, но грамотный, как тогда говорили, «подкованный мужик».

Прочитали мы директиву из губернии о задачах и штате комиссариата.

— Что будем делать? — спросил Барышников.

— Надо подобрать сотрудников и приступать к работе, — предложил Наумов.

А я добавил:

— Для начала следует познакомиться с делами воинского начальника.

— Это зачем? — удивился Барышников.

— По документам можно узнать о положении в уезде с военнообязанными, уточнить запасы военного имущества, набраться опыта.

— Правильно! — поддержал Наумов.

— Совсем неправильно! — резко возразил Барышников. —

Ежели тебя назначили на должность, то ты и должен работать, а не рыться в шкафу воинского. Там, кроме старого режима, ничего нет.

— Ладно, — примирительно сказал Наумов. — Вреда особого от этого не будет. Пусть посмотрит.

Оба комиссара ушли, а я открыл шкаф и стал просматривать дела. В глубине шкафа заметил небольшой железный ящик. На внутренней стороне его крышки опись. Из нее я узнал, что тут хранятся мобилизационные документы. Весь остаток дня и половину следующего читал их. Изучил инструкции о порядке призыва на военную службу очередного возраста новобранцев, о мобилизации, о порядке следования, ночлеге и питании. Суть предстоящей работы комиссариата стала ясной.

— Много опыта набрал? — поинтересовался на следующий день Наумов.

— Порядочно.

— А польза какая? — сухо спросил Барышников.

— Очень большая. Товарищ Ленин сказал, что нужно сломать старорежимную машину, но взять из нее хорошие части. Вот хорошее-то и возьмем из этих документов, — поддержал меня Наумов.

Работа комиссариата постепенно наладилась. Мы взяли на учет всех военнообязанных, учли количество лошадей и повозок. Губвоенкомат нас даже похвалил и поставил в пример другим уездам.

* * *

Летом я получил из деревни вызов на уездный съезд Советов. Меня это вполне устраивало: очень уж обострились взаимоотношения с Барышниковым. Он в волости не выезжал, да и в комиссариате не работал, а только ворчал. Губернский военком рассмотрел мою просьбу и согласился отпустить меня в Олонецкую губернию.

По просьбе местных властей стал работать военруком Красновской волости.

Между тем из Мурманска и Архангельска дошли тревожные вести о высадке на севере войск Антанты. Начались кривотолки. Некоторые утверждали, что в наших местах фронту не бывать, «здесь иностранных держав нет, есть только море, лес да горе». Богатеи же говорили, что иностранные цари и короли не могут больше терпеть беспорядков в России. Вот они и наводят порядок!

Зашевелились церковники, начали мутить народ разговорами

о приходе антихриста и скором светопреставлении.

Весной 1919 года была объявлена дополнительная мобилизация нескольких возрастов. У нас она тоже прошла успешно.

Из политотдела фронта приехал инструктор Павлов, познакомился с нашей работой, похвалил ее и организовал ячейку сочувствующих партии большевиков. Записалось нас в ячейку 18 человек.

Как раз в это время вернулся Вася Потапов. Я уже и не чаял его увидеть, думал, что погиб, а он, оказывается, был в плену. Мой друг возмужал, похудел и постарел, но остался таким же приветливым, сердечным человеком.

В отряде особого назначения

Меня грызли сомнения. Правильно ли, что я, здоровый, сильный, отсиживаюсь в тылу. Думал, думал и попросился в действующую армию. Летом 1919 года меня направили в Смоленск, где находился штаб Западного фронта, а оттуда в Великие Луки — в 15-ю армию.

В штабе армии заполнил анкету. Начальник кадров просмотрел ее, снял трубку телефона и коротко кому-то сообщил:

— Подобрал. Зайди, познакомься!

Через несколько минут в комнату торопливо вошел полный белобрысый матрос. Он внимательно прочел анкету, изредка вскидывая на меня глаза. Потом сказал:

— Вы мне подходите, товарищ Абрамов. Получайте документ и приходите.

— Коротко, но не ясно! — вырвалось у меня. Матрос вышел, не отвечая. Начальник кадров разъяснил:

— Говорил с вами Иванченко — комендант штаба армии и начальник отрядов особого назначения. Ему требуется командир.

Получив предписание, я пошел к Иванченко. Матрос поднялся из-за стола, улыбнулся:

— Хорошо, что вы так быстро пришли. Присаживайтесь. Назначаю вас командиром 4-й отдельной роты…

— Разрешите заявить, товарищ комендант, — возразил я. — Штаб фронта направил меня на должность командира батальона.

— А вы начальство не перебивайте. Это не просто рота. Вот положение о ней и штат.

Я быстро просмотрел бумаги и извинился.

— Так-то лучше, — снова улыбнулся Иванченко. — Как видите, это не обычное подразделение. При наступлении отряд особого назначения всегда должен быть впереди, увлекая за собой остальные части, а в случае вынужденного отхода — идти последним. И если на фронте случится паника, вы должны навести порядок железной рукой. Поняли?

— Так точно.

— Отряд стоит в местечке Краслава, что по дороге на Двинск. Командира, вашего предшественника, сняли за развал работы. Люди в отряде разболтались, их нужно подтянуть и сколотить для боя. Сколько вам потребуется времени?

— Думаю, что за месяц управлюсь. — Назвав такой срок, я вспомнил, как в 1917 году мне пришлось готовить прибывший из Вятки чрезвычайно распущенный маршевый батальон. Тогда удалось это сделать за 35 дней.

— Хорошо, приступайте, — сказал Иванченко, — но предварительно рекомендую побывать в оперативном отделе. Там вас введут в курс дела на Западном фронте. Армия только комплектуется и одновременно ведет напряженные бои с немцами, белоэстонцами, белополяками, Юденичем и бандами Булак-Балаховича. Из-за недостатка войск сплошного фронта у нас нет. Пришлось отказаться от линейного построения войск и создать маневренные ударные группы на важнейших направлениях. По мере необходимости отряды особого назначения будем перебрасывать на угрожающие участки. Обстановка такова, что ваш отряд тоже может понадобиться раньше срока. Дорог каждый день, так что сразу принимайтесь за дело. Будет в чем нужда, напишите, постараемся помочь. А теперь до свидания, желаю успеха…

Приняв в Краславе отряд, я узнал из строевой записки, что в нем большой некомплект красноармейцев, младших и средних командиров. Кавалерийский взвод не имел лошадей, пулеметному не хватало двух пулеметов. На все недостающее сразу отослал заявку Иванченко.

Из бесед с исполнявшим обязанности командира отряда Лободой выяснилось, что в бою «наши подкачали». А «подкачали» потому, что в бой отряд пошел необученным.

В слабой подготовке отряда я и сам убедился на следующий же день, когда впервые построил его. На мое приветствие люди ответили громко, но не дружно. Подал несколько команд на перестроение — одни выполнили их четко, другие вяло, вразнобой.

Приказав развести взводы на занятия, я начал более детально знакомиться с личным составом. В первом взводе по расписанию проводилась строевая подготовка. Заглянув туда, установил: почти все бойцы опытные, служили в армии еще до революции, но разболтались, а командир малограмотен, явно слаб. Второй взвод проверил по знанию винтовки, а третий — по штыковому бою и тактике. Выяснилось, что многое забыто. Лучше оказались подготовленными пулеметный и кавалерийский взводы.

Уяснив недостатки, я с жаром взялся за дело. Сослуживцы помогали мне в полную меру сил и знаний. Это нас быстро сблизило.

Особенно располагал к себе помощник по хозяйственной части Семен Лобода, рослый, стройный, всегда подтянутый, с живым и открытым характером. Отец его служил железнодорожным сторожем на станции Люцин. Семен окончил городское училище, мечтал стать помощником начальника станции, но этому помешала война.

Адъютант — латыш Анте Бодман был из вольноопределяющихся. Когда немцы начали наступать на Советскую Латвию, Бодман, сочувствовавший большевикам, пошел в армию.

Командир пулеметного взвода Ильенков — из прапорщиков военного времени. До войны был учителем, а теперь буквально влюбился в свои пулеметы. Сам стал незаурядным пулеметчиком и подчиненных хорошо подготовил.

Стрелковыми же взводами командовали бывшие унтер-офицеры, не совсем удачно подобранные. Они оказались не только малограмотными, но и малоинициативными.

Понравился мне секретарь партячейки, по должности каптенармус, Петер Лацис. Высокого роста, поджарый, он был старше нас всех. С увлечением рассказывал об октябрьских днях, штурме Зимнего, о вождях революции. Он предложил провести собрание партячейки с моим докладом о задачах отряда. Коммунисты решили сами заниматься старательно и другим служить примером.

Потом к нам приехал инструктор политотдела армии.

Выступая перед солдатами, он рассказал о положении на фронтах. К середине августа успешно развивалось наступление на востоке. Был освобожден Челябинск, а с занятием Троицка колчаковский фронт расчленился надвое. На юге продолжались ожесточенные бои с деникинцами. Наши войска там тоже переходили в контрнаступление. В общем благоприятно складывалась обстановка и на Западном фронте. Войска 7-й и 15-й армий освободили Ямбург и подходили к Пскову. Но снова зашевелились белополяки. Возможен их прорыв на Двинск и Полоцк. Имеются данные, заставляющие опасаться, что противник попытается перерезать важную магистраль Двинск — Великие Луки.

Инструктор откровенно заявил нам, что армия резервами не располагает, и призвал быть готовыми ко всяким неожиданностям.

Слушая докладчика, я окончательно убедился, что нас, пожалуй, потребуют на фронт раньше срока. Про себя отметил: «Надо со следующего утра заниматься тактической подготовкой. Отработаем марш, наступление и оборону, а тогда можно будет опять вернуться к строевой подготовке».

Так мы сделали. И не ошиблись. Всего неделя прошла после моего заступления в должность, как меня ночью разбудил стук в дверь:

— Товарищ командир! Вам срочная телеграмма.

При свете коптилки прочел:

«21 августа 7 утра станцию Краслава будет подан подвижной состав. Получите местном запасном полку согласно вашей заявке людей, оружие, боеприпасы, имущество. Восьми часам закончить погрузку отправки на фронт. На станции Борковичи встретит Котов. Поступаете его подчинение. Получение телеграммы подтвердите, указав час минуты. Иванченко».

Взглянул на часы с кукушкой — в моем распоряжении еще четыре часа.

Вместе с Лободой и Бодманом поехал в запасной полк. Там уже всё знают, все на ногах и ждут нас.

Через час в отряд прибыло пополнение. В темноте распределили его по взводам. Пришел степенный и подтянутый военный, лет двадцати восьми, доложил:

— Помощник командира батальона Бедик. Теперь назначен вашим помощником.

Потом явились еще трое на должности командиров взводов: двое из них — С. Воронин и Л. Петров — подтянутые, с военной выправкой, бывшие прапорщики, третий — Н. А. Петрунькин — маленького роста, со вздернутым носом, чем-то напомнивший мне Бардушкина. Он откровенно признался: в бою не был и может струсить. Я обещал дать несколько советов перед боем.

К указанному сроку отряд погрузился в вагоны. Эшелон тронулся. В пути мы провели партийное собрание. Коммунисты, выступая, давали обещание в бою действовать храбро, не щадить своей жизни, быть примером для всего отряда. Первым такое заявление сделал Петрунькин. При этом посмотрел на меня, словно прося поддержки.

* * *

Поздно ночью мы прибыли на станцию Борковичи. Небольшая привокзальная площадь забита людьми и мебелью эвакуируемых советских учреждений. Начальник станции торопил нас с разгрузкой — ему необходимо было отправить беженцев.

— А то враг вот-вот нагрянет, — беспокоился он.

— Разве есть такая опасность?

— Беженцы говорят, что вечером белополяки подходили к реке Диена. От нее до нас всего 14 километров.

По опыту мне было известно, что сведения беженцев часто недостоверны. Но все же лучше подготовиться заранее.

Недалеко от станции расположился прибывший до нас 2-й отряд особого назначения. Я послал туда связного.

Среди эвакуируемых удалось разыскать партийных работников города Диена и уточнить обстановку. Она была серьезной. Два наших численно слабых полка в боях юго-западнее Полоцка разбиты и рассеяны. Дорога противнику на город Диену и дальше к станции Борковичи открыта. Нам предстоит закрыть образовавшуюся брешь.

Пока уяснял обстановку, прибыл командир 2-го отряда. У него около четырехсот штыков и два станковых пулемета. Таким образом, вместе у нас свыше тысячи бойцов и 8 станковых пулеметов. Сила немалая!

Основываясь на уставе, я объявил себя командиром сводной колонны и через полчаса назначил выступление. На рассвете нужно было выйти к реке.

Дорога одна, сбиться нельзя, поэтому шли быстро. Когда уже подходили к реке, разведка донесла, что противника не обнаружено ни на подходе, ни на противоположном берегу. Переправы через реку нет — единственный деревянный мост сгорел.

Я приказал Петрунькину со взводом и одним станковым пулеметом переправиться через реку на лодках и занять оборону на южной окраине города Диены.

— Ваша задача — встретить огнем передовые части противника, заставить их развернуться. Когда сдерживать врага станет трудно, незаметно отойдете.

— Понятно, товарищ командир. А как насчет совета… Я вспомнил о своем обещании и сказал:

— Вы думаете, что струсите, а я убежден — окажетесь храбрецом. Сам перед первым боем так же вот волновался. А потом привык. Хотя и теперь иногда становится страшно. Я в этом случае делаю вид, будто ничего не боюсь, смеюсь и песни пою. Это помогает. У вас тенор хороший. Поступайте так же. Начнет, например, противник бить по окопу, садитесь на дно и пойте «Интернационал». А потребуется в атаку — первым прыгайте на бруствер и погромче кричите «ура».

— Спасибо. Попробую воспользоваться вашим советом, — ответил Петрунькин и начал распоряжаться посадкой в лодки.

К концу дня я навестил его взвод. Командир удачно расположил своих людей, на чердаке двухэтажного дома выставил наблюдателя и расчет станкового пулемета.

Следующим утром при осмотре позиций мне посчастливилось встретить командира соседнего полка. Тот рассказал, что белополяки наступают крупными силами по трем направлениям: на Друю, на Полоцк и в центре — на город Диену. Наши фланговые части держались стойко, а на центральном

направлении, как раз против нас, врагу удалось прорваться.

К исходу дня на южной окраине города послышалась стрельба. Петрунькин прислал донесение, что показался конный разъезд противника, за ним головная походная застава. Взвод открыл огонь, и поляки отошли.

Ясно! Утром надо ждать наступления.

Еще чуть-чуть светало, а я уже был у Петрунькина. Взвод застал в полной боевой готовности.

Взошло солнце, и сразу же вблизи окопов разорвалось несколько снарядов. Каждый раз при этом Петрунькин вздрагивал и испуганно смотрел на меня. Ничего удивительного — в первом бою многие так ведут себя. Я подсказал ему:

— Если слышишь разрыв снаряда, то он не опасен. Опасного услышать не успеешь.

Вдали на дороге показалась густая цепь противника. Подпустив ее примерно на тысячу шагов, расчет станкового пулемета открыл огонь. Цепь залегла, а потом стала отходить.

Снова начался артиллерийский обстрел. Один из снарядов угодил в дом рядом с тем, где был наблюдательный пункт. Я приказал убрать наблюдателя и пулемет с чердака.

Петрунькин держался заметно спокойнее, но при каждом разрыве начинал петь «Вставай, проклятьем заклейменный…»

Вскоре снова показались белополяки. Теперь наступало до батальона. Позади еще виднелись цепи пехоты.

— Кажется, придется отходить, — заметил Петрунькин.

— Пока рано. Противник не знает, сколько вас, будет действовать нерешительно и подставлять себя под ваш огонь. Сейчас его обстреляют пулеметы, потом шагов с шестисот — винтовки. Врагу придется продвигаться перебежками, а мы выиграем время. — Потом я показал на одинокое дерево: — Когда цепи поравняются с этим ориентиром, снимайтесь и отходите. Лодки будут ждать.

Вернувшись на противоположный берег, узнал, что белополяки подходили к реке на обоих флангах, но наш огонь заставил их отступить.

Со стороны взвода Петрунькина доносилась сильная ружейная и пулеметная стрельба. Изредка рвались снаряды. Выходит, командир не трусит, взвод держится стойко.

Потом стрельба стихла, а через четверть часа на берегу показались первые красноармейцы. Успешно оторвавшись от противника, взвод расположился в резерве.

К вечеру белополяки заняли город и с крайних домов наблюдали за нами. Ильенков, пройдясь по чердакам несколькими пулеметными очередями, отогнал наблюдателей.

Три дня противник особой активности не проявлял, только подтягивал силы. А на четвертый начал артиллерийский и пулеметный обстрел и под его прикрытием попытался переправиться через реку. Наш ответный огонь сорвал переправу.

Вечером со станции Борковичи прибыл пехотный полк. Штаб армии распорядился, чтобы отряд сдал полку свои позиции, погрузился в вагоны и следовал в город Двинск. Там нам предстояло поступить в распоряжение начальника 4-й стрелковой дивизии.

Было приятно сознавать, что отряд успешно выполнил свою задачу.

Когда прибыли в Двинск, из дивизии последовало распоряжение не выгружаться. Я направился в штаб. Начальника дивизии там не оказалось. С обстановкой меня познакомил и поставил задачу начальник штаба.

— Противник наступает вдоль железной дороги Шавли — Двинск, по шоссе Ковно — Двинск и вдоль железной дороги Вильно — Двинск, — говорил он, показывая эти направления на карте, разрисованной красными и синими стрелами. — Белополяки, действующие вместе с бандами Булак-Балаховича, рассчитывают захватить город Двинск — важный узел дорог. Наша задача — удержать его. В недавних боях дивизия понесла потери и может прикрыть только два первых направления. Третье поручается вашему отряду. Ваш участок с вечера оголен. Чтобы сэкономить время, ночью эшелон подадим почти к самому рубежу обороны, где вас встретят проводники. Рубеж займите до рассвета. Связь с нами держать через правого соседа. Обоз оставьте в Двинске. Все. Желаю успеха!

К составу прицепили небольшой паровозик. Машинист заявил:

— Повезу вас прямо в раскрытую пасть врага. Буду двигаться медленно. Если начнется обстрел, сразу же выскакивайте из вагонов.

Эшелон медленно втянулся на железнодорожный мост через Западную Двину. От паровоза вдоль поезда широкой огненной струей несутся искры. Мы ждем: вот-вот в нас полетят снаряды. Но все обошлось благополучно, Отряд быстро выгрузился, и эшелон ушел.

Проводники повели к рубежу напрямик. Ночь темная, местность неровная, изобиловавшая песчаными холмами. Полтора километра показались всеми пятью.

Наконец старший проводник тихо доложил;

— Пришли!

К этому времени рассвело. Огляделся. Вправо и влево от

нашего рубежа тянется гряда холмов, впереди деревня, левее проходит железная дорога. Проводник предупредил, что вечером в деревне была разведка противника.

Взвод Петрунькина занял оборону далеко на левом фланге. У Петрунькина резонный вопрос:

— Телефона у нас нет, посыльному далеко бежать. Как будем держать связь с вами?

— Сигналами, как у Диены. Надевай фуражку на штык и действуй. А будет плохо фуражка видна, карту можно поднять.

Пошли мы с Петрунькиным от отделения к отделению. Командир поторапливал:

— А ну, друзья, пошевеливайся! Окапывайся глубже… С гордостью глядя на своих людей, доложил:

— У меня во взводе создана ячейка сочувствующих партии большевиков. Почти половина бойцов записалась. Видите, как все работают?

К восходу солнца взводы были разведены по своим местам. Фронт широкий — оборона жидкая. Не особенно беспокоило, что левый фланг совсем открыт. До ближайшего соседа здесь с десяток верст.

Закончив обход позиций, вернулся на командный пункт. Он на холмике, шагах в двухстах от переднего края и несколько ближе к левому флангу. Прав Петрунькин, далековато он от нас. Я решил в случае чего поддержать его кавалерийским взводом и пулеметами.

Справа донеслась артиллерийская пальба, там шел бой. Скоро и у КП разорвался первый снаряд, за ним второй. Начался обстрел всего нашего участка.

Из деревни вышел дозор, за ним — рота противника. Стоявший на правом фланге станковый пулемет, подпустив роту поближе, обстрелял ее. Белополяки рассыпались, прижались к земле, затем стали отходить перебежками.

Первая маленькая удача подняла настроение людей. Слышались голоса:

— Быстрей, быстрей, паны!

— Вон как драпают! Подходи еще, угощу как надо!

Около полудня противник возобновил артиллерийский обстрел. Со стороны деревни цепью двинулся батальон. Когда до него осталось с версту, открыли огонь четыре наших пулемета. Цепь залегла. Пробовала подняться, но пулеметы снова прижимали ее к земле. Ничего не добившись, противник опять отошел.

Подступала ночь. Тактика врага не изучена, и я не знал, попытается ли он наступать в потемках. Выставив вперед

надежное боевое охранение, остальным разрешил спать и сам лег. Сон охранял ординарец А. Ермаков. Едва я проснусь, он укладывает снова:

— Спите. Все спокойно.

Новый день обещал быть солнечным и теплым. Вернулись связные от правого соседа, доложили, что накануне он успешно отразил все атаки.

Когда солнце поднялось, Ильенков заметил вдали приближающийся со стороны противника дымок:

— Смотрите, поезд на Двинск идет.

Странно! Неужели белополяки решили повторить то, что мы осуществили в четырнадцатом году? Тогда под Варшавой эшелоны с сибирскими стрелками подавались почти к передовой. Сибиряки выскакивали из теплушек, рассыпались в цепь и с ходу шли в атаку. Такой маневр не только остановил Гинденбурга, но и нанес ему поражение, заставил отступить.

Но вот послышался орудийный выстрел. Оказывается, на нас шел бронепоезд. Мне не приходилось иметь дело с такими подвижными крепостями, но было ясно, что бронепоезд представляет большую опасность для отряда. Низкие песчаные холмы могли укрывать нас только от наблюдения, но не от огня с высокой насыпи.

Очевидно, бронепоезд пока что только разведывал путь. Выпустив с десяток снарядов, он ушел.

— Что будет, если белополяки начнут наступать с фронта, а бронепоезд зайдет к нам в тыл? — спросил у меня Бедик.

— Я уже думал об этом. Перспектива, что и говорить, неприятная.

— Разрешите мне, товарищ командир, подобрать несколько человек и разобрать железнодорожное полотно, — попросил помощник.

— А кого возьмете?

— Мы с Лацисом уже посоветовались. Если не возражаете, он вызовет из взводов нескольких коммунистов.

Я согласился. Только предложил Бедику взять для прикрытия отделение с пулеметом.

Бедик добрался до ближайшей сторожки путевого обходчика и достал там инструмент для разборки рельсе. Прошло часа полтора. Петрунькин подал сигнал о появлении противника. На его взвод наступало до роты пехоты.

И тут снова показался бронепоезд. Не открывая огня, он миновал место, где останавливался в первый раз, и скрылся между холмами. Через несколько минут оттуда донеслась пулеметная стрельба.

Посыльный, прибывший от Бедика, сообщил, что группе удалось разобрать путь на ближайшем мостике. Отделение замаскировалось в окопе и, когда из бронепоезда высадилась ремонтная бригада, обстреляло ее.

Через некоторое время, усиленно дымя, поезд опять вынырнул из-за холмов и, обстреляв нас, убрался к себе в тыл.

Ночь прошла спокойно. Рано утром на следующий день (Это было 27 августа) в расположение отряда приехал комиссар дивизии Верховский. Он выслушал доклад, одобрил наши действия, затем сказал:

— Противник старается охватить правый фланг. Чтобы избежать опасности, дивизия начинает отход к Двинску и займет оборону на его подступах. Вам надлежит отойти к хутору Покронишки и задержать там белополяков хотя бы до двенадцати часов дня. Это даст нам возможность закрепиться на новом рубеже. После двенадцати можете уходить самостоятельно. Вас встретят и укажут новое место.

Комиссар уехал, а отряд, скрытно оставив окопы, направился к хутору.

Осмотрев местность, я сразу понял ее преимущества. Хутор располагался на возвышении у скрещения двух глубоких и широких балок, уходящих влево. Справа от него раскинулось ровное поле, заканчивающееся болотом. Позади хутора — шоссе, проложенное по хвойному лесу. Перед лесом несжатый хлеб, что очень удобно для последующего отхода.

В центре хутора стоял двухэтажный каменный дом, окруженный густым садом. Рядом — несколько деревянных одноэтажных домиков, три скотных двора и два сарая. Настоящая крепость, труднодоступная для пехоты.

С чердака большого дома открывался великолепный обзор. Подход противника теперь будет виден за три — пять километров.

Мы с Бедиком организовали оборону, выставили наблюдателей. Лацис обошел все взводы, объяснил бойцам задачу, поговорил с коммунистами. Он предупредил о необходимости держаться до последнего, ибо от нашей стойкости будет зависеть оборона Двинска.

Скоро прибежал связной от Ильенкова. Командир взвода с одним пулеметом устроился на чердаке. Оттуда он заметил, как из деревни, расположенной верстах в трех, вышло до батальона противника с артиллерией.

Я поднялся к Ильенкову. В бинокль хорошо видна вражеская колонна. Через полчаса она будет здесь, и начнется бой. К противнику, конечно, подойдут подкрепления. А наш маленький

отряд остался одиноким, без соседей, без поддержки с тыла и даже без всякой связи со своими. Но не это главное. Будь у поляков только пехота, ее бы мы легче отразили. Но артиллерия! Нам нечего было противопоставить ей.

Однако не будем падать духом. Постараемся задержать врага как можно дольше. Будем драться, пока останется узкая лазейка позади, чтобы можно было отойти.

Колонна белополяков уже в версте от хутора. Ильенков сам стал к пулемету и вопросительно посмотрел на меня. Я кивнул головой. Пулемет выплеснул сноп пуль. И сразу же колонна врага, изломавшаяся, раздробившаяся, схлынула с дороги.

— Не понравилось! А вот вам еще привет от бабушки, от дедушки и с полным почтением от меня, — приговаривал Ильенков, посылая новые очереди.

Придя в себя, белополяки растянулись цепью и стали медленно продвигаться к хутору.

— Почему не стреляет артиллерия? — удивился Ильенков.

— Не было цели. А сейчас начнет, раз мы объявились, — ответил я.

И действительно через несколько минут первый снаряд разорвался в балке, перед хутором.

— Быстро уходить! — скомандовал я пулеметчикам. Едва спустились, как в крышу ударил снаряд и сверху посыпались куски черепицы.

Начался сильный обстрел. Била батарея со стороны деревни. Потом послышались более мощные разрывы. Оказывается, снова подошел и задымил впереди слева знакомый нам бронепоезд.

Когда цепь противника оказалась в полуверсте, заработали три наших пулемета и заставили ее залечь.

Мы ждали наступления перебежками, да, видно, опытен командир вражеского батальона! Цепь лежит. Зато участилась артиллерийская стрельба, противник открыл по хутору сильный пулеметный огонь. У нас появились раненые. Их отправляли в лесок, что позади.

Обстановка пока не очень сложная. Но что будет, если к врагу подойдет подкрепление и предпримет обход наших флангов? Хорошо бы, белополяки поднялись в атаку, чтобы можно было разбить этот их передовой батальон.

Словно прочитав мои мысли, Бедик предлагает:

— Что, если сделать вид, будто мы уходим, и устроить засаду?

Идея хорошая. Вызываю Воронина, предлагаю его взводу отойти в лес цепью, а потом по посевам быстро вернуться на место.

Противник на эту приманку клюнул. Едва взвод зашел в лес, как белополяки поднялись и прямо во весь рост пошли к хутору. Мы подпустили их к самому спуску в балку и тут встретили огнем всего своего оружия. Те из вражеских солдат, что оказались на возвышении, отхлынули, подобно морскому прибою, а которые вошли в балку, заметались в поисках спасения.

Атака отражена. В балке осталось много убитых и раненых. У нас тоже есть потери.

Посмотрел на часы — 12.30. Поставленная задача выполнена, и можно отходить. Но каждый час задержки противника на хуторе идет на пользу дивизии. Посоветовался с Бедиком. Он согласен со мной. Решили пока не сниматься.

Только мы успели обойти взводы и поблагодарить красноармейцев за проявленное в бою умение и храбрость, как меня снова вызвали на крышу.

Вдали появилась еще одна вражеская колонна. Времени уже 14 часов. Ладно, подождем, пока противник подойдет, обстреляем его, заставим развернуться и отскочим.

А колонна вдруг свернула с дороги вправо и пошла в сторону болота. Скоро пехотинцев догнала и обогнала конница. Она подскакала к болоту, потопталась у него и направилась вдоль фронта, к правому соседу. Хорошо, что лошади по болоту не прошли. А пехота? Сможет ли она преодолеть это препятствие? Видим, и пехота пошла за конницей. Угроза охвата справа отпала.

Через полчаса из деревни вытянулся еще один батальон противника. Две роты нацелились на взвод Петрунькина, а одна пошла еще левее, в обход. Потрепанный нами в балке противник привел себя в порядок и тоже готовился атаковать.

От Петрунькина прибыла записка. Он просил поддержки. Писал, что собрал всех коммунистов и сочувствующих на угрожаемый фланг, у каждого из них по две гранаты. Для поддержки взвода я направил Ильенкова с пулеметом.

Противник подходит все ближе и ближе. Снова разом заговорили все наши огневые средства. Батальон, надвигавшийся на наши окопы с фронта, залег. На флангах роты белополяки наступали перебежками. По хутору беспрерывно бьет артиллерия.

Мне все еще кажется, что мы можем долго держаться. Неприятно, правда, что рота противника заходит слева, умело пользуясь неровностями местности. К тому же хутор стала обстреливать еще одна батарея, а справа показалась новая цепь противника.

Подошли Бедик и Лацис.

— Пора отходить, товарищ командир…

Легче командиру отдать приказ на наступление, чем на

отход. Всегда при этом вступаешь в спор со своей совестью, не раз спрашиваешь себя: не рано ли? Местность-то врагу не хочется отдавать. А с другой стороны, зарвешься — напрасно бойцов потеряешь, и гибель каждого тяжелым камнем ложится на твою совесть. Она беспощадна и будет тебя мучить, если ты поступил вопреки своему командирскому долгу…

Я еще раз окинул взглядом оборону, взвесил соотношение сил, степень опасности для отряда. Затем сказал:

— Четверть часа еще продержимся, а потом начнем отход. Первыми снимаются взводы с хутора, последним — тот, что в поле. Вам, товарищ Бедик, с началом отхода придется встать у ворот хутора и пропускать людей, показывая направление.

Когда отходил взвод Петрунькина, командир, вытирая грязным платком пот с лица, задержался возле меня:

— Хорошо воевали?

— Отлично!

Пересекая железную дорогу, встретили обходчика. Я спросил:

— Бронепоезд далеко?

— Здесь его не будет, — ответил этот замечательный советский человек. — Я разобрал путь впереди.

Мне оставалось только поблагодарить его.

Вечером подошли к Двинску. На окраине хутора Легнишки, что в полуверсте от реки Западная Двина, нас встретили несколько военных. Один из них, среднего роста, сухощавый и опрятно одетый, отделился от других, подошел ко мне:

— Котов, из штаба армии.

Я представил ему помощника, адъютанта и других командиров, а потом доложил о действиях у хутора Покронишки.

— Задачу свою отряд выполнил блестяще. Теперь вам предстоит занять оборону впереди хутора Легнишки и прикрывать подступы к деревянному мосту. Части дивизии располагаются правее вас, впереди железнодорожного моста и вправо от него. Ясно?

— Есть вопросы. Будет ли у нас сосед слева, с кем держать связь и дадут ли нам провод?

— О соседе слева сказать ничего не могу. Связь держать с дивизией через меня. Я буду в Двинске в штадиве. Провода для вас нет, — закончил Котов, попрощался и пошел к городу.

Светлого времени оставалось мало, а надо было изучить рубеж и организовать оборону. Местность впереди ровная, открытая и с хутора Легнишки хорошо просматривается. Вдоль реки, начиная от железнодорожного моста до деревянного и еще на полторы — две версты левее, тянутся поля, местами заболоченные, затем гряда лесистых холмов и большой бор.

Слева, на горе, раскинулась деревня Лезинишки да ближе к реке — деревня Грива.

Три взвода с четырьмя пулеметами решил расположить впереди Легнишск, вправо и влево от дороги, а два взвода при двух пулеметах оставить в резерве, в самом хуторе.

Ночь прошла спокойно. Начинается новый день. В деревнях над крышами домов струйками поднимается дым. Низко по земле стелется редеющий туман. За рекой, на востоке, загорается небосклон, и из-за леса выплывает ослепительный диск солнца. Щедрое светило одаряет благодатными лучами землю, ласкает наши лица, придает бодрости.

Тишину разрывает артиллерийская канонада. Видно, как поблизости от железнодорожного моста снаряды поднимают фонтаны черной земли. Вскоре оттуда доносится треск пулеметов. У правого соседа начался бой.

Прибыл Котов, сообщил, что перед железнодорожным мостом и правее его положение серьезное. Противник сильно нажимает и рвется.

— Дивизия, конечно, устоит? — спросил я.

— Приказано устоять, но части, обороняющие мост, сильно потрепаны. А как чувствует себя отряд?

— Хорошо. Окопы отрыты, ночью бойцы отдохнули и утром сытно покушали.

— За оборону хутора Покронишки начдив Солодухин объявил командирам и красноармейцам отряда благодарность. В армию я тоже обо всем донес. Надеемся, что и теперь вы проявите стойкость.

— Если надо, будем держаться до последнего человека, — ответил я.

— Удержать мост надо. Желаю вам боевых успехов, — и, распрощавшись, Котов ушел. Больше мы с ним не встречались. Передавали, что он убыл из дивизии.

Противник и на нашем участке долго ждать себя не заставил. Вот впереди дома, в котором мы находились, разорвался снаряд, за ним второй. С опушки леса забормотал пулемет, потом еще один. Одновременно две цепи противника, по роте в каждой, стали спускаться с холмов.

Тут заработали наши пулеметы с запасных позиций. В цепях противника началось замешательство, и они залегли. Вражеская артиллерия ударила по нашим пулеметам, но те успели уже перейти на основные позиции.

Цепи опять было поднялись, а мы снова заставили их приземлиться,

А справа от нас, впереди железнодорожного моста, „бой

становился все напряженнее. «Устоят или не устоят там?» — не раз задавал я себе тревожный вопрос. Было хорошо видно, как белополяки медленно продвигались к реке в стыке между отрядом и нашим соседом. Ильенков выдвинул туда два пулемета. Его огонь сделал свое дело — наступление замедлилось, а потом и совсем приостановилось.

Во второй половине дня противник возобновил атаки по всему фронту, особенно усилив нажим в направлении соседа. Было очевидно, что он стремится овладеть в первую очередь железнодорожным мостом.

На наш отряд наступал батальон при поддержке батареи. Красноармейцы и пулеметчики вели сильный огонь, причиняя врагу немалый урон. В бинокль, да и невооруженным глазом, видно было, как то там, то здесь в цепи противника падали люди.

У нас потери также росли. Мелкие окопы не могли предохранить от осколков.

И тут мое внимание привлек тревожный голос адъютанта:

— У Лезинишек движение!

Посмотрел влево и увидел, как с возвышенности в сторону деревни Гривы двинулось до роты противника. Хорошо, что туда еще днем был выслан взвод Воронина. Комвзвода — рослый сибиряк, вступивший в Красную Армию в феврале 1918 года, — опытен и смел. Его взвод относительно легко справился с вражеской ротой.

А вот на правом фланге положение все ухудшалось. Пока два наших пулемета помогали соседу сдерживать рвущуюся к реке пехоту, еще было терпимо. Но как только вражеский снаряд уничтожил один из них, а расчет другого стал менять огневую позицию, белополяки бросились к реке. Бойцы соседней части дрогнули, стали отходить.

Скоро на воде у железнодорожного моста появилось много черных точек. Это десятки, а то и сотни людей бросились вплавь к противоположному берегу. Река в этом месте широкая. Мы видели, как то одна, то другая точка исчезала с ее поверхности и больше не появлялась.

— Тонут, товарищ командир! — взволнованно сказал Ермаков, машинально снял шапку и перекрестился.

— Что будем делать? — тревожно спросил у меня Бедик.

— Стоять на месте и выполнять приказ! Сожмем свое кольцо и будем держать круговую оборону. Прикажите взводам отойти на второй рубеж. А вы, товарищ Бодман, — обратился я к адъютанту, — возьмите с собой несколько бойцов, встаньте на стык дорог и не допускайте никого ни к мосту, ни к берегу!

Подошел Ильенков, быстро выпалил:

— Чего мы тут торчим? Дивизия отходит, и нам надо спешить. Не то будет поздно: либо в плен попадем, либо тоже утонем.

— Не паникуйте, Ильенков, — раздраженно ответил я, — ничего с вами не случится, если будете честно выполнять поставленную вам задачу. — Повернувшись к командиру отделения, прикрывавшего командный пункт, попросил: — Товарищ Ерофеев, объясните комвзвода Ильенкову обстановку, а то он не понимает.

Возможно, этот мой шаг был непедагогичен. Но у меня не было времени долго раздумывать. К тому же хотелось подействовать на Ильенкова каким-то необычным образом, чтобы сразу привести его в чувство.

Ерофеев, пожилой сибиряк — один из самых развитых коммунистов, правая рука Лациса. Я знал, что он найдет убедительные слова. И он действительно нашел.

— Я так понимаю, — заговорил Ерофеев, — что если командир получил приказ обороняться, то стоять должен, пока жив.

Ильенков стоял потупившись. Я верил в него и знал, что в данном случае он поддался минутной слабости.

— Слышали, Ильенков? Это вам, бывшему прапорщику, говорит бывший унтер-офицер. А сейчас выше голову, все будет хорошо. Свой страх спрячьте поглубже и не показывайте бойцам…

Взводы заняли новые позиции. Мы тоже перешли на другое место. И тут вдруг появился помпохоз Лобода.

— Вы как здесь очутились? — спрашиваю у него.

— Лодку за вами пригнал.

— Где она?

— Там, у берега.

— Ермаков! — позвал я ординарца. — Идите, прорубите дно лодки и утопите ее.

— Товарищ командир, как же это так — утопить лодку? — всплеснул руками Лобода.

— А так. Утопить, и немедля. Ермаков, быстро выполняйте приказ! — Затем уже мягче сказал Лободе: — Понимаете ли вы, какую медвежью услугу оказали? Ведь если люди узнают, что командир готовится уплыть, сразу все побегут к реке.

— А мне как попасть на тот берег? — спросил Лобода уже более спокойным голосом.

— Пока никак, а потом, переправитесь на доске. Идите в деревню, подберите на всякий случай побольше досок. Только до времени никому их не показывайте…

Близится вечер. Солнце, совершив дневной путь, опустилось к вершинам деревьев.

А бой продолжается. Противник на флангах вышел к реке и теперь перебежками вдоль берега приближается с двух сторон к деревянному мосту. Наши два пулемета стреляют беспрерывно. У одного из них сам Ильенков. Перезаряжая ленту, он взглянул на меня, словно говоря: «Эх, командир, пропадем мы тут не за понюшку табаку!»

У меня самого тревожно на душе. Я уже не уверен, сумеем ли удержаться. Была слабая надежда на скорое наступление ночи, на темноту, которая всегда дает передышку. Да развязка, кажется, приближается быстрее.

В который раз оборачиваюсь к городу, смотрю, не идет ли помощь. Вот кто-то там, за рекой, появился. Вижу еще и еще. Уж не поддержка ли это?

Бедик, опустив бинокль, радостно кричит:

— Появились люди в форме, с оружием. Идут к мосту. Да, теперь и я хорошо вижу, как с противоположного берега на мост вышли красноармейцы.

От избытка нахлынувших чувств громко кричу:

— Ура!

Вслед за мной кричит отделение Ерофеева. Ильенков припал к пулемету и строчит без перерыва. В отряде тоже заметили подход резервов, криком выражают радость.

Поднявшись, я показал рукой в сторону противника и побежал вперед. Тут же встали Ерофеев и все его отделение.

Нас обогнал Лацис. Рядом с ним большевик делопроизводитель Ланис и еще несколько человек. Взводы тоже перешли в контратаку.

Белополяки опешили, прекратили стрельбу. Сперва вскочили и побежали обратно одиночки, потом группы, а вот уже и вся цепь стала поспешно отходить.

Тем временем через мост прошли подразделения, с ходу рассыпались, взяв направление вправо, к железнодорожному мосту.

Ко мне подошел запыленный человек:

— Командир латышского коммунистического батальона. Давайте дружно ударим. Как вы думаете, куда мне лучше наступать?

— Наступайте, как и развернулись, вправо, а я пойду вдоль дороги на опушку леса.

— Согласен! До новой встречи у леса.

Солнце еще не успело опуститься за горизонт, а мы уже загнали противника в лес. Наступившая темнота прервала бой.

Обходя взводы, я всюду слышал возбужденные голоса:

— Здорово мы всыпали белякам!

— Жаль, темнота помешала, прогнали бы их из лесу. — А заметили, как они бежали, только пятки сверкали?

Среди других выделился голос Петрунькина:

— И завтра шуганем так, что побегут не хуже нынешнего. Освободим Вильно. Надо помочь литовским товарищам.

Его слова поправились красноармейцам. Они согласны «шугануть». Петрунькин завел разговор о братстве всех народов, и мне прямо завидно стало, как складно у него получается.

Хотелось послушать, но подошли командиры взводов с докладами. Потери велики — много убитых и раненых, есть и просто без вести пропавшие.

Приехала кухня. Накормив бойцов и выслав охранение, разрешил остальным отдыхать.

Доставили приказ из штадива. Меня накрыли шинелями, и я его прочел при свете спичек. Командование дивизии благодарило отряд и латышский батальон. Одновременно нам предлагалось с часу ночи перейти в наступление, очистить от противника лес и захватить деревню с противоположной его стороны.

Ночные действия позволяют добиваться значительных результатов небольшими силами и с меньшими потерями, чем в дневное время. Но это при условии, если подразделения специально подготовлены к ночным действиям. В противном случае темнота сковывает бойцов, порождает у них чувство оторванности, одиночества, беспомощности. Наш отряд как раз к ночным боям не готовился.

Пришлось проинструктировать командиров взводов почти на ходу. Сообщил только, что глубина леса полторы — две версты, наступать будем, пока сможем гнать врага. Во всяком случае, выбить его из лесу и занять деревню — обязательно. В лесу нужно вести себя осторожно, не шуметь. Огонь открывать только после того, как враг себя обнаружит.

И вот пошли. Нас сразу же обступила черная непроглядная мгла. Приходилось часто высылать связных во взводы, чтобы убедиться, правильно ли они движутся, и не дать им оторваться.

Ночную тишину вдруг разорвали редкие выстрелы. Было ясно, огонь ведет секрет или караул противника.

Ильенков дал несколько очередей из пулемета, и враг замолчал. Мы поднялись и снова пошли вперед.

На опушке нас опять обстреляли. На этот раз из пулемета.

Быстро прошли открытое место и снова углубились в лес, наполненный гулом выстрелов и треском попадающих в деревья пуль. Лесное эхо усиливало звуки. Казалось, что в нас стреляют

со всех сторон.

По мере нашего продвижения стрельба нарастала и наконец превратилась в сплошной, непрекращающийся гул. В темноте послышались вскрики, означавшие, что кто-то из бойцов ранен. Но лес надо пройти, и я громко подал команду:

— Вперед!

Ее повторили связные, командиры взводов и для бодрости многие бойцы.

Впереди заалело зарево пожара. Это белополяки подожгли на опушке какую-то постройку, чтобы лучше видеть, как мы будем выходить из лесу.

Я приказал двигаться ползком на опушку. Впереди, шагах в пятистах, стоял одинокий дом со службами. Горел сарай у дома. Хорошо виднелись ворота, забор и колодец с журавлем. Откуда-то из-за дома стрелял пулемет.

Задерживаться нельзя. Мы начали наступление перебежками. Но едва первые отделения выбежали на открытое место, как застрочило несколько вражеских пулеметов и по опушке начала бить артиллерия. Вырвавшиеся вперед залегли шагах в пятидесяти, остальные задержались в лесу.

Ясно, что, если продолжать наступление по пристрелянной противником местности, нас могут перебить, как куропаток. Я приказал отойти шагов на двести — триста, чтобы затем возобновить атаку в другом месте.

Когда отошли и отдышались, помощник заметил:

— Что-то давно не слышно латышей.

В самом деле, справа от нас была полнейшая тишина. Посланный связной вернулся, не найдя латышского батальона. Выходит, в лесу мы одни. А может, латыши затаились и связной не нашел их? Я пожалел, что в отряде не было подготовленных разведчиков. Сейчас они особенно пригодились бы.

Надо дождаться рассвета и выяснить обстановку. Отвел отряд еще немного назад и приказал занять оборону.

Когда, казалось, пропала вся надежда на взаимодействие с латышами, от них неожиданно явился связной и доложил, что батальон находится в лесу правее и позади нас. До утра он наступать не будет.

Мы с Бедиком обошли свои боевые порядки.

Остановились возле пулеметчиков. Те расположились в большой яме, прикрытой кустами.

— Оставайтесь с нами, товарищи, — пригласили пулеметчики.

— И правда, отдохните часок, я пока подежурю, — предложил Ильенков.

Бывает, что усталость валит человека с ног. Ему адски хочется «просто лечь» и вытянуться. Так случилось в этот раз и со мной. Прилег я и сразу будто куда провалился. Приснилась река Онега. В лодке я, моя жена, Вася Потапов, учитель Иван Емельянович. Мы поем веселые песни. Потом Вася начинает свою любимую «Накинув плащ, с гитарой под полою» и срывается. Пробует еще раз и снова «пускает петуха». Песню затягивает Иван Емельянович, но кто-то ему мешает. Я сквозь сон слышу, как этот «кто-то», прерывая учителя, несколько раз повторяет: «Где командир отряда?» «При чем тут командир, когда надо петь?» — думаю я, но сильный толчок заставляет очнуться. Еще раз уже более отчетливо слышу:

— Где командир отряда?

Предо мной связной. Он сообщает, что латыши отошли, а белополяки обходят отряд.

Быстро вскакиваю. Близится рассвет. На пулемете, с которого я только что поднял голову, покоятся еще три головы — Бедика, адъютанта и Ермакова. Ильенков, обещавший дежурить, крепко спит в обнимку со вторым пулеметом. Кругом тишина, но она обманчива, ее в любую минуту может разорвать грохот выстрела.

Надо отходить. Бедик, адъютант и Ермаков побежали искать взводы. Ильенкову приказываю прикрывать отряд. Сам Громко начинаю звать Петрунькина, Воронина и Петрова. Они отзываются, только голос Петрунькина доносится слабо.

Скоро явились посыльные от Воронина и Петрова, доложили, что их взводы начали отходить. А с Петрунькиным связи нет. Отошли и пулеметчики. Все в сборе, кроме взвода Петрунькина.

Оставив за себя Бедика, я с отделением Ерофеева и Ильенковым пошел на старое место искать утерянного комвзвода. Наконец он отозвался:

— Я Петрунькин!

Кричу ему:

— Петрунькин, отходите к нам!

Через несколько секунд слышим:

— Петрунькин, оставаться на месте!

Какое странное эхо! Не можем понять, что за чертовщина. Снова, еще громче кричу:

— Петрунькин, я, Абрамов, приказываю отходить! И опять кто-то вполне явственно повторяет;

— Петрунькин, я, Абрамов, приказываю оставаться на месте!

— Голову морочат беляки, товарищ командир! — сообразил Ерофеев. — Так Петрунькин может попасть в плен, в лесу не узнает вас.

— Сейчас узнает, — говорю ему, а сам кричу: — Отходи,

Петрунькин, а то в Рославль к дочке не попадешь!

Командир взвода уши нам прожужжал, рассказывая о своей восьмимесячной дочурке. Теперь я этим воспользовался и сразу же услышал ответ:

— Понял. Отхожу!

Вскоре взвод Петрунькина подошел, и отряд вернулся в исходное положение. Заняли оборону невдалеке от леса. Латышский батальон окапывался правее нас в поле.

К нам приехал комиссар дивизии, сделал разбор ночного боя. Он признал, что в целом ошибок с нашей стороны не было. Если судить по конечному результату — мы возвратились в исходное положение и понесли потери, — то бой следовало бы оценить как неудачный. Но нельзя забывать и другого — не подготовленный к ночным действиям отряд продвинулся с боем на три версты и заставил белополяков очистить лес, а затем, находясь уже в полуокружении, благополучно отошел. В заключение комиссар поставил перед нами задачу овладеть деревней Лезинишки.

Наступать днем по открытой местности на противника, сильно укрепившегося, явно безрассудно. И мы решили использовать для захвата деревни опыт своего первого ночного боя. Это нам блестяще удалось.

Ермаков привел двух пленных. Мне очень хотелось с их помощью получить ответ на вопрос, мучивший еще со дня боев у города Диены. Проведя многие месяцы мировой войны в окопах под Варшавой, русские солдаты сдружились с польскими крестьянами. Мы находили с ними много общего. Они так же бедствовали на крохотных клочках земли, окруженных большими и малыми поместьями магнатов. Поэтому я никак не мог себе представить простых людей Польши в роли нашего противника. Мне непонятно было, что заставляет их сейчас, в 1919 году, выступать с оружием в руках против братского народа, который выгнал своих панов-помещиков, уничтожил власть буржуазии?

Участвовавший в допросе «жолнеров» комиссар дивизии Верховский быстро нашел ключ к их сердцам. Один из пленных оказался мобилизованным рабочим из Лодзи, другой — крестьянином. Они рассказали, как ксендзы, представители соглашательской социалистической партии и буржуазная печать туманили им мозги, распространяя разные небылицы, убеждая польский народ в том, что Советская Россия якобы стремится закабалить Польшу и согнать крестьян с земли. Демагогия, оголтелый шовинизм, а главное — жесточайший террор, расправы с забастовщиками, расстрелы отказывающихся идти в армию сделали свое дело. Правителям буржуазно-помещичьей Польши, покорным лакеям империалистов, удалось сколотить

полумиллионную армию и бросить ее на Советскую республику.

Комиссар пробыл у нас весь день. Он провел объединенный митинг красноармейцев нашего отряда и латышского коммунистического батальона. На конкретных фактах совместных боев комиссар показал силу дружбы и боевого содружества народов Советской республики.

Большое внимание уделил комиссар нашей партячейке. С момента выезда из Краславы она выросла и теперь объединяла в своих рядах 36 красноармейцев и 9 командиров.

До поздней ночи затянулось партийное собрание. Комиссар подробно рассказал нам о решениях восьмого съезда партии большевиков, изложил новую, принятую съездом программу, доложил о ходе обсуждения на съезде военного положения и военной политики партии.

* * *

Наступление белополяков было отбито, и наш отряд, потерявший около половины состава, перебросили в Великие Луки. Здесь находился штаб армии. При встрече Иванченко похвалил нас, сказал, что сам командующий армией А. И. Корк приказал вывести отряд на переформирование.

Пополнение мы получили из мобилизованных, уроженцев Смоленской и Могилевской губерний. Начались усиленные военные занятия от рассвета до сумерек.

Командование отрядом поселилось в бревенчатом, почерневшем от времени и дождей просторном поповском доме. Хозяйство у попа вела его мать. При встречах с нами она первой здоровалась, приветливо улыбалась, низко кланялась, всем своим видом показывая расположение. За глаза же, как стало известно, ругала нас безбожниками, проклятыми большевиками, египетской чумой и наказанием господним.

По утрам она долго молилась перед иконами, крестилась при всяком удобном и неудобном случае и, продавая нам пропущенное через сепаратор молоко по самой высокой цене, божилась, что оно «сей минутой» надоено и совсем, совсем свежее. Такое лицемерие в конце концов вывело из терпения нашего Лободу. Как-то утром, когда на кухне собрались женщины — старуха, попадья и ее сестра, — он заявил:

— Удивительный сон я сегодня видел!

— Какой, расскажите, — встрепенулись женщины.

— Сны бог посылает. Они зачастую вещие бывают, — добавила старуха.

— Да, да, — поддержал ее Лобода и стал с серьезным видом рассказывать:

— Приснилось мне, будто я умер…

— Хороший сон. Долго жить будете, — вставляет старуха и крестится.

— Лежу с закрытыми глазами, а все вижу и слышу. Повезли меня на погост, отпевают, зарывают в могилу. Стало так тяжело, что хотелось сбросить землю, выскочить на свет божий.

— Это ваша душенька отлетала к господу, — поясняет старуха и снова крестится.

— Вот именно отлетала. Поднялся я на небо, иду по дороге, и вижу, как на левой стороне мучится народ: один висит на железном крюке, второй — подвешен за руки, третьего черти колют вилами, одной женщине в раскрытый рот льют из ведра керосин…

— Каждому воздается по его грехам на земле, — замечает старуха.

Лобода подмигивает мне и продолжает:

— Иду это я, значит, дальше и вдруг слышу голос: «Сеня, остановись!» Повернулся, смотрю: два черта подбрасывают на рогах мою тетку Степаниду. Той плохо. Ее давно тошнит, а черти все качают и качают. Спрашиваю: «За что тебя, тетушка, так мучат?» Черти на минуту приостановились, а тетка отвечает: «Говорят, Сеня, будто я на базаре честной народ обвешивала да в молоко воду подливала. Скажи им, что это неправда!»

Женщины переглянулись. Попадья закрыла рот платком, чтобы не расхохотаться. Бабка смутилась и направилась к выходу со словами:

— Грешный сон! Его не только рассказывать, но и слушать грешно.

На следующее утро молоко было жирнее и вкуснее. Лобода заметил:

— Сон, ежели его к месту рассказать, здорово помогает…

Впрочем, недолго нам пришлось пользоваться этими благами. Отряд перевели в город Торопец, как сказал Иванченко, «поближе к Юденичу». Мы расположились в двух старинных имениях с поэтическими названиями «Отрадное» и «Благословенное».

* * *

Незаметно приближалась зима. В октябре 1919 года по решению ЦК РКП (б) был введен институт политических руководителей рот, эскадронов и равных им подразделений. У

нас комиссаром назначили К. Ланиса.

Ланис всячески поощрял красноармейскую инициативу. У нас работали товарищеский суд, контрольно-хозяйственная и культурно-просветительная комиссии. Коммунисты раздобыли учебники, большой рулон светло-коричневой оберточной бумаги и организовали занятия по ликвидации неграмотности красноармейцев.

Скрасить долгие осенние вечера нам помогали выступления участников художественной самодеятельности. В отряде нашлось немало талантов. Ерофеев неплохо играл на гармошке, красноармейцы Голодов, Антонов и Зайцев — на балалайках, Ильенков — на мандолине. Мы с Петрунькиным пели дуэтом. Нашлись декламаторы и даже фокусник. А мой ординарец Ермакоб оказался «силачом», он поднимал тяжести, клал на обе лопатки любого противника.

На один из вечеров самодеятельности мы пригласили руководителей уездного комитета партии, председателя уездного Совета и военного комиссара. После концерта председатель Совета сказал:

— С такими силами вы могли бы поставить спектакль в городском клубе.

Секретарь партячейки П. Лацис и комиссар К. Ланис загорелись этой идеей. Они при каждом удобном случае убеждали меня, что нам под силу «любая революционная пьеса». Их поддержали другие командиры.

И вот мы решили поставить сцену в корчме на литовской границе из «Бориса Годунова». Отрывок тем более подходил, что рядом с нами была Литва.

Когда распределяли роли, Ильенков вызвался сыграть самозванца Гришку Отрепьева, Ермаков — пристава, а я — Варлаама.

— Кого бы на роль Мисаила подыскать? — спросил Лацис.

— Чего тут долго подыскивать, — заметил я, — по-моему, из Петрунькина выйдет чудесный Мисаил.

— Что-о? Я — Мисаил? — удивился Петрунькин и растерянно посмотрел на всех.

— А почему бы нет? Рост, фигура, тенорок — все подходит.

— Да я на сцене никогда не бывал, — не сдавался командир взвода.

— В бою тоже никогда не был, а как хорошо начал воевать!

Этот довод оказался самым убедительным.

Не было только хозяйки корчмы. Ее обязался подыскать Ильенков.

Начались читки, заучивание ролей, репетиции. За несколько

дней до спектакля Ильенков познакомил нас с высокой, стройной и красивой женщиной, женой одного командира части, согласившейся сыграть роль хозяйки корчмы. Уже первая репетиция с ее участием показала, что она вполне для этого подходит.

Еще задолго до начала спектакля театр заполнили жители Торопца, представители частей гарнизона. Заведующий городским театром-клубом достал реквизит, умело загримировал и одел нас. На мне — дырявый поповский кафтан. Привязанная к животу подушка изменила фигуру. На голове длинные, растрепанные волосы. Седая борода и увеличенный, красный нос совершенно преобразили мое лицо. Петрунькин внешне отменный Мисаил: маленький, щупленький, с глазами-щелочками, узкой бородкой-мочалкой.

Спектакль идет. За кулисы доносится выразительный голос шинкарки. Пора на сцену и нам с Мисаилом.

Наше появление произвело впечатление. Зрители, не стесняясь, выражали вслух свое отношение к нам:

— Во, появились красавчики!

— Два сапога — пара!

Первые слова Варлаама и Мисаила, обращенные к хозяйке корчмы, заинтересовали. Реплика Варлаама: «Нет ли вина?» снова вызвала насмешливые отклики в зале:

— Вот орел!

Сцена, когда Варлаам вырвал из рук шинкарки водку и начал пить одну рюмку за другой, а Мисаил только крутился вокруг него, вызвала смех и движение публики.

— Ну и долгогривый, знает толк!

Хоть и без аккомпанемента, я решил спеть песню Варлаама. Она зрителям понравилась. Да я и сам чувствовал, что она удалась. Голос лился свободно и сильно. Концовка песни «Эх ты!», свободный и всем понятный жест Варлаама по отношению к шинкарке — $на, нарочито рассерженная, отскочила прочь — вызвали аплодисменты.

Меня заставили повторить песню. Интерес зрителей не ослабевал.

В щелки глаз я наблюдал за Мисаилом. Петрунькин чудесно вел свою роль. Захмелев, он никак не мог улечься на скамейке, падал и снова мостился.

Когда опустился занавес, зрители долго аплодировали, кричали:

— Молодцы ребята!

По совету местных властей мы повторили спектакль дважды. Вход по платным билетам. На собранные 16 тысяч рублей

закупили для отряда музыкальные инструменты.

* * *

В конце октября девятнадцатого года я получил вызов к Иванченко. Он, по обыкновению, кратко спросил:

— Отряд к бою готов?

— Вполне, — ответил я.

— Хорошо. Решено направить вас на фронт. Идем в оперативный отдел, познакомишься с обстановкой — и быстро в отряд.

В оперативном отделе я узнал, что второе за тот год, осеннее наступление Юденича на Петроград позорно провалилось. Нам предстояло добивать его.

На следующий же день выехали в распоряжение начальника 10-й дивизии Новоструева. Дивизия вела наступление на Гдов. Во всех ее частях было зачитано обращение В. И. Ленина, призывавшего напрячь все силы для преследования отступавших белогвардейцев,-

7 ноября, в день второй годовщины Октября, Гдов был взят. Мы продолжали наступление, стремясь окончательно уничтожить войска Юденича и полностью обеспечить безопасность Северо-Запада страны.

В начале декабря штаб армии приказал отряду разместиться в небольшой деревушке на берегу Чудского озера. К этому времени озеро покрылось льдом, и вражеские лыжники могли использовать его для прорыва в наш тыл.

Лыжников встретить не пришлось, а перебежчики являлись в нашу деревню почти ежедневно. Все это были насильно мобилизованные Юденичем. Они плелись по нескольку дней из Эстонии. Многие в пути замерзали.

Мы оказывали прибывшим медицинскую помощь, кормили их и отправляли в Гдов. Вскоре оттуда поступило распоряжение высылать на озеро верст за 10–15 группы солдат, разводить там костры и помогать перебежчикам.

Так продолжалось до 31 декабря, когда стало известно, что Советское правительство заключило с Эстонией перемирие. Эстонцы интернировали остатки армии Юденича. Радостное событие!

Днем в отряде состоялся митинг. Затем мы устроили концерт самодеятельности.

В разгар веселья мне подали телеграмму: «К двум часам ночи прибыть на разъезд, быстро погрузиться в теплушки и следовать

на станцию Жогово».

У военного коменданта станции Псков я узнал, что на Псковщину снова полезли белополяки.

Омерзительная картина беспримерной подлости империалистов встанет перед каждым, кто пожелает вникнуть в обширные материалы — исследования подготовки нападения панской Польши на Советскую республику.

Рост революционного движения в странах капитала, уроки восстаний в армиях интервентов заставили империалистов искать новые пути для военных авантюр. «Замечательно, — говорил В. И. Ленин, — что ни одно государство Антанты не осмеливается выступить против Советской России открыто, боясь показать рабочим свое настоящее лицо». Именно скрывая свое истинное лицо, империалисты в 1920 году сделали ставку на панскую Польшу как ударную силу мировой реакции.

Пользуясь продажностью правительства Пилсудского, англо-французские и особенно американские империалисты захватили ключевые позиции в экономике Польши. Американские монополии за бесценок скупали польские предприятия и источники сырья. Польшу наводнили многочисленные американские продовольственные, технические и торговые миссии. Они бесцеремонно вмешивались во все стороны внутренней и внешнеполитической жизни страны. При польском правительстве были назначены американские советники.

Американские транспорты доставили в Польшу 20 тысяч пулеметов, свыше 200 танков, более 300 самолетов и много военного имущества на сумму 1700 миллионов долларов. Англия тоже предоставила Польше часть своих «излишков» вооружения и снаряжения. А Франция передала 2 тысячи орудий, 3 тысячи пулеметов, 500 тысяч винтовок, 300 самолетов. Из Франции в Польшу было направлено 9 генералов, 29 полковников, 63 батальонных командира, 196 капитанов, 435 лейтенантов. Интересно, что среди поехавших в Польшу офицеров был и нынешний президент Франции де Голль.

Советское правительство многократно предлагало Польше установить нормальные отношения, шло на уступки. Аналогичное предложение было сделано и в начале 1920 года. Стремясь ослабить впечатление, произведенное этим на трудящихся всех стран, и не допустить установления мира между Советской Россией и Польшей, империалистическая пропаганда начала разнузданную антисоветскую клевету.

Зимой 1920 года, инсценируя запросы в Сейме о мире и подготовку к переговорам с Советским правительством, польские реакционеры продолжали местные наступательные действия. Они

ставили себе целью подготовить удобные плацдармы для предстоящей «большой войны» с нашей страной. В частности, белополяки стремились разъединить советские Западный и Юго-Западный фронты, лишить их рокадной железной дороги Витебск — Жлобин — Коростень — Жмеринка.

На станции Остров комендант сообщил нам, что бои идут возле Жогово и поэтому эшелону придется разгружаться в шести километрах не доезжая станции. Машинист подал состав на разъезд. Мы быстро выгрузились и броском, менее чем за час, пришли к месту назначения.

Жизнь на станции Жогово замерла. Мы застали там только дежурного и сторожа. До ближайшей деревни, расположенной юго-западнее, откуда можно ждать противника, две версты. В тылу на расстоянии около полуверсты чернеет одинокий фольварк. Местность вокруг открытая.

Ерофеева, который уже более месяца командует взводом, мы отправили в деревню с задачей занять оборону на юго-западной ее окраине. При появлении белополяков Ерофеев должен зажечь костер и этим предупредить нас.

Два взвода с пулеметами были поставлены на оборону станции. Четвертый взвод Воронина расположился левее на пригорке с одиноким сарайчиком. Кавалерийский взвод, оставивший лошадей в Торопце, мы держали в резерве на фольварке. Там же мой командный пункт.

…Шла к концу неделя нашего пребывания в Жогово, а противник все еще не показывался. Лишь с юга изредка доносилась орудийная канонада. Но 10 января утром, когда мы завтракали, Ильенков, случайно посмотревший в окно, вдруг вскрикнул:

— Смотрите-ка, у Ерофеева огонь!

Мы с Ланисом и Ермаковым побежали на станцию. Петрунькин уже принял сигнал Ерофеева, и оба взвода заняли окопы.

Вскоре от Ерофеева прибыл посыльный с донесением. Оказывается, в версте от деревни замечена разведка противника силой до взвода. Наблюдатель, высланный Петрунькиным к мостику, что за семафором, тоже доложил о появлении белополяков.

Во второй половине дня со стороны деревни послышалась стрельба. Сначала работали только пулеметы, позже к ним присоединились винтовки, затем донеслись артиллерийские выстрелы. А вот уже затарахтел и пулемет, приданный взводу Воронина. Наблюдатель с крыши станции сообщил, что вдоль полотна железной дороги движется рота противника. Взвод

Ерофеева, как и предусматривалось, отошел к станции и занял позицию правее других.

На окраине деревни показалась группа белополяков, и вот уже на дорогу вытянулась одна ротная колонна, за ней другая. Идут нахально, в открытую. Как жаль, что у нас нет артиллерии, а то бы можно здорово проучить!

Приказал Ильенкову открыть огонь из двух пулеметов, что стояли на чердаке пристанционного домика. Хоть и далековато, но пули долетели. Мы видим, как колонны остановились, потом стали поспешно расчленяться по обе стороны дороги.

Поблизости от станции разорвался первый снаряд — противник нащупывал наших пулеметчиков. Но те успели убраться с чердака. Пришлось и нам с адъютантом расположиться за водокачкой, где был заранее подготовлен наблюдательный пункт.

Глубокий снег затруднял продвижение противника. Чтобы преодолеть версту пути, ему потребовалось больше часа. А когда до наших окопов оставалось примерно тысячу шагов, снова заговорили пулеметы, к ним присоединились стрелки. Цепи белополяков так и не смогли продолжать наступление. Их батарея пробовала подавить наши пулеметы, но расчеты часто меняли позиции, и из этого ничего не вышло.

На следующий день противник снова пробовал наступать при поддержке батареи, но опять был отогнан нашим огнем. Тогда одновременно с фронтальной атакой две вражеские роты пошли в обход, туда, где оборонялся взвод Воронина. Мы перебросили на левый фланг резерв — Кавалерийский взвод с двумя пулеметами. Белополяков и здесь заставили отойти назад.

Вечером дежурный по станции доложил, что меня требует к телефону комендант Острова. Тот сообщил, что к нам едет Лобода со своим хозяйством.

— Где ему разгружаться? — спрашивал комендант. — У вас, на Жогово, или не доезжая, на станции Борчаниново?

— Направляйте его к нам.

— Но у вас бои, — возразил комендант.

— Ночью здесь безопасно. Мы успеем разгрузить эшелон и до рассвета отправить обратно.

— Хорошо. Сейчас доложу начальству, а пока передаю трубку Лободе.

— Добрый вечер, товарищ командир, — услышал я бодрый голос своего помощника. — Везу валенки, полушубки и продовольствие.

Пока мы говорили, вернулся комендант Острова. Он объявил, что ему разрешено отправить эшелон на Жогово под мою,

командира отряда, личную ответственность…

Мы подготовились к разгрузке: выделили по отделению от каждого взвода, заготовили сходни для лошадей и повозок.

Нельзя сказать, чтобы я был спокоен, хотя всячески старался скрыть это от подчиненных. Мозг сверлила мысль: «А вдруг противник ночью бросит на станцию все силы и если не захватит, то разобьет эшелон».

Поезд подошел тихо. Красноармейцы начали выводить лошадей, спускать сани, выносить имущество.

— У вас совсем спокойно, а мы тревожились, — заметил Лобода.

И только он это сказал, как возле станции разорвался снаряд. Неужели противник что-то заметил? Второй снаряд подтвердил эти предположения. К счастью, разгрузка шла к концу.

Но вот заговорил пулемет Петрунькина. Посланный к нему адъютант вернулся и доложил, что белополяки предприняли наступление. Я отправился в окопы.

Ночная атака противника была сорвана, а скоро разгрузившийся эшелон благополучно отбыл обратно.

14 января стоял очень сильный мороз и противник активности не проявлял. Пользуясь затишьем, мы роздали полушубки и валенки.

Лобода доставил несколько пачек газет, и они пошли по рукам. Все интересовались, что делается в России и «что сказал товарищ Ленин». Вера в Ленина, в каждое сказанное им слово была безгранична.

Доставленные Лободой газеты публиковали телеграмму Наркоминдела Советской России польскому правительству. В ней говорилось, что наша страна еще в апреле 1918 года заявила о своем неизменном желании прекратить военные действия. Однако польское правительство оставляет советские мирные предложения без ответа, а польские войска продолжают продвигаться в глубь советской территории.

Телеграмма предлагала Польше начать переговоры о заключении прочного и длительного мира.

В тот же день мы провели общее собрание отряда.

Ланис прочел телеграмму Советского правительства. Затем сказал:

— Наша задача состоит в том, чтобы любой ценой отбить врага, который упорно лезет на станцию. Поклянемся же товарищу Ленину, что будем стоять в окопах насмерть, не отступим ни на шаг.

— Клянемся! — раздалось в ответ.

С утра 15 января после продолжительного артиллерийского

обстрела противник стал продвигаться в трех направлениях: рота шла вдоль железной дороги, две роты — справа от деревни, а еще одна направилась левее железной дороги. Что ж, если это все силы белополяков, то мы отобьем их. Но если у противника есть резервы?..

Артиллерия непрерывно била по окопам, станции, фольварку. Вражеская пехота двигалась перебежками. Много белополяков, сраженных нашими очередями, падало в снег. Все шесть пулеметов отряда работали на полную мощь.

Когда цепи врага подходили слишком близко, открывали убийственный огонь все красноармейцы и отгоняли их.

Под вечер белополяки стали выдыхаться.

Но вот вдали показался дымок. Нетрудно было догадаться, что это идет бронепоезд.

Хорошо, что Ерофеев разобрал рельсы на мостике. Выемка и холмик закрыли остановившийся состав. Оттуда станция не видна, стрелять ему неудобно. А путь починить мы не позволили — мостик находился под обстрелом. Бронепоезд вел огонь наугад.

Ободренные поддержкой, роты противника попробовали подняться. Но мы снова заставили их залечь.

— Лезут, дурни, словно не знают, что станцию обороняет отряд особого назначения, — пошутил Ильенков.

— Конечно не знают. Ты им напиши, и они перестанут наступать, — в тон ему ответил Бедик…

Я вызвал по телефону станцию Остров. Там оказался поезд командующего армией Корка. Ответил мне Иванченко. Доложив ему об итогах боя, я высказал свои опасения. Враг наращивает силы. Еще несколько подобных атак — и потери наши будут так велики, что отряд не сможет удержать станцию.

— Все будет в порядке. Скоро вас сменят, — ответил Иванченко.

Ночью прибыл стрелковый полк. Мы снялись и походным порядком выступили на станцию Борчаниново, а оттуда поездом в деревню Бородино, что рядом со станцией Локня.

Нашему отряду поручалась необычная задача — борьба с дезертирством на трудовом фронте и забота о налаживании работы «железкомов» и «лескомов» Витебской и Псковской губерний Транспорт и промышленные предприятия из-за нехватки угля переводились на древесное топливо. Тысячи коммунистов были направлены на топливный фронт. Заготовка и перевозка дров приравнивались к военным заданиям.

Отряд получил трехдневный отдых. На третий день состоялось партийное собрание. Меня приняли в члены РКП (б).

За зиму и раннюю весну отряд выловил немало дезертиров, помог в организации лесозаготовок. А в апреле пришлось расстаться с ним: меня отозвали в штаб армии и вручили предписание на Южный фронт, в Харьков.

Так я снова попал в город, где в 1918 году определился мой путь в революции. Иванченко оказался тоже здесь, в должности коменданта Харькова, являвшегося в то время центром подготовки наступления на барона Врангеля — последний оплот Антанты.

— Не сердись, Василий Леонтьевич, — сказал Иванченко. — Но придется тебе поработать в тылу.

— Как в тылу?

— А так…

Словом, меня назначили военным комендантом Ивано-Лысогорского района с его знаменитыми Холодной и Лысой горами. Работа в городе, незадолго до этого освобожденном от белогвардейцев, показалась мне трудной и сложной. Чем только ни приходилось заниматься: облавами на многочисленных бандитов и вылавливанием дезертиров, разбором дел спекулянтов и проверками подозрительных личностей, ликвидацией наследства почти трехлетней гражданской войны.

Прошло три месяца. Корпуса Врангеля вытянулись из Крыма, намереваясь снова разжечь пламя гражданской войны. И я обратился к командующему 1-й Украинской запасной армией Базилевичу с просьбой направить на фронт.

Меня назначили начальником штаба 4-й отдельной бригады. На нее возлагалась охрана юга Донбасса и борьба с бандитизмом.

Пришлось расстаться с Иванченко. С ним мы встретились снова лишь через шесть лет, когда бывший матрос стал директором крупнейшего в стране Енакиевского металлургического завода. С присущей ему энергией и настойчивостью он быстро организовал восстановление домен. А в тридцатых годах имя начальника Востокстали Иванченко знала вся страна. С ним был связан сказочный рост металлургии Урала и Западной Сибири, строительство Магнитогорского и Кузнецкого гигантов.

Но это, повторяю, было много позже, а в тот раз мы тепло попрощались с Иванченко, и я отбыл к месту новой службы.

Штаб бригады располагался в городе Шахты, или, как тогда называли, Александрово-Трушевске. Мы быстро сработались с командиром П. Л. Виноградовым.

Обстановка в районе была сложной. Много хлопот доставляли нам бандитские шайки, и особенно банда некоего Каменюка, насчитывавшая свыше тысячи сабель.

Однажды эта банда стала готовить налет на Шахты. Наше положение осложнялось тем, что три полка бригады рассредоточились в разных пунктах в радиусе 150 километров. В городе оставались только рота ЧОН, да комендантская команда при штабе.

Решено было прибегнуть к хитрости. Мы разослали во все концы конных милиционеров. Основная обязанность их состояла в том, чтобы бывать на людях, беседовать и как бы невзначай упрекать штаб бригады за то, что он нагнал в город много войска. Следовало также «проговариваться», что якобы на станцию прибыли бронепоезда и артиллерия.

Одновременно в Каменку, Криницу и некоторые другие станицы выехали «заготовители». Они сделали большие заказы на продукты, ссылаясь на необходимость прокормить тысячи красноармейцев.

Дезинформация сыграла свою роль. Слухи дошли до бандитов. Как потом показывали пленные, Каменюк объявил своим атаманам:

— На черта нам сдался этот город. Поживы там мало, из-за нее не стоит драться с бронепоездами.

Летом 1921 года я получил назначение на должность начальника штаба 51-й дивизии. С этого началась моя двадцатилетняя служба в войсках ВЧК, затем в пограничных частях…

Отход к Севастополю

В 1941 году я работал в Крыму помощником начальника штаба пограничных войск Черноморского округа.

Шла вторая мировая война. Полным ходом работала гигантская военная машина фашизма. Кровью и свободой расплачивались народы Европы за политику реакционеров, вскормивших фашизм.

Мы, пограничники, не могли не замечать сгущения туч у западных наших рубежей. И все же драматические события ночи на 22 июня явились полной неожиданностью. Помню, когда нас вызвали в штаб и мы, взобравшись на крышу дома, наблюдали вспышки разрывов над Севастополем, мне все еще не верилось, что наступила война.

Несмотря на отдаленность сухопутного фронта, Крымский полуостров сразу же стал, по существу, прифронтовым районом. Близость аэродромов и портов гитлеровского сателлита — королевской Румынии создавали угрозу ему и с моря, и с воздуха. Неопределенной, а точнее сочувствующей агрессору, была позиция «слуги трех господ» Турции, что еще больше усиливало напряжение.

Словом, в любом месте и в любое время можно было ждать огневого нападения, бомбового удара либо даже высадки десантов или диверсионных групп. А для воздушного десантирования местность, лучшую, чем степная равнина средней и северной части полуострова, трудно даже придумать.

Между тем войск на территории Крыма дислоцировалось мало. Пограничные заставы в основном охраняли приморскую его полосу. Полевые же войска размещались на большом удалении, что не позволяло им контролировать все районы возможной выброски десантов.

Выход из положения указали Центральный Комитет партии и Советское правительство. 4 июля в Крымском обкоме состоялось совещание секретарей горкомов, райкомов партии и работников штаба пограничного округа.

Секретарь обкома В. С. Булатов изложил содержание директивы Совнаркома и ЦК ВКП(б) партийным и советским органам прифронтовых областей от 29 июня 1941 года. Совещание приняло решение сформировать до двадцати истребительных батальонов. Был создан главный штаб партизанского движения в Крыму во главе со старым коммунистом А. В. Мокроусовым, в 1920 году командовавшим крымской партизанской армией.

Формирование, комплектование, боевую подготовку истребительных батальонов и боевое их использование обком партии поручил специальной оперативной группе, созданной из работников управления пограничных войск. Меня назначили начальником штаба этой группы.

По зову партии около десяти тысяч рабочих, крестьян, служащих из всех городов и районов Крыма добровольно вступили в батальоны. Во главе большинства истребительных подразделений стали офицеры-пограничники.

Теперь мы могли организовать охрану предприятий, электростанций, мостов, линий связи, службу наблюдения за воздухом и морем.

Следует иметь в виду, что обстановка в Крыму несколько отличалась от положения в других районах страны. В глухих селах полуострова, да и в ряде городов затаилась некоторая часть белогвардейцев, застрявших здесь после разгрома Врангеля. Они умело замаскировались, некоторые зарекомендовали себя активистами. А с началом войны они стали сеять панические слухи, пытались устраивать диверсии.

Действовали истребители самоотверженно и в течение июля — сентября выловили немало шпионов и диверсантов. Когда же гитлеровские войска приблизились к Перекопу, многие бойцы батальона ушли в армию или в партизанские отряды.

Душой истребительных батальонов стали коммунисты Крыма. Хорошо зарекомендовал себя легендарный подпольщик времен гражданской войны П. В. Макаров, автор популярной в свое время книги «Адъютант Май-Маевского». Выделялся и М. М. Македонский, один из зачинателей коллективизации в Крыму.

17 августа я распрощался с управлением погранвойск. Меня назначили на должность командира стрелковой дивизии, которая должна была оборонять морское побережье от Севастополя до Керчи. На основных дорогах к морю предстояло создать разнообразные инженерные заграждения. А ведь какой неблагоприятный для земляных работ каменистый грунт горной части Крыма!

Все же к началу сентября, благодаря помощи жителей, мы построили батальонные узлы обороны на станции Сюрень, в городах Ялта, Алушта, Судак, Феодосия, Старый Крым. В промежутках между батальонными оборудовали ротные и взводные опорные пункты.

Тем временем фронт неумолимо приближался к Крыму. 12 сентября передовые части 11-й немецкой армии под командованием Манштейна прорвались к Перекопскому перешейку, а 16 сентября вышли к Чонгарскому мосту и

Арабатской стрелке. Но здесь войска 51-й отдельной армии дали им решительный бой и не позволили ворваться в Крым с ходу.

К первым числам октября в Крым прибыли некоторые части из Одессы. Тогда же к нам влился 26-й пограничный отряд. Обстрелянные, прошедшие большую боевую школу в дни обороны Одессы, солдаты и командиры этого отряда стали костяком дивизии, которая была переименована в 184-ю. Полкам дивизии присвоили номера 262, 294 и 297-го. Меня назначили ее командиром. Военным комиссаром стал И. И. Кальченко, а начальником штаба майор Б. П. Серебряков.

Новой дивизии поставили и новую боевую задачу. Заняв рубеж Старый Крым, Карасубазар (исключая Симферополь), Бахчисарай и станция Сюрень, она должна была задержать противника, в случае прорыва его через перешеек, и не допустить выхода к морю. О сложности задачи говорит уже то, что ширина полосы нашей обороны достигала 130, а глубина в центре — 70 километров.

Во второй половине октября 11-я немецкая армия и румынский горный корпус начали новое наступление на Перекопский перешеек и Чонгарский мост. Первые атаки войска 51-й отдельной армии отразили успешно. Подтянув свежие силы, враг усилил нажим. Но и у нас к 23 октября сюда подошла эвакуированная из Одессы Особая Приморская армия.

Несколько дней шли упорные бои. Равнинная, открытая местность у Перекопа и южнее его осложняла оборону. В дневное время почти не было возможности маневрировать резервами, исключалось всякое передвижение в тылу. Приходилось укрывать в землю не только живую силу, но и технику.

Тем временем наша дивизия завершила первоочередные работы по укреплению оборонительного рубежа. Слабым звеном у нас по-прежнему являлось отсутствие артиллерии. Долго и настойчиво просил я нового командующего 51-й армией генерал-лейтенанта П. И. Батова выделить дивизии хоть несколько орудий. Он отказывал, мотивируя необходимостью отдавать предпочтение фронту. Наконец нам все же прислали 14 пушек, но без прислуги. Штаты четырех батарей пришлось создавать за счет «внутренних ресурсов». Несколько наводчиков отыскалось в дивизии, остальных подбирали не совсем обычным, но оправдавшим себя методом.

Собрали у орудий человек шестьдесят наиболее грамотных и опытных пограничников — коммунистов и комсомольцев. Спрашиваю у них:

— Хороши пушки?

— Вроде ничего, — отвечает один. — Пригодятся.

— Это-то верно, что пригодятся, — подтвердил я. — Только беда в том, что они беспомощны — артиллеристов не хватает. Вот мы и вызвали вас сюда посоветоваться. Ведь, если не придумаем ничего, оружие это будет зря стоять.

Строй зашевелился, некоторые бойцы переглянулись. А старшина Петров, заслуженный пограничник, горячо заговорил:

— Как это можно допустить, чтобы пушки без дела были. А мы на что? Сами, раз надо, к ним станем, только покажите, как с ними обращаться.

Бойцы поддержали его:

— Правильно!

— Конечно, сами к пушкам станем!

Кальченко поднял руку, успокаивая:

— Очень хорошо, товарищи, что мы в вас не ошиблись. Только имейте в виду, что дело, за которое беретесь, не простое. Другие профессию артиллериста месяцами осваивают, а у вас будут считанные дни. Вы знаете, что враг все настойчивее и настойчивее атакует наши войска на перешейке. Сил у него несравненно больше и поэтому в любой момент можно ждать прорыва фашистов в Крым. Значит, учиться вам придется и днем и ночью. Конкретно задачу поставит командир дивизии.

Я выступил вперед. Обвел взглядом лица солдат. Все это молодые, смелые ребята, проверенные на опасной пограничной службе. Такие тягот не побоятся и положиться на них можно.

— Итак, вам теперь ясны общая обстановка и трудности, с которыми столкнетесь, — начал я. — Главная трудность — отсутствие необходимого времени. В частях дивизии удалось отыскать нескольких бывших артиллеристов — командиров орудий, наводчиков, заряжающих. Под их руководством вам предстоит в три дня научиться вести огонь прямой наводкой. А если удастся выкроить еще день-два, попробуете стрелять по закрытым целям. Как видите, мы не скрываем от вас всей сложности задачи, потому что верим в вас, товарищи пограничники.

На этом и покончили разговор.

* * *

Рано утром 28 октября меня вызвал к себе начальник штаба армии генерал-майор Иванов и сообщил, что противник прорвался через Перекоп. Приказал собирать полки и ждать команды двигаться навстречу врагу.

С разрешения генерала я позволил себе высказать возражение

против такого плана использования дивизии. Обосновывая свое мнение, сказал:

— Противник, несомненно, будет стремиться завладеть приморской дорогой на Феодосию, Алушту и Ялту. Дивизия хорошо укрепилась на выгодных рубежах и здесь надежнее преградит врагу путь к морю, чем если выйдет на равнину. Там без достаточного транспорта, связи и артиллерии она окажется мало маневренной и менее боеспособной.

Генерал развел руками:

— Что ж, доводы ваши, полковник, не лишены основания. Но обстановка вынуждает нас передвинуть дивизию к северу. Готовьтесь к маршу, а свои соображения изложите в рапорте на имя командующего.

Вернувшись к себе, я познакомил с полученными указаниями военкома и начальника штаба. По телефону отдал распоряжение о стягивании подразделений в пункты, удобные для выступления. Затем написал рапорт командующему армией.

Ночью получили письменный приказ. Дивизии предлагалось выступить форсированным маршем и к 12 часам 30 октября закрепиться на рубеже Секизек — Чонграв — севернее города Карасубазар. Сообщалось, что правее нас займет оборону 320-я стрелковая дивизия, левее — 421-я.

За семнадцать часов 294-му и 297-му полкам предстояло пройти около шестидесяти, а 262-му до ста километров. Естественно, что первыми в свои районы прибыли 294-й и 297-й полки. Начали рыть окопы, организовали систему огня. Позже подошел 262-й полк. Все же до наступления темноты и здесь были готовы окопы для стрельбы с колена. Артиллеристы и бойцы минометного дивизиона подготовили данные для стрельбы.

Офицеры штаба дивизии, высланные на фланги наблюдателями, докладывали, что с севера по дорогам движутся беспорядочные группы советских солдат, подводы и автомашины. Мы выслали заслоны, и они направляли эти разрозненные подразделения и автомашины с боеприпасами в наши полки. В сборе таких своеобразных «трофеев» особенно преуспел командир отдельного минометного дивизиона майор А. П. Изугенев. Он почти удвоил число своих минометов. Кроме того, у нас появились еще две артиллерийские батареи.

Ночь выдалась темная. Северная часть небосклона в зареве пожаров. Орудийная стрельба стихла. Изредка вспыхивали ракеты или шарили по небу белые лучи прожекторов. Меня беспокоило, что соседи справа и слева не появлялись.

Кальченко и политработники политотдела дивизии выехали в батальоны, помогли там провести партийные собрания. Как мне

потом рассказывал комиссар, все собрания прошли организованно, с высокой активностью. Коммунисты клялись быть примером для беспартийных, стоять насмерть, без приказа не отступать ни на шаг.

Под утро поступила радиограмма командующего 51-й отдельной армией. Он сообщал, что дивизия переходит в подчинение Особой Приморской армии.

Потом явился офицер из штаба Особой и передал, что командующий генерал-майор И. Е. Петров приказал мне явиться к нему в Сарабуз-Болгарский.

До Сарабуза-Болгарского и обратно 120 километров. Это несколько часов пути. А до рассвета, когда, несомненно, начнется бой, всего полтора часа. Высказав офицеру связи свои соображения, спросил, нельзя ли послать начальника штаба.

— Приказано явиться лично вам, товарищ полковник. Дорога свободна и мы быстро проедем, — заверил он меня.

И вот мы выехали. Шоссе в действительности оказалось забитым подводами, автомашинами, пешеходами. Все спешили в сторону Феодосии. В Симферополе, несмотря на рань, улицы запружены народом. Кое-где горели после воздушного налета дома.

В штаб армии, который размещался в совхозе, мы попали только к одиннадцати часам. Генерал-майор Петров готовился куда-то ехать и уже садился в машину. Увидев нас, задержался. Я представился и доложил обстановку. Показав рукой на север и запад, откуда доносилась артиллерийская канонада, командующий сказал:

— Противник уже занял Евпаторию и продвигается к Симферополю и Севастополю. Войска армии отходят, управление и связь нарушены. Я доложил командующему войсками Крыма вице-адмиралу Левченко, что в сложившейся обстановке подчинение мне вашей дивизии — фикция. Между нами большой разрыв и управлять вами я не смогу. Возвращайтесь к себе и доложите генералу Батову, что остаетесь в его подчинении. До свидания. Желаю успеха.

С трудом добрался я в Карасубазар, где располагался штаб 51-й отдельной армии. Город недавно бомбили. Кругом пожары, дома в развалинах. Генерала Батова в штабе не застал.

Доложил обо всем начальнику оперативного отдела и условился с ним о поддержании связи. От него же узнал, что армия отходит на Феодосию и Керчь.

Когда вернулся на командный пункт дивизии, с фронта доносилась редкая стрельба. Майор Серебряков доложил, что в полдень два батальона противника пробовали атаковать 297-й

полк, а один — 294-й.

В три часа ночи 1 ноября поступил приказ командарма. Дивизии отойти на новый рубеж: Карасубазар, Александровка, Розенталь, Мазанка. Указывалось, что дороги на Алушту прикрывают соединения 51-й отдельной армии, а на Алупку — Особой Приморской.

Полки стали отходить, соблюдая полную скрытность. Благодаря туманному утру и пасмурному, с низкой облачностью дню, наш маневр остался незамеченным. Минометному дивизиону, которому было поручено прикрыть переход через шоссе, не пришлось выпустить ни одной мины.

Зато тылы и штаб дивизии, направлявшиеся через перевал в Кизил-Кобу, были обстреляны. Одна машина оказалась подбитой. Выход противника глубоко в наш тыл окончательно убедил, что соседей у дивизии нет ни справа, ни слева.

Поздно вечером командир 262-го полка майор Рубцов доложил, что 2-й батальон старшего лейтенанта Дмитриева не успел закрепиться в селении Мазанка и его оттуда выбили. Потеря этого важного пункта создавала для дивизии серьезную угрозу. Я приказал направить на помощь Дмитриеву начальника штаба полка капитана Кочеткова с группой пограничников, сражавшихся под Одессой.

Инструктируя солдат двух рот, выделенных для ночного налета на Мазанку, Кочетков наставлял:

— Многие из нас уже били фашистов. Помните, что они смелы, верней, нахальны, если их много. А когда оказываются в меньшинстве, сразу скисают. Поэтому действуйте дружнее, шумите за троих, пусть фашисты думают, что нас по меньшей мере полк.

Немецкий батальон, занявший Мазанку, заканчивал ужин, когда селение было окружено. Кочетков дал сигнал и первым закричал «ура». Пулеметчики обстреляли собравшихся возле кухонь солдат. Послышались взрывы гранат. Внезапный налет ошеломил гитлеровцев. Почти не оказав сопротивления, вражеский батальон оставил Мазанку.

В полночь мы получили донесение Рубцова об итогах боя. Тут же военком Кальченко собрал политработников, проинструктировал их и вместе с ними на рассвете выехал в полки. Солдаты узнали подробности разгрома вражеского батальона в Мазанке, усвоили из бесед основное — что, если действовать смело и умело, можно успешно бить фашистов. У людей появилась вера в свои силы.

Утром после сильного артиллерийского обстрела противник начал наступление против 294-го полка. Наши выждали, затем

накрыли наступавших огнем из всех видов оружия. Вражеская атака сорвалась.

После двухчасового затишья немцы снова повели артиллерийский обстрел наших позиций. На правофланговый 2-й батальон 294-го полка теперь пошла пехота противника при поддержке 10 танков.

Но и на этот раз враг потерпел неудачу.

В жарком бою полковая артиллерийская батарея подбила три танка, а два других вывели из строя связками гранат пограничники С. Седов и М. Андреев. Батальон тоже понес потери, но враг оказался отброшенным, и это главное.

Не сумев пробиться с ходу, немцы изменили тактику. Третью атаку на батальон 294-го полка они повели в обход деревни Розенталь.

Бой был упорным. Командир полка доложил, что артиллеристы Г. Колосков и Х. Петренко, только недавно освоившие стрельбу из пушек, подбили еще три танка. Пехоте противника тоже нанесен большой урон.

Спустя минут десять Мартыненок позвонил снова:

— Товарищ полковник, меня беспокоит рота, обошедшая нас справа. Танки в складках местности недосягаемы для артиллерии и могут безнаказанно подойти к окопам. Политрук Степанов с пятью добровольцами намерен ползти навстречу танкам и уничтожить их связками гранат…

На этом доклад прервался. Очевидно, вражеский снаряд перебил телефонный провод.

Несколько позднее выяснилось, что во избежание обхода майор Мартыненок отвел батальон на полкилометра и занял прилегавшие к Розенталю высоты.

В бою особенно отличилась минометная батарея, которой командовал младший лейтенант А Мелихов. Шахтер-забойщик, он добровольно пошел в пограничную школу. Стал хорошим пограничником, а теперь и минометчиком. Батарея Мелихова уничтожила в тот день около ста фашистов.

На участке 262-го полка противник при поддержке танков атаковал деревни Верхняя Фундуклы и Мазанка. После упорного сопротивления наши батальоны вынуждены были отойти на запасные позиции по восточным окраинам деревень. После этого нажим противника здесь ослабел. Но наблюдатели докладывали о накапливании танков и автомашин в районе Зуи — севернее Мазанки и Верхней Фундуклы.

Я решил батарею из своего резерва выдвинуть к деревне Нейзац, где находился командный пункт Рубцова. Оттуда она могла поражать врага прямой наводкой.

Рубцов доложил:

— У немцев творится что-то непонятное. В полутора-двух километрах от Нейзаца на виду у нас они поставили около сотни танков и автомашин с пехотой. Вроде собираются обедать. Некоторые снимают минометы с автомашин.

— Хорошо, Скоро буду у вас.

Выехали мы с комиссаром. Рубцова с группой офицеров застали на окраине Нейзаца, откуда хорошо просматривалась вся местность впереди. Действительно, за невысоким пригорком собрались танки и автомашины. Не маскируясь, на пригорок поднялась группа солдат и устанавливала минометы. Ясно, что через несколько минут противник откроет огонь по Нейзацу и на полк двинутся танки. Надо упредить врага!

— Через сколько минут вы сможете накрыть огнем минометы и танки? — спрашиваю у майора Изугенева и командира батареи.

— Минут через пять.

— Много! Даю вам три минуты! Огонь откроете по моему сигналу, стреляйте поточнее и почаще.

Стоявший рядом военком 262-го полка Тилинин удивился:

— Товарищ полковник, вы серьезно думаете одной батареей и шестью минометами разогнать такую прорву танков?

— Не думаю, а убежден в этом. На нас сработает закон внезапности.

Минометы и батарея дали по одному пристрелочному выстрелу. Потом мины накрыли копошившихся на пригорке немцев, а снаряды стали рваться среди скопления танков. Поднявшиеся столбы черного дыма ясно говорили о судьбе нескольких машин.

В бинокль хорошо видна возникшая у противника суматоха. Танкисты и шоферы, собравшиеся с котелками возле походных кухонь, бросились к своим машинам.

Обгоняя друг друга, танки и автомобили начали уходить в сторону Зуи. Несколько танков повернули пушки в сторону Нейзаца, но, сделав по пять-шесть выстрелов, умчались вслед за остальными. Там, где только что находилась громадная сила, остались с десяток подбитых или пылающих машин да исковерканные минометы.

Не в силах сдержать охватившие их чувства, офицеры начали подбрасывать пилотки и кричать «ура». А больше и громче всех кричали, пожалуй, Рубцов да Тилинин. Майор Изугенев расплылся в довольной улыбке.

В окопах тоже царило оживление. Солдаты выскочили наверх, громко выражая свою радость-

Вместе с Кальченко и Рубцовым мы подошли туда.

— Вот здорово артиллеристы пуганули их! — восхищались стрелки.

— Это только начало, товарищи! Противник скоро придет в себя, начнет атаку. Тогда многое от вас будет зависеть, от матушки-пехоты, — предупредил Кальченко.

— И мы не подведем, товарищ комиссар! — ответил молодой, большеглазый солдат.

— Если так будете вести себя, можете не выполнить этого обещания, — вмешался я в разговор. — Радость, товарищи, надо выражать разумно. Вот вы выскочили из окопов и демаскируете себя. А противник засечет и обстреляет. Многим тогда не поздоровится.

Солдаты сразу же разошлись по своим местам. Только мы вернулись на КП Рубцова, как меня подозвали к телефону. Майор Серебряков доложил:

— Поймали шпиона. Он дал интересные показания. Желателен ваш приезд.

Оказалось, что возвращавшегося из 262-го полка офицера политотдела М. Григорьева догнал гражданин на подводе. Григорьев спросил:

— Далеко едете?

— В Нейзац, родственника проведать. Политрук обратил внимание на несколько необычный выговор, но не подал виду, деланно обрадовался:

— Вот хорошо! И мне туда. Разрешите с вами подъехать?

Возле штаба дивизии гражданина задержали. В кар* манах у него нашли пистолет и две гранаты.

Задержанный показал, что он родился и вырос в одной из немецких колоний возле города Покровска на Волге. В 1939 году уехал в Германию, окончил гам разведывательную школу и теперь служит в 11-й армии. Фашистское командование, озадаченное сопротивлением дивизии, послало его разведать наши силы.

Показания лазутчика позволили несколько разобраться в обстановке. Стало понятно, почему у Зуи и Верхней Фундуклы скопилось так много танков и автомашин. Они намерены двинуться к морю, на Севастополь и Феодосию, а мы их задерживаем.

— Так, значит, не зря мы находимся здесь, Василий Леонтьевич, — сказал за обедом Кальченко.

— В этом я был уверен и раньше, — отвечаю комиссару. — Только, признаться, до поимки шпиона не понимал, почему немцы не бросились на Нейзац сразу. А главная причина этого, оказывается, стойкость солдат. Вот фашисты и остановились,

чтобы выяснить наши силы.

День прошел. Мы подвели некоторые итоги первых боев. Было подбито свыше 20 танков, уничтожено 11 минометов, убито и ранено несколько сот солдат и офицеров противника. Наши потери составляли 40 убитыми и 55 ранеными.

Результаты обнадеживающие. А на душе у меня беспокойно. Ясно, что завтра противник подтянет силы и начнет более решительные атаки. Но даже не это главное. Хуже, что вот уже двое суток мы одни. У нас нет соседей, и мы не можем связаться со штабом армии. Радист почти непрерывно «шурует» в эфире, и все безрезультатно. Еще вчера послали в штаб армии офицера, сегодня утром — второго. Допустим, из-за большого расстояния до Феодосии и трудностей пути в горах они просто не успели вернуться. Но получить хотя бы подтверждение по радио о их прибытии в армию давно пора.

Создавшееся положение беспокоит и командиров полков. Поздно вечером ко мне зашел майор Мартыненок. Два года я знаю этого рослого блондина с мягким характером и пытливым умом. После краткого обмена прогнозами на завтра, Мартыненок спрашивает:

— Почему нет соседа справа? Мой правый фланг открыт, а ведь не всегда будет такая удача, как сегодня.

После Мартыненка заскочил майор Рубцов. Этот работал со мной еще в управлении пограничных войск, был инспектором боевой подготовки. Мне он нравился не только как исполнительный, толковый офицер, но и как чудесный семьянин. На правах близкого человека Рубцов особенно откровенен и прямо спрашивает:

— Не кажется ли вам, Василий Леонтьевич, что о нас просто забыли?

Как и Мартыненка, я попытался уверить Рубцова в противном. Доказывал, что скоро мы установим связь с армией, и тогда наше положение значительно улучшится — мы получим боеприпасы, поближе подтянутся и соседи.

Я понимал, что как бы ни было трудно, и Мартыненок и Рубцов оправдают высокое звание коммунистов, организуют упорное сопротивление, будут твердо стоять и даже не заикнутся об отходе. Но не хотелось лишать их хотя бы иллюзорной надежды. Мне же было ясно, что никаких соседей ожидать теперь нельзя, а боеприпасов нам хватит на два — три дня. Карасубазар занят противником. Следовательно, дороги на Судак и Феодосию перерезаны. Единственные пути связи с армией — горные тропы, в лучшем случае труднопроходимые дороги. Если дивизия будет окружена, придется пробиваться по этим дорогам.

Потом явился майор Серебряков, доложил данные разведки и сделал вывод:

— Кажется, армия отошла к морю и мы остались здесь последними.

— Что вы можете предложить?

— Нужно еще попытаться установить связь со штармом, — уклончиво ответил начальник штаба.

Когда вернулся из частей Кальченко, я рассказал ему о беседах с Мартыненком, Рубцовым, о сообщении Серебрякова.

Мы жили вместе с комиссаром со дня сформирования дивизии. Несмотря на разницу в возрасте, дружили, доверяли друг другу, делились сокровенными мыслями. Мне нравились в Иване Ивановиче его непосредственность, горение в работе, интерес к военному делу. Не стесняясь, он часто задавал мне вопросы, связанные с отдельными моими распоряжениями, пытаясь уяснить их смысл. Меньше меня разбираясь в тактике, он зато великолепно знал людей. Я всегда советовался с ним, когда нужно было кому-то поручить ответственное задание.

На сей раз комиссар молча выслушал меня и заговорил лишь после длительной паузы:

— Значит Рубцов, Мартыненок и Серебряков находят наше положение сложным, а ты решительно заверял их в противном, хотя тоже беспокоишься? Верно?

— Что говорить, Иван Иванович. Обстановка заставляет беспокоиться. Но это не означает, что я должен раскрывать свою душу подчиненным.

— А почему бы и нет? Ведь они не дети и сами все хорошо понимают.

— Видишь ли, возможно, ты во многом прав. Конечно, лучше зная обстановку, командиры полков смогут принимать более правильные решения. Но я исхожу из другого: нечего волновать людей. Положение у нас не безнадежное, больше того, я уверен, даже если мы окажемся в мешке, горы помогут нам вырваться из него.

— А как ты смотришь на выходцев из окружения? Тебе известно, что Нарком внутренних дел дал указания не доверять им.

— Я знаю об этом, и мне такое указание кажется странным. Устав требует от командира и бойца, обороняясь, без приказа не отходить. Что же получается: удержишься на рубеже, но тебя обойдут и попадешь в окружение — плохо, отступишь без приказа, когда угроза окружения возникнет, — опять нехорошо. Где же выход?

Кальченко привстал на локте:

— Выход тебе подскажет твой партийный долг. Должен сказать, что приказ Берия расходится с линией партии. Еще в середине июля штаб округа получил директиву Главного управления политической пропаганды Красной Армии. Основываясь на указаниях Центрального Комитета партии, директива отмечала, что в условиях маневренной войны возможны случаи отрыва отдельных частей от основных войск, и требовала, чтобы такие части, оказавшись в окружении, не утрачивали чувства собственного достоинства и считали, что по-прежнему выполняют боевое задание. Они должны наносить удары по тылам противника, нарушать его коммуникациии, словом, продолжать борьбу.

Я не знал об этой директиве и горячо сказал:

— Как это правильно! Нам с тобой, Иван Иванович, нужно немедленно довести такие важные указания Центрального Комитета партии до всех командиров и красноармейцев.

— А я давно этим занимаюсь, — засмеялся Кальченко.

* * *

Утром 3 ноября противник начал одновременно наступать на все три наших полка.

Для своего наблюдательного пункта я выбрал возвышенность восточнее Фриденталя. Отсюда хорошо просматривалась местность к северу, где оборонялся 294-й полк; видно было, как наступавшая на Нейзац пехота поднималась по крутому склону. В течение нескольких минут наши стрелки и пулеметчики скосили свыше ста врагов. Противник быстро ретировался. Минометная рота послала вслед отступавшим несколько десятков мин и уничтожила еще много гитлеровцев. Потом мне докладывали, что осколком вражеского снаряда ранило в руку младшего лейтенанта Мелихова. Но он не захотел уйти в лазарет и остался в роте.

Только закончился этот бой, как послышался прерывистый рокот моторов и в воздухе показались шесть пикирующих бомбардировщиков. Они разделились на две тройки. Одна сбросила бомбы на Аргин и Комрат, вторая — на Баксан. Через некоторое время командир 297-го полка майор Панарин доложил по телефону:

— Бомбы разрушили несколько домов. По окопам было два попадания, но потери небольшие. Во время бомбежки несколько танков пытались атаковать нас. Выдвинутая на прямую наводку батарея подожгла два танка, остальные ушли обратно. Пехоту

отогнали, и она залегла.

Вслед за Панариным позвонил Мартыненок. Он сообщил о геройском подвиге старшины А. Холмогорцева. Связкой гранат старшина подбил вражеский танк, прорвавшийся к окопам. Атака врага и здесь была отбита.

К середине дня наступило относительное затишье. Беспокоил лишь обрыв связи с Панариным. На линию вышли телефонисты. Потом туда верхом на лошади отправился сам начальник связи дивизии капитан Пугачев. Он обещал быстро найти и исправить повреждение. Но прошел час, второй, а связи все нет. Между тем с направления, прикрытого Панариным, снова начали доноситься разрывы снарядов.

297-й полк с НП не виден. Мы с военкомом решили сами выехать в Баксан. Отправились машиной. От Фриденталя до Баксана по прямой 4 километра. Но по прямой в горах только птицы летают. Человеку обычно надо пройти по меньшей мере вдвое, а автомашине нашей предстояло сделать крюк километров в пятнадцать.

Только к вечеру добрались до одной из рот 297-го полка.

— Скажите, — спросил я командира роты, — можно проскочить в Баксан на машине?

— Никак нет. Дорога идет лощиной, а высоты справа и слева от нее занимают немцы.

Кальченко развернул карту:

— А вот этот мостик на дороге исправен?

— Мостик-то исправен, да ехать там очень опасно. Кальченко повернулся ко мне.

— Ну как, может, рискнем, Василий Леонтьевич? Сейчас затишье, немцы готовятся ужинать.

Вместо ответа я открыл дверцу нашей старой «эмки».

Немцы опомнились и открыли беспорядочную стрельбу, когда мы уже подъехали к огородам Баксана.

Майор Панарин, извещенный командиром роты, ждал нас на окраине деревни. Из его доклада мы узнали, что полк успешно отбил три атаки противника, уничтожив при этом пять танков. Третья атака была особенно сильной. 2-му батальону пришлось отойти на окраину Бак-сана. Потери подсчитываются, кажется, они значительны.

Кальченко начал расспрашивать об отличившихся бойцах и командирах. Панарин особенно тепло отозвался о снайперах 2-го батальона пограничниках А. Климове и П. Лебедеве. Они за день уничтожили более двадцати фашистов.

На огородах у походных кухонь, где повара раздавали обед, собрались солдаты. Нас узнали. Многим не терпелось

похвалиться успехами, высказать свои чувства:

— Здорово мы фашистам всыпали!

— У них кишка тонка против пограничников!

— Думали нас самолетами да танками напугать!

— Молодцы! Хорошо деретесь! — похвалил солдат Кальченко. — А завтра выдержите?

— Завтра, как сегодня. Отобьемся…

В штабе собрались Панарин, военком полка Молоснов и начальник штаба Лебеденко. Их интересовало, как прошел день в других наших частях и каково положение на всем фронте в Крыму.

Осторожно, не подчеркивая трудности, я ознакомил их с обстановкой и предупредил:

— Связи с армией нет. Боюсь, что и соседи не подойдут. Симферополь занят, и противник рвется к Алуште. Сегодня посылаю еще одного офицера в штаб армии. А вам завтра нужно держаться до вечера. С наступлением темноты, если из дивизии не будет другого распоряжения, начнете отход к морю. Одновременно станут отходить и остальные полки. Двигаться будете по горным дорогам, самостоятельно. Маршрут ваш через Ускут и Алушту. Основное направление — Севастополь.

Обнявшись на прощание с Панариным, Молосновым и Лебеденко, мы тронулись в обратный путь.

К себе вернулись поздно. На КП дивизии собрались командиры полков, Изугенев.

Пригласили офицеров штаба. Я подвел итоги дня. Потом сказал, что связи с армией нет, соседей справа и слева не будет, с продовольствием туго, транспорта совсем мало. Из-за этого раненых пришлось оставить в партизанском госпитале.

— Положение серьезное, — подчеркнул я — Но стоять мы обязаны, ибо есть еще боеприпасы, а значит, не имеем права отступать. Сейчас посылаю нарочного к командарму. Если завтра до вечера не получим указаний, начнем отход по направлению к Алуште и далее на Севастополь. Маршрут такой: дорога и тропы на Койпаут, Бураган и далее на Алушту. 294-й полк идет в первом эшелоне. 262-му полку и минометному дивизиону следовать за ним, обеспечивая отход дивизии. 297-й полк направляется самостоятельным путем. Штаб дивизии пойдет на Кизыл-Кобу, село Демерджи, чтобы связаться с частями Особой Приморской армии и обеспечить вам выход из гор. Связь осуществлять посыльными.

Когда командиры разошлись, я вызвал дивизионного инженера капитана Арпстархова и вручил ему пакет.

— Возьмите верховую лошадь и выезжайте на Ускут. Там

должен быть штаб армии. Вручите пакет лично командующему. На словах доложите, что я прошу дать приказ по радио. Если завтра до шестнадцати часов приказа не поступит, то дивизия начнет отход на Алушту. После доклада командарму возвращайтесь…

Радист пытался связаться с армией всю ночь и весь следующий день. Но все напрасно — штаб армии молчал.

Утром, с одиннадцати часов, противник начал наступать. То один, то другой командир полка докладывал о положении дел. К 14 часам атаки были отбиты. Наступило затишье. Части приводили себя в порядок. Пулеметчики, артиллеристы и минометчики сменили огневые позиции.

Аристархов не вернулся. Предупредив командиров полков, штаб дивизии снялся с места и на автомашинах направился в Кизыл-Кобу, где находился наш второй эшелон.

Дорога от Тау-Тапчика к югу, в сторону Алушты, шла через горы. Каждый километр здесь давался машинам все трудней и трудней. Главная Крымская гряда сравнительно невысока, но склоны ее, размытые водой, изъеденные ложбинами, многочисленными воронками и провальными впадинами, были трудны для движения. Часто мы выходили из машин и поддерживали их, пока они, переваливаясь, преодолевали разнообразные встречавшиеся на пути препятствия.

Вечером колонна миновала домик лесника и остановилась над крутым обрывом. Дальше ехать нельзя. Спуститься машины еще, может быть, и смогли бы, но преодолеть противоположный крутой подъем не в их силах. Пришлось машины уничтожить.

Начался ливень. Наступила полная темнота. Мы вернулись в домик лесника. Комендантская рота кое-как разместилась в сарае, под навесом. Решено было здесь задержаться, подождать подхода полков.

Около полуночи разведка донесла, что в лощину, по которой только недавно мы чуть ли не на руках перетаскивали машины, спустились танкетки противника. Сообщение, что и говорить, тревожное. Полки должны отходить через эту лощину и могут угодить на засаду.

Ко мне подошел комиссар штаба дивизии батальонный комиссар Костенко:

— Если разрешите, товарищ полковник, мы с тремя пограничниками спугнем немцев. Только гранат побольше возьмем.

Вместе с Костенко пошли ефрейтор А. Бобров, солдаты С. Соломонов и Г. Шахматов, Примерно через час донесся усиленный горным эхом грохот разрывов, дробь пулеметной

стрельбы. Затем все стихло. А еще минут через сорок группа смельчаков вернулась. Костенко рассказал:

— К ложбине доехали верхом. Когда показались огни костра, спешились, стали осторожно подкрадываться. Около десяти танкеток стояло полукругом, а посредине горел огромный костер. Немцы были беспечны, некоторые играли на губных гармошках. Мы подобрались поближе и разом швырнули в фашистов гранаты. «Самодеятельность» у костра мигом прекратилась. Уцелевшие фашисты бросились к машинам, завели их и, беспорядочно строча из пулеметов, пустились наутек…

* * *

Еще не рассвело, когда мы покинули гостеприимный кров. Дождь продолжал лить и сразу вымочил нас до нитки.

По нашим расчетам, слева от домика должен быть спуск. Однако куда ни сунемся — везде только крутой обрыв. Начали искать по сторонам, пробовали определить высоту его — длинные шесты дна не доставали.

Пришлось ждать рассвета, но и он не облегчил положения. Спустился такой густой туман, что на расстоянии пяти шагов нельзя было разглядеть человека. Приближался полдень, а мы все на месте. Ждать надоело, да и опасно.

Выбрали место, показавшееся более пологим. Спускались ползком, один за другим. Передние одной рукой уцепились в ствол винтовки идущего сзади, а другой нащупывали кусты, стараясь удержаться за них. Камни намокли, ноги скользили.

Должен сказать, что из всех горных переходов, совершенных мной раньше на Карпатах, а позже на Кавказе, этот был самым мучительным. Едва закончишь спуск, как надо карабкаться вверх, цепляясь за колючие кусты и скользкие камни. А то вдруг на пути вырастали «жандармы» — одинокие скалы. Приходилось обходить их, ступая по узким, неверным карнизам.

Подъемам и спускам, казалось, не будет конца. Хорошо, что к 14 часам, когда мы совершили особенно крутой и длинный подъем, туман начал редеть. Стало возможным определиться, и мы выяснили, что колонна поднялась на плато горы Демерджи-яйлы высотой 1357 метров. Таким образом в тумане мы отклонились от маршрута.

Плато было длинное, ровное, покрытое высокой травой. Мы пересекли его и подошли к южному склону. Оттуда море и прибрежная полоса были как на ладони.

Впереди, чуть вправо, виднелась Алушта. Вдали в море стоял

военный корабль. Над городом поднимались клубы многочисленных пожаров, в бинокль можно разглядеть вспышки разрывов снарядов и мин. На город наступали гитлеровцы. Сверху видно, как от Симферополя к Алуште по шоссе подходят автомашины с войсками.

Разведчики нашли тропу вниз, извивавшуюся между нависшими скалами. Только к часу ночи мы спустились по ней к подошве горы. Люди обессилели. Едва колонна остановилась, как многие упали прямо на землю и тут же уснули.

Кальченко организовал дежурство групп, состоявших из коммунистов и комсомольцев. Каждая группа бодрствовала по часу, затем будила другую.

С рассветом прибыл минометный дивизион. Изугенев сильно расстроен. Он с таким трудом сколачивал свою часть, вооружал ее, а во время отхода пришлось оставить тяжелые минометы у дома лесника. Но и то хорошо, что ему удалось пронести легкие минометы и запас мин к ним.

Через полчаса подошел полк Рубцова. Ему вместе с 294-м пришлось отбить еще одну атаку врага. Только с наступлением темноты удалось оторваться от противника. По мнению Рубцова, полк Мартыненка свернул на ускутскую дорогу и пошел вместе с 297-м.

До Алуштинского шоссе свыше двух километров. Прорываться через него предстоит с боем, а люди измучены и голодны. Приказал зарезать бродивших в окрестностях лошадей и баранов. Жареное мясо подкрепило всех.

Тем временем разведка установила, что по шоссе непрерывно идут танки и бронетранспортеры с войсками. Кроме того, на обочинах на некотором удалении один от другого стоят танки и время от времени стреляют в сторону гор. Видно, противник ждет выхода здесь советских войск и подготовился к встрече.

Особенно мы в этом уверились, когда в воздухе появился разведчик «фокке-вульф» — пресловутая «рама». Он сделал несколько кругов над склоном горы и дал дымовой сигнал. Очевидно, это означало: «здесь красные». Ибо спустя некоторое время танки, стоявшие на шоссе/ пришли в движение. Потом подошли бронетранспортеры, и пехота с них заняла боевой порядок перед шоссе. Тут же прилетели три самолета и сбросили бомбы, правда почти не причинившие нам вреда.

После короткого совещания мы приняли решение отходить в горы. Прорываться здесь было бессмысленно — силы слишком неравны. А густые буковые леса и кустарник позволяли пройти по заповеднику, подняться на перевал и пересечь шоссе там, где противник нас не ожидал.

Чтобы лучше укрыться от воздушного наблюдателя, пришлось разделиться на три колонны. Оставив на месте заслон для прикрытия отхода и для связи с ожидаемым 294-м полком, мы покинули подножие Демерджи-яйлы.

Наша колонна, в которую входили штаб, комендантская рота и часть пехоты, вышла на тропу. Если верить карте, тропа должна вывести к ресторану Дома туристов.

Она извивалась между скалами, прорывалась через кустарник и лес, часто круто поднималась, чтобы затем также круто падать на дно ущелий.

Наступила темнота. Пошел сильный дождь. Изредка сверкала молния, на несколько секунд освещая путь.

Вернулась разведка. Доложила, что перевал занят противником, у ресторана стоят танки и бронетранспортеры. Мы оставили тропу, круто повернули еще влево и перешли шоссе в километре ниже ресторана.

Казалось, все кончилось благополучно, как вдруг перед нами возникло неожиданное препятствие — путь преградили глубокие, с отвесными краями рвы системы искусственного орошения, полные воды. Какая неосмотрительность! Сколько раз в мирное время приходилось бывать в этих местах, да и совсем недавно, строя оборонительные сооружения, изучать эту местность. Как же можно было забыть о рвах! Подошедший со своей колонной Рубцов также чувствовал себя виноватым — ведь здесь в июле — августе был его участок обороны. Я послал людей искать место для переправы.

Создалось крайне опасное положение. Свыше двух тысяч человек скопилось на небольшой площадке вблизи шоссе, где непрестанно курсировали танки и машины противника. На всякий случай вдоль шоссе мы расположили автоматчиков и гранатометчиков.

К счастью, разведка нашла место, где ров оказался без воды. Там мы благополучно переправились, углубились в лес и скоро подошли к подножию горы Чатыр-даг.

Теперь, чтобы выйти на ялтинскую дорогу, нужно было перевалить через гору. А Чатыр-даг со всех сторон обрывается крутыми склонами. Нелегко после ночного блуждания по лесу подниматься по его скользким неудобным тропинкам.

Стоя на скале, мы с военкомом наблюдаем за подъемом. Вот шагает капитан Шулейко. Видимо, силы его на исходе. Это заметно по тому, как он схватился за ствол встретившегося на пути деревца, прильнул к нему всем телом и так стоял, с трудом переводя дыхание. Шифровальщик Снисарь, молодой, здоровый парень, карабкается прямо вверх. Но почему он отстал? А, вот в

чем дело! Оказывается, за пояс Снисаря держится девушка-врач. Она совсем выбилась из сил и с трудом переставляет ноги.

— Совсем измучились люди, надо бы их подбодрить. Но чем — не придумаю, — вслух рассуждает Кальченко.

Слушая его, я вспомнил, как 22 года назад, когда наш отряд особого назначения стоял насмерть возле реки Западная Двина, мне удалось в разгар боя песней поднять настроение бойцов. Вот и сейчас, стоя на скале, я откашлялся и запел арию варяжского гостя из оперы «Садко».

Бойцы перестали карабкаться и удивленно взирали на меня. Их измученные лица озарили веселые улыбки. Проходя мимо, они улыбались, заговаривали с нами, шутили. Девушки-санитарки просили спеть что-нибудь «про любовь». «Мы не знали, товарищ полковник, что вы так поете, — говорили они. — В Севастополе обязательно вовлечем вас в дивизионную самодеятельность».

— Перелом! — обрадовался Кальченко. — Видишь, как бодро стали идти. А ну спой еще, Василий Леонтьевич.

Позже, когда я рассказывал об этом эпизоде, некоторые хмурились, мол, не к лицу командиру дивизии выступать в роли «оперного солиста». А мне казалось и кажется, что песня в любое время может служить великой цели — помогать товарищу в бою.

На высоком плато восточного склона Чатыр-дага сделали привал. Дождь почти прекратился, и, пока варился суп из конины, бойцы отдыхали.

Мы с Кальченко поднялись еще на полкилометра, побывали в 262-м полку. Проверка в нашей колонне и в полку обнаружила нехватку людей. Видимо, во время трудного перехода по горам многие выбились из сил, а кое-кто, главным образом местные, возможно, отстали сознательно.

Было 6 ноября. Комиссар предложил провести торжественный митинг, посвященный празднику Великого Октября.

Выступая перед боевыми друзьями, я напомнил, о событиях последних дней, о том, что вынужденный отход мы совершаем с чувством горечи, но с сознанием выполненного долга. Пока враг сильнее. А наступит время, и сильнее станем мы. Наши неудачи временные, враг окажется разгромленным. Так сказала партия, и так будет!

Чтобы проверить настроение рядовых, Кальченко предоставил слово нескольким из них. Речи их были короткими, но яркими и горячими.

— Перед нами задача — пробиться в Севастополь. Клянусь, что, выполняя ее, я не пожалею своей жизни, — заявил красноармеец П. Новожилов.

Его клятву поддержали одобрительными выкриками и

аплодисментами все присутствовавшие на митинге бойцы и командиры.

После непродолжительного отдыха тронулись в дальнейший путь. Чтобы рассредоточиться, условились, что Рубцов поведет свой полк и минометчиков через вершину Чатыр-дага, а управление дивизии с командами обойдет гору по южному скату. Встретиться должны были внизу, при выходе на лесную дорогу к Ялте.

День кончался. Голова нашей колонны вытянулась к большой поляне у подножия горы. Я приказал остановиться. Надо было изучить местность, узнать, нет ли впереди немцев. Они ждали нашего выхода из гор, могли и здесь выставить сильный заслон. К тому же небольшой холмик на поляне, поросший кустами, показался подозрительным. Уж очень аккуратна была растительность на нем.

Командир комендантской роты старший лейтенант В. Онищенко направился вперед со взводом автоматчиков. Половину пути прошли быстро, а потом стали продвигаться осторожнее. Когда до пригорка осталось метров триста, оттуда из замаскированных окопов вылетел рой трассирующих пуль. Взвод залег, затем начал отходить.

Посоветовался с Кальченко и Серебряковым. Решили, пользуясь наступающей темнотой, опять подняться на гору, а затем спуститься уже в другом месте, чтобы обойти вражескую засаду и ударом с тыла разгромить ее.

К сожалению, весь план осуществить не удалось. Вынужденно петляя по горе, к утру мы спустились совсем в другом месте, чем предполагали. Искать встретившийся вчера заслон не имело смысла. К тому же люди страшно устали. Я объявил короткий привал. Вперед выслал разведку с заданием осмотреть местность, постараться встретить кого-либо из жителей или партизан и привести к нам.

Разведчики вернулись сравнительно скоро. Привели давно не бритого русского, на вид лет тридцати, одетого в военную шинель без знаков различия. Серебряков спрашивает у него:

— Что вы делали на поляне?

— Приехал за сеном, да лошадь испугалась вас и убежала.

Вижу, человек что-то петляет, но держится смело, свободно, как хозяин на своей земле. «Значит, наш», — думаю. С Кальченко отвели его в сторону, назвали себя и спросили, не слышал ли он о нашей дивизии?

— А вы Северского знаете? — вопросом на вопрос ответил незнакомец.

— Еще бы. Это наш пограничник.

— Так вот, я из партизанского района Северского. Командование поручило мне наблюдать за дорогой и направлять выходящих из окружения…

Партизан повел меня и Кальченко на свой наблюдательный пост. Дорогой рассказал, что полк Рубцова прошел вчера.

На посту были два партизана. Они поделились с нами жидким гороховым супом и настоящим черным хлебом. На второе мы выпили по литровой банке кипятку.

— Как бы теперь людей покормить? — спросил я у партизан.

— А вот едет Северский, он и решит.

Старший политрук, коренастый, с пытливыми, вдумчивыми глазами, до войны работал в одном управлении с нами. Мы жили рядом и хорошо знали друг друга. Его дочка, Людочка, была нашей любимицей.

Командуя сейчас партизанским районом, объединявшим несколько отрядов, Северский хорошо знал о положении в Крыму.

— Обстановка тяжелая, — рассказывал он. — Ялта занята немцами. В Севастополь вам придется пробиваться с боями. Можете остаться у нас. Командующий партизанским движением Мокроусов охотно принимает в отряды пограничников и моряков.

На просьбу покормить колонну Северский дал согласие, хотя с продуктами у него было туго. Скоро прибыл вызванный им проводник и повел нас на базу.

Мы шли очень долго, до позднего вечера. Начал накрапывать дождь.

— Теперь до базы три километра. Но идти надо осторожно, можно повстречать немцев, — предупредил проводник.

Когда после этого прошли еще километра два, на пути стали попадаться обломки ящиков и бочек. Проводник сокрушенно покачал головой и тихо сказал:

— Не нравится мне это. Боюсь, что у нас побывали «гости».

И он угадал. На полянке, в глубине леса, мы увидели остатки разрушенного домика и сарая. Возле них — нагромождение разбитых ящиков, бочек, рассыпанный лук, несколько пачек сушеных ягод.

— Разорили, сволочи, склад! — проводник скрипнул зубами. — Только вчера здесь все было в порядке. Ну да ладно, утром разыщу небольшой тайничок и достану вам муки, — пообещал он.

Голодные бойцы в темноте шарили по земле, подбирая лук. Некоторым посчастливилось найти рассыпанные в грязи куски сахару.

Утром каждому из нас досталось по стакану муки. Мы испекли лепешки на саперных лопатах.

Дальше наш путь лежал к домику лесника, что в центре заповедника. Идти предстояло по открытой местности поблизости от расположения немецкого соединения, имеющего танки и артиллерию. Поэтому день провели у разрушенной базы, а тронулись с наступлением темноты. Домик лесника нашли только под утро, причем вымокли до нитки.

Батя, командир партизанского отряда, встретил нас приветливо. У него мы отдохнули, помылись горячей водой. Вместе с партизанами наметили дальнейший маршрут.

Первым долгом нужно было пересечь дорогу Бахчисарай — Коуш — Бешуйские копи. В Коуше стоял полк немцев. Много противника и на Бешуйских копях. Дорога все время патрулируется танками.

— Ничего, как-нибудь проберемся, — сказал Батя. — Я сам буду вас провожать.

И вот мы подошли к дороге. Отряд затаился в лесу. Батя провел меня, комиссара и начальника штаба на возвышавшуюся над местностью скалу. Со скалы видно скопление танков, машин, и вся дорога словно на ладони. Наблюдая за ней, установили периодичность движения танков, патрулировавших дорогу, и облюбовали место у поворота для перехода через шоссе.

Проскочить нужно за считанные минуты. Когда колонна уже заканчивала переход и по сторонам шоссе оставались только заслоны гранатометчиков, со стороны Коуша, стреляя на ходу, к нашему повороту помчались танки. Коммунисты комендантской роты П. Долинский и А. Крисевич приготовили связки гранат, подползли по кювету поближе к проезжей части дороги. Для большей гарантии гранаты швырнули одновременно. Под головным танком грохнули взрывы, он качнулся, развернулся поперек дороги и замер, загородив путь остальным. Сгрудившись у обочины, экипажи начали наугад палить из пулеметов и орудий, но нам они не причинили никакого вреда…

* * *

Впереди — деревня Биюк-Узенбаш. После нее нам предстоит подняться в горы, а там уже до Севастополя рукой подать. Но люди устали и голодны.

— Надо бы накормить людей, да и посушиться не грех, — обратился ко мне Кальченко.

— В Биюк-Узенбаше накормим всех и обсушимся.

— Там же немцы! — удивился комиссар.

— Придется выбивать их. Другого выхода не вижу. Мы не

можем идти в горы, пока не накормим бойцов. Танков в деревне не может быть, дорога для них не подходящая. Да и помощь гарнизону пешком не скоро поспеет — в этом наше преимущество.

— Но ведь вести бой сейчас для нас так же трудно, как и в горы подниматься, — резонно заметил комиссар.

— Применим психическую атаку. Оба взвода автоматчиков снимут охрану и скрытно займут околицу. А мы пойдем в деревню с песней. Как только запоем, автоматчики откроют огонь. Увидишь, что немцы очумеют и разбегутся.

— А что, пожалуй, ты прав, — согласился Кальченко.

Подошли к деревне. С песней вступили на улицу.

Несколько десятков гитлеровцев, обосновавшихся там, убежали, Теперь раньше завтрашнего утра никто нас не потревожит.

Бойцов разместили по домам. Хозяева затопили печки, начали готовить ужин. Чтобы не выдавать наш завтрашний маршрут, Кальченко дал задание политработникам вести в домах разговоры, будто мы собираемся напасть на Бахчисарай.

Штаб поместился в крайней избе у леса. Хозяин хорошо знал, в каких деревнях стоят немцы, только вчера он был в Ялте и видел там много танков.

Судя по указкам на шоссе, до Ялты свыше шестидесяти километров. Что-то очень скоро он вернулся. Подозрительно это.

— Быстро возвратились. На машине ездили? — спрашиваю.

— Зачем на машине, пешком. Мы ходим в Ялту через горы. Утром выйдешь, а через четыре часа уже на базаре. Хотите, я вас проведу тропой в Ялту?

— Спасибо. Нам совсем в обратную сторону. О партизанах ничего не слышно?

— Как не слышно! — осторожно посматривая на дверь, удивился хозяин. — Здесь все знают. Сказывают, на Бойке они. Это высоко в горах, летнее пастбище так зовется. Место труднодоступное и удобное. Могу провести туда!.. Наш хозяин оказался радушным, честным советским человеком.

* * *

Ночь прошла спокойно. Мы отогрелись, хорошо отдохнули, высушили одежду. Было еще темно, когда отряд построился. Выступили в сторону Бахчисарая, а выйдя за деревню, повернули обратно в горы.

На рассвете позади услышали артиллерийскую и пулеметную

стрельбу. Это гитлеровцы приступом брали опустевшую деревню Биюк-Узенбаш.

День выдался солнечный, теплый. Остановились у выхода из леса южнее деревни Махульдур. С группой командиров я выдвинулся на опушку, чтобы изучить местность и уточнить место прорыва через дорогу Бахчисарай — Ай-Петри.

В бинокль видны деревня Гавро и большой участок шоссе. В Махульдуре и Гавро много солдат. По дороге от Биюк-Узенбаш до шоссе и по самому шоссе интенсивное движение. Нет, здесь идти на прорыв безрассудно. Решили снова подняться в горы. Там встретим партизан, и они помогут нам.

На подъеме передовое охранение задержало татарина. Он назвался учителем и сказал, что идет из Коккозы. В деревне много немцев, а вчера и сегодня их стало еще больше. Они ждут кого-то.

— Часом, не вас ли? — улыбаясь, спросил татарин.

На всякий случай мы его задержали, пока не поднялись на гору, а потом отпустили. Но скоро выяснилось, что допустили промах.

На полпути к высокогорному пастбищу нас остановили. Старший заставы попросил, чтобы отряд подождал, а на базу поднялись только мы с комиссаром.

Партизаны размещались в зданиях молочно-товарной фермы. У одного из домиков нас встретил командир партизанского отряда Калашников, удивленно спросил:

— Как вы нашли нас?

— Очень просто. О вашем местопребывании знают все жители, — ответил Кальченко.

Я добавил:

— Плохо маскируетесь, товарищ, командир.

— Ничего! Нас здесь врасплох не застанут! — самоуверенно заявил Калашников.

Мы зашли в дом. Я разостлал на столе карту и началось уточнение маршрута. Оказалось, что наше намерение спуститься на дорогу по восточному склону невыполнимо из-за чрезмерной крутизны. Партизаны советовали перейти шоссе на выбранном нами ранее участке Ени-Сала — Коккозы. Кто-то из них выдвинул оригинальный, не лишенный логики довод: в Коккозах много немцев, поэтому в том районе они менее осторожны. Партизаны обещали проводить нас вечером кратчайшим путем.

Повар поставил на стол чугун с крутой пшенной кашей. Мы наелись и решили отдохнуть.

Но не успели еще встать из-за стола, как на улице поднялась суматоха. Послышались автоматная стрельба, разрывы гранат.

Все выскочили из помещения. Я замешкался, складывая карту, выбежал последним.

К строениям быстро приближалась густая цепь немцев. Партизаны побежали к высокой изгороди, протянувшейся метрах в двадцати от домика, легко вспрыгивали на нее и скатывались по пологому склону. Таким же путем ушел и Кальченко. Я поспешил за ним, схватился левой рукой за кол и хотел подтянуться, но кол обломился.

Над головой уже свистели пули, совсем близко рвались гранаты. «Неужели смерть? — пронеслось в сознании. — Все равно живым не дамся!» Не знаю уж, как и перелез через изгородь, как скатился вниз и догнал товарищей.

Было уже совсем темно, когда наш отряд собрался на перевале. Явился один из партизан, сказал, что немцев привел к домикам встреченный нами учитель. И тут я подумал, что зря мы дали ему понять путь своего следования.

Потом ко мне подошел подросток. Днем я видел его у партизан. Чувствовалось, что паренек хочет заговорить, но смущается.

— Как твое имя? — спрашиваю.

— Мишка. Михаил Поселенов.

— Дорогу к шоссе знаешь?

— Я тут каждую тропинку знаю. Только идти сейчас нельзя. Вчера тут проходил майор Рубцов и у шоссе был бой. После этого фашистов понаехало видимо-невидимо.

Все деревни битком забиты. Завтра днем осмотрюсь и тогда проведу, — обещал Мишка.

Скверная выдалась ночь, холодная. На горе дул сильный ветер. Мы собирались группами, накрывали головы палатками и так, прыгая на одном месте и толкаясь, старались согреться.

Едва забрезжил рассвет, начали спуск. Вскоре показалось солнце, и сразу потеплело.

Расположив отряд в укрытии и выставив наблюдателей, мы с Кальченко и Мишей взобрались на высокий утес. С него открылась панорама предгорья, разбросанные тут и там деревни, сады, небольшие, рощи и просто кустарники.

Миша объяснял нам:

— Вот, видите дорогу налево? Она ведет на Биюк-Узенбаш. После вашего ухода там жарко было! Фрицы так здорово лупили из артиллерии, много домов погорело. Но этих типов, узенбашевцев, сам бог покарал, из них столько стали предателями! А вот там вправо деревня Богатырь, — показывал мальчик рукой. — Левей под нами Махульдур, за ней Гавро. Во всех полно немцев. А больше всего в Коккозах, но она за горой не

видна. Там танков до черта. Вон, вон, видно, как от Фоти-Сала к Коккозам идут машины. Туда и обратно, туда и обратно. Это они охраняют дорогу.

Паренек прав. По всем дорогам большое движение. Где же их пересечь? Долго осматриваем каждый километр. Кажется, лучше других участок возле больницы, между деревнями Гавро и Махульдур.

— Там будет сподручнее, — авторитетно заявил Миша. — Попозже, ночью, когда фрицы утихомирятся, мы и перескочим.

На том порешили. Кальченко набросал в записной книжке порядок движения групп с таким расчетом, чтобы на каждых 15–20 человек пришлось хотя бы по одному коммунисту. Выступили незадолго до полуночи. Впереди шел наш юный проводник, за ним я, Кальченко и батальонный комиссар Костенко. Из деревень доносился шум моторов, заливистый лай собак. Кое-где раздавались выстрелы. Дополнительными ориентирами нам служили курсировавшие по дорогам машины с зажженными фарами.

Миша уверенно вел нас балками, лощинами и вывел к глубокой впадине около больницы. По скоплению огней, шуму моторов стало ясно, что немцы усиленно охраняют и больницу, и мост рядом с ней.

Мимо нас туда и обратно снуют мотоциклы и танки. Они освещают дорогу и подступы к шоссе, изредка посыпают в ночную мглу пулеметные очереди.

По обочине с интервалом примерно в 150 метров ходят дозорные. В руках у них фонари.

Оживление на шоссе, не снизилось и после часу ночи. Невольно подумал: «А что, если так продолжится до утра? Обратно нам не уйти, и впадина станет нашей общей могилой».

Только во втором часу активность гитлеровцев постепенно стала снижаться. Перестали ходить танки и мотоциклы. Все реже и реже вспыхивали фонари пеших дозорных.

Пора! Осторожно приблизились к домику ремонтного мастера, укрылись за кирпичным забором. Теперь вперед выступили Костенко и Миша. Нервы напряжены, сердце готово выскочить из груди. Но вот разведчики подают условный сигнал — «можно». Обогнув домик, наткнулись на речку Фоти-Сала. Всего месяц-полтора назад это был почти пересохший ручеек, а сейчас он превратился в бурную, многоводную преграду. Люди боятся идти в воду. Кальченко тихо передал по цепи:

— Коммунисты — вперед.

Подбежали Костенко, Бобров, еще несколько человек. Мы вместе с ними вошли в речку. Через метр-полтора все оказались

по грудь в воде. Холод обжигает тело, течение сбивает с ног. Но мы идем вперед, а сзади напирают остальные.

Вот и берег. За ним крутой подъем на шоссе. Сейчас там тихо, но через секунду все может ожить, и тогда нас начнут беспощадно расстреливать, давить гусеницами танков.

Передние поднялись и перешли на другую сторону-шоссе. Костенко вернулся к реке поторопить отставших. Секунды казались минутами, минуты — часами.

Наконец показался хвост колонны. Мы отошли от шоссе на несколько сот шагов и очутились в глубоком овраге. Я разрешил снять сапоги и, выжать портянки.

Все рады — еще одним препятствием на пути к Севастополю меньше. Неважно, что одежда промокла и у нас зуб на зуб не попадает. Согреемся в пути.

Здесь распрощались с Мишей. Впоследствии я пытался разыскать его, писал письма в Симферополь. Но таким путем найти Поселенова не удалось. Может быть, он откликнется сейчас, прочитав эти строки.

* * *

Вечером 16 ноября колонна подошла к Уппе и остановилась на краю высокого и крутого обрыва. Тропа спускалась к деревне. Вдали хорошо виден Севастополь. Вот она, конечная наша цель! Осталось только прорваться через фронт.

Разведка донесла, что Уппа забита войсками и машинами. Мы спустились с горы по противоположному склону, забрались в лес и попали в такую чащобу, что с трудом пролезали между деревьями. В темноте трудно ориентироваться, но и так ясно, что место самое подходящее для ночлега. Выслали охранение и расположились на отдых.

На рассвете Костенко попросил отпустить его с двумя автоматчиками в Севастополь. Считал, что втроем они быстрее туда проберутся и пришлют нам помощь. Я понимал, что никого к нам прислать не смогут, но было бы хорошо предупредить своих о нашем намерении прорываться сквозь кольцо блокады на этом участке фронта. Словом, я согласился, и Костенко ушел. А мы начали рассматривать город издали. На душе как-то потеплело, словно встретил старого, хорошего друга. В окуляры бинокля видна Панорама и другие знакомые здания.

Севастополь! Как много он для нас значил. Мы понимали, попадем в город — будем жить и бороться, не попадем — прибавится на холмах еще несколько неизвестных могил.

По очертанию окопов и вспышкам выстрелов удалось определить и нанести на схему линию фронта, охватившего город дугой. А потом мы долго и напряженно наблюдали, изучая обстановку, отыскивая более слабые места и стыки частей противника. Удалось установить, что севернее деревни Алсу стрельба реже и вспышки выстрелов на большем расстоянии одна от другой, чем на других. Поделился своими впечатлениями с Кальченко, и он согласился:

— Пожалуй, лучшего места для прорыва не найти.

Хотели уже спускаться к своим. Да от Севастополя трудно оторваться. Простояли еще минут десять, и вдруг Кальченко заметил:

— Смотри, Василий Леонтьевич, нагл кто-то сигнализирует!

Обернулся, куда он показывает, вижу, шагах в двухстах из-за куста двое в гражданской одежде машут руками. Наши или враги? Тут же понял: немцы просто стреляли бы. Я в свою очередь сделал знак-приглашение.

Подползли, назвали себя партизанами севастопольского отряда Павлюка. Командир послал их на розыски штаба дивизии полковника Абрамова. Убедившись, что перед ними командир и комиссар дивизии, партизаны доложили:

— Павлкж передал, что людей нужно расположить в лесочке возле Алсу. А вас с комиссаром он приглашает на базу.

Мы спустились к своим. Один из партизан отправился с бойцами в указанное место, другой повел нас с комиссаром к Павлюку.

Штаб помещался в домике лесника. Уже по тому, как по дороге туда нас останавливали секреты, чувствовалось — порядок у Павлюка образцовый. Высокий, плотный, вежливый, командир приветливо встретил нас, предложил умыться, угостил молоком.

— За отряд не беспокойтесь, товарищ полковник. Я туда отправил продукты.

Ночью он обещал помочь нам перейти фронт без единого выстрела. Даже не верилось, что все так хорошо складывается. Мы уже приготовились пробиваться с боем. В успехе не сомневались, но знали, что многим не довелось бы увидеть Севастополь.

Перед вечером Павлюк познакомил меня и комиссара с двумя пожилыми партизанами. Предупредил — они поведут отряд через фронт.

Один из них сказал:

— Тронемся, когда станет темнеть. Будем идти по дну ущелья. Над правым обрывом у немцев застава. Раньше они и дно охраняли. Да мы их как-то «тронули», отбили охоту лазить туда.

Но, кто знает, всякое может быть. Поэтому нужно осторожность соблюдать, не шуметь, не курить. При себе держите автоматчиков.

Начало темнеть. Отряд построился и после короткого инструктажа двинулся в путь. Шли по двое. Впереди проводники, мы с Кальченко, за нами десять автоматчиков. Прошло уже довольно много времени. Все было спокойно, но вот впереди обозначился поворот. Проводник прошептал:

— Самое опасное место. Если на караул нарвемся, не останавливайтесь. Побежим напролом и сомнем его.

Поворот кончился, а по-прежнему все тихо. Кажется, пронесло! Мы ускорили шаги. Подошли к речке, перед ней — валуны.

— Тут наша переправа. Мы ее называем «Чертов мост», — сообщил проводник.

Название меткое. Через широкую и глубокую щель, по дну которой с шумом стремительно бежит вода, перекинуто две жерди. Вместо перил протянута проволока. Гуськом начали переправляться по этим ненадежным качающимся мосткам.

— Теперь можно передохнуть, — неожиданно громко сказал проводник. И добавил: — Разрешите поздравить, товарищ полковник, с благополучным переходом немецкого фронта!

— Как, разве уже всё? — удивился я.

— Так точно! Мы на «ничейной» земле.

В отряде оживление. Бойцы, не в силах сдержать чувств, кинулись благодарить и целовать проводников.

Короткий привал на даче командующего флотом и вот уже на грузовой машине мы с Кальченко отправились в Севастополь. Часов в девять утра нас вызвали к командующему армией. Генерал Петров поздравил с благополучным выходом из окружения, затем отступил на три шага, испытующе посмотрел на нас и вызвал начальника оперативного отдела:

— Сейчас же отведите их в столовую. Когда покушают, вызовите врача, пусть осмотрит. Потом — в постель, и чтобы хорошо выспались.

Врач определил только крайнее переутомление и сильное истощение. Назначил три дня полного отдыха, постельный режим.

И вот мы с комиссаром, оба в белоснежном белье, в большой светлой комнате, на чистых кроватях. Даже не верилось, что еще несколько часов назад пробирались по ущелью и нам грозила смертельная опасность.

Медицинская сестра просила уснуть, да как это сделаешь, когда в голове столько мыслей.

Раздался стук в дверь. Это оказались дивизионный интендант Степанов и несколько командиров. Все они прорвались в Севастополь разными путями. Взаимным расспросам не было конца. Едва ушли они, появились другие, поздравили с благополучным прибытием. Снова оживленный разговор. Врач заглянул в комнату, укоризненно покачал головой, но ничего не сказал.

Вечером я докладывал командующему о действиях дивизии с 31 октября, с того дня, когда был у него в Сарабузе-Болгарском. Он слушал внимательно, задавал много вопросов, интересовался, в частности, действиями партизан. Потом сказал:

— Под Карасубазаром дивизия дралась отлично. Своим сопротивлением она содействовала отходу частей нашей отдельной и 51-й армиям. А ваш марш по тылам врага морально укрепил партизан в первые дни их боевого становления.

Генерал встал, прошелся по комнате из угла в угол, повернулся к нам:

— А теперь поговорим о ваших задачах. Из вражеского тыла в Севастополь вышло немало пограничников. Военный совет намерен сформировать из них сводный полк и поставить его на участок под Балаклавой. Помогите сформировать этот полк, привести людей в порядок. А вообще мы создаем пять секторов обороны города и намерены поставить вас во главе одного из них. Если не возражаете, я согласую вопрос со штабом обороны.

Конечно, мы с Кальченко не возражали.

* * *

Начали комплектование полка с учета пограничников. Встречались с командирами, беседовали с красноармейцами. Тут как раз узнали судьбу наших частей.

16 ноября под Севастополь вышел 262-й полк майора Рубцова, сильно ослабленный боями. После прорыва через Ялтинское шоссе полк спустился к Ласпинской бухте между мысом Сарыч и Айя. Здесь в лесу его случайно обнаружили немцы. Завязалась перестрелка. Две ожесточенные атаки бойцы отбили, но полк понес большие потери.

Вечером, когда бой прекратился, Рубцов и комиссар Тилинин на лодке пошли в Севастополь. Оттуда в бухту направились военные катера и подобрали большую часть людей. Остальные, рассеявшиеся во время боя, вышли в Севастополь мелкими группами.

Майор Изугенев прорвался 20 ноября. Он сохранил все свои

легкие минометы. Майор Мартыненок с группой бойцов прибыл 24 ноября. С несколькими бойцами явился майор Серебряков, отставший от нас за Чатыр-дагом.

Позже мне удалось проследить за действиями 297-го и 294-го полков. Основные силы первого вышли к морю в районе Ускута. На побережье собралось много людей из разных частей и соединений. Командир одной из дивизий генерал-майор Аверкиев навел порядок и подчинил себе все имевшиеся там войска. Вначале он решил прорваться, через Алушту в Ялту, затем в Севастополь. У него оказалось много артиллерии, пулеметов на тачанках. Но в последний момент генерал отказался от правильного плана, надумал пробиваться через Судак на Феодосию, стал метаться от одного пункта к другому и в конце концов, как потом передавали, попал в плен.

Два батальона 294-го и 3-й батальон 297-го полков вышли в Ускут, когда генерал Аверкиев уже ушел оттуда. Поэтому они действовали самостоятельно. Командование взял на себя комиссар 294-го полка Молоснов и двинулся на Алушту. В ночь на 5 ноября батальоны выбили немцев из города.

Во время боя за Алушту пограничники разгромили немецкий штаб, уничтожив 11 офицеров. В городе они нашли много отставших раненых красноармейцев и командиров. За ночь их успели переправить в Ялту.

Утром на следующий день противник подтянул свежие силы и перешел в наступление. После упорного сопротивления батальоны оставили город. Часть пограничников после этого прорвалась в сторону Севастополя, часть отошла на север, где влилась в партизанские отряды.

Командир 297-го полка майор Панарин, не застав в Ускуте своих батальонов, тоже увел остатки полка к партизанам.

Скоро мне стала известна участь еще одного батальона 294-го полка. До 7 ноября он бродил в горах, при всякой попытке выйти к морю натыкался на немцев. В день Октябрьской годовщины полковой комиссар Ермаков провел митинг. Бойцы поклялись любой ценой прорваться к Севастополю.

Соединившись еще с несколькими группами людей из нашей дивизии, Ермаков повел их к морю. По дороге пришлось шесть раз вступать в бой с пехотой и танками противника. Применяя партизанскую тактику, нанося по врагу неожиданные удары, батальон ускользал от преследования. К концу ноября ермаковцы вырвались из окружения.

Всего в Севастополе собралось более 1500 солдат и офицеров дивизии, в том числе 957 пограничников.

* * *

В то время как мы формировали полк, Крымский обком партии и Севастопольский горком создавали коммунистический батальон. Работники обкома и горкома часто бывали у нас, отбирая для своего подразделения командиров-добровольцев. Однажды в штабе дивизии появился секретарь обкома Булатов. Беседовал с нами, слушал рассказы о походе по тылам врага.

На следующий день он приехал вместе с корреспондентами газет «Правда», «Известия» и «Красный Крым». 6 декабря одновременно появились целая полоса о подвигах пограничников в «Красном Крыме» и очерк в «Правде»…

Но вот сводный полк сформирован. Командиром его назначили майора Рубцова. Вместе с ним мы выбрали участок обороны под Балаклавой, наметили районы инженерных сооружений.

Однако не довелось мне остаться в Севастополе. Поступил приказ откомандировать управление дивизии в Новороссийск в распоряжение командующего 51-й армией.

Накануне отъезда мы с Кальченко побывали в сводном полку. Бойцы и командиры радостно встретили нас, вспоминали бои у Карасубазара, Мазанки, рассказывали о новых боях.

Когда уходили, майор Рубцов пошел провожать. На полях лежал снег, луна проложила на нем блестящую дорожку. Кальченко ушел далеко вперед, а мы с Рубцовым продолжали стоять на тропинке. Сказано все, уже расцеловались, а расставаться не хотелось.

— Еще раз прощайте, Василий Леонтьевич, — с грустью в голосе произнес Рубцов.

— Почему «прощайте»? Будь уверен, встретимся, повоюем вместе, да и после войны увидимся. А потому скажем друг другу просто: до свидания.

— Нет! В бою вы убедились, что я не трус. Долг свой перед Родиной выполню с честью и до конца. Говорю «прощайте» потому, что… на то война. А жить чертовски хочется!

Мы крепко обнялись.

Шесть с лишним месяцев, до третьего июля 1942 года, дрался полк Рубцова. Участок его обороны стали называть «Маленький Севастополь». С большой радостью читал я сообщение Советского Информбюро от 30 июня 1942 года: «Пехотинцы подразделения Рубцова отбили десятки атак превосходящих сил противника и уничтожили до двух полков немецкой пехоты и 11 танков, сбили 2 бомбардировщика противника».

А через два дня майор Рубцов погиб. Перестало биться сердце

замечательного человека и патриота…

Особая миссия

5 декабря 1941 года управление дивизии на крейсере «Красный Кавказ» отправилось в Новороссийск. И уже через три дня мы были в Темрюке, где находился штаб 51-й армии.

— Вернулся! Жив-здоров! — радостно встретил меня генерал-лейтенант П. И. Батов.

А член Военного совета армии В. А. Малышев сердечно добавил:

— Ты не думай, старина, что мы бросили тебя на произвол судьбы. Я тебя тогда два дня ждал на дороге за Алуштой. Дважды мы передавали по радио приказ об отходе дивизии, да связисты, видимо, перепутали позывные.

Они усадили меня. Генерал Батов попросил:

— Ну давай рассказывай о своих скитаниях. Здорово, наверное, досталось?

— Всякое бывало. — Я подробно доложил обо всем, что перенесла дивизия за дни похода по тылам врага, о героизме и стойкости, проявленных бойцами и командирами.

Батов и Малышев с большой похвалой отозвались о боевых действиях личного состава дивизии. Предложили мне представить к награде особо отличившихся.

На следующий день нас с Кальченко вызвали в Краснодар. Командующий Закавказским фронтом генерал-лейтенант Д. Т. Козлов предложил нам принять 75-ю дивизию.

— Только имейте в виду — дивизия не обычная и задание ее особое. Какое — узнаете после. А сейчас быстрее сколачивайте дивизию. Отбирать в нее людей будем с разбором, только достойных во всех отношениях. Получайте предписание и выезжайте в Баку со своим управлением…

Через сутки выехали. Всю дорогу только и говорили о том, как лучше обучить дивизию, строили планы высадки в Крыму для изгнания врага.

В Баку меня, комиссара и начальника гарнизона генерал-майора Гудименко принял один из секретарей ЦК компартии Азербайджана. Он заверил нас, что партийная организация республики окажет всяческое, какое только потребуется, содействие. Тут же для непосредственной связи к нам прикрепили секретаря Бакинского горкома партии А. М. Гиндина и заведующего военным отделом ЦК А. А. Герасимова. Забегая вперед, должен сказать, что представители ЦК, особенно А. М. Гиндин, оказали нам большую помощь в успешном боевом сколачивании дивизии.

Управление разместилось в городе Сумгаите. Через несколько дней прибыла большая группа офицеров.

Мы начали регулярные занятия и проводили их в любую погоду.

Следует заметить, что на строевую подготовку учебной программой отводилось совсем мало времени. Между тем опыт двух минувших войн дал мне возможность по достоинству оценить ее значение. Это она, строевая подготовка, вместе с тактической делают штатского человека военным, а массу людей — слаженной, гибкой, четкой, маневренной и послушной воле командира. За время строевой подготовки, а позднее тактической, солдат привыкает четко выполнять приказ командира и хорошо обученный выполнит его в бою при любых обстоятельствах.

Из этих соображений я самостоятельно увеличил время на строевую подготовку за счет других дисциплин. Сам провел показные занятия для командиров по подготовке отделения, взвода, роты, потребовал, чтобы такие же занятия периодически проводили командиры полков. Это положительно сказалось на обучении солдат и позволило значительно сократить срок, отведенный на боевое сколачивание.

Ну и политработники, конечно, в это время не сидели сложа руки. Кальченко и его аппарат так поставили дело, что в частях и подразделениях развернулась борьба за лучшее усвоение программы.

Перед молодыми бойцами часто выступали командиры, рассказывая эпизоды, иллюстрирующие изучаемую тему. Помню, как, бывало, сам Кальченко, готовясь к семинару с политработниками или к беседе с бойцами, приставал ко мне и не успокаивался, пока я не выужу из своей памяти «хоть пару» подходящих примеров.

Наше боевое сколачивание совпало по времени с контрнаступлением советских войск под Москвой, с освобождением Тихвина, Калинина, Ростова, с Керченско-Феодосийской десантной операцией. И все беседы, политинформации, сообщения о положении на фронтах увязывались с главной задачей личного состава — быстрей и качественней подготовиться, чтобы умело бить врага.

Как-то уже с первых дней нашего пребывания в дивизии почувствовалось, что ею интересуются незримые враги. Поэтому и во время политзанятий, и на собраниях, и вообще при всяком удобном случае предупреждали бойцов и командиров о необходимости быть особо бдительными. И все же однажды допустили ошибку.

В столовую управления дивизии подобрали повара с большим

стажем и опытом работы в лучших ресторанах. Откровенно говоря, нам не нужен был специалист такой высокой квалификации. В то время рацион в основном состоял из супа и каши. Раза три в неделю-меню разнообразили котлеты, изредка — компот. Все же некоторые «гастрономы», вроде полковника Ченгеры и дивизионного врача майора Свечникова, находили, что повар-мастер сможет «и из топора сварить вкусный борщ».

Кальченко поинтересовался у начхоза Ревина:

— Ваш новый повар надежен? Вы проверили его?

— Он вне всяких подозрений, как жена Цезаря, — блеснул Ревин начитанностью. — У него чудесные рекомендации.

Столовая размещалась в том же доме, что и штаб дивизии, на первом этаже в двухкомнатной угловой квартире. Одна комната служила залом, вторая — кладовой и кухней. Двери в столовой, как и во всем доме, фанерные, слышимость великолепная, поэтому мы с комиссаром категорически запретили вести в столовой служебные разговоры.

Не раз случалось, во время обеда меня подзывали к телефону. И я заметил, что, как только подойду к аппарату, повар обязательно должен шмыгать взад-вперед по коридору. Что это: случайность или желание подслушать разговор?

Однажды, оторвавшись от трубки, спрашиваю повара:

— Что вам здесь нужно?

— Хотел узнать у вас, что приготовить на ужин? Ничего не скажешь, человек проявляет заботу.

Все же я попросил еще раз проверить повара.

Вскоре его арестовали и начальник особого отдела доложил:

— Вы были правы. Повар оказался агентом одной иностранной разведки с большим стажем. У нас он имел задание подслушивать разговоры офицеров, постараться проникнуть в помещение оперативного отдела и выкрасть документы, а перед выступлением дивизии на фронт отравить командование и офицеров штаба.

Случилась эта история в конце марта. Срок подготовки дивизии заканчивался в апреле, но мы ее по существу уже завершили. Проводили занятия в составе полка и дивизии. Комиссия, прибывшая из Москвы для инспектирования, тщательно проверила приказы и разработки штаба, приняла участие в тактических занятиях.

Перед отъездом председатель комиссии сказал с улыбкой:

— Теперь я понял, насколько важно увеличить часы на строевую подготовку и проверку боевой сколоченности. Опыт дивизии следует перенести в другие соединения…

А через пять дней из Тбилиси позвонил генерал армии И. В.

Тюленев.

— Здравствуй, товарищ Абрамов! Тебя комиссия похвалила, нашла подготовку законченной. Сколько времени потребуется, чтобы сесть на колеса?

— Дня три, — ответил я.

— Почему так много?

— Автотранспорт убыл далеко за топливом и продуктами. А позвольте узнать, куда вы нас направляете: на Северный Кавказ или в Крым?

— Ни туда, ни сюда, — засмеялся генерал. — Поедете в Иран. Срок для выезда — два дня. Все указания получите в Тебризе от командующего нашими войсками в Иране генерал-майора Мельника.

На две с половиной тысячи километров протянулась сухопутная граница Ирана с Советским Союзом. Сразу же после окончания гражданской войны Советское правительство установило нормальные отношения с южным соседом. Этого добивались все прогрессивные национальные силы Ирана, в том числе и купечество, нуждавшееся в русском рынке и русских товарах. 26 февраля 1921 года в Москве был подписан советско-иранский договор. В нем подтверждался отказ правительства Советской России от прежней политики царского правительства, эксплуатировавшего Иран. В числе прочих пунктов договора была особая, шестая, статья.

Она гласила: «Обе высокие договаривающиеся стороны согласны в том, что в случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватную политику или превратить территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам РСФСР или союзных ей держав и если персидское правительство после предупреждения со стороны Российского Советского правительства само не окажется в силе отвратить эту опасность, Российское Советское правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры».

Готовясь к войне с Советским Союзом, гитлеровская Германия превращала Иран в плацдарм для нападения на южные границы СССР. Пограничные районы кишели германскими агентами и диверсантами, среди них было немало эмигрировавших в Иран русских белогвардейцев. Страну наводнили немецкие «туристы», «исследователи», «журналисты». Они вели разведку, обрабатывали профашистские элементы, проникли в ряды армии и постепенно превращали ее в орудие

гитлеровских захватнических планов.

Подрывная работа немецкой разведки особенно усилилась после нападения фашистских войск на Советский Союз. Чтобы ухудшить советско-иранские отношения и вовлечь иранский народ в войну против СССР, гитлеровцы готовили государственный переворот, создав непосредственную опасность для независимости самого Ирана. Глава правительства Реза-шах дал согласие на такой фашистский переворот.

В течение июня, июля и августа 1941 года Советское правительство трижды предупреждало Реза-шаха о создавшейся угрозе, требовало немедленно прекратить шпионско-диверсионную и подрывную деятельность германских агентов и выслать их из Ирана.

Правительство Реза-шаха отказалось выполнить это законное требование. Чтобы устранить явную угрозу нашим южным границам и коммуникациям союзников в районе Персидского залива, Советский Союз вместе с Англией 25 августа 1941 года ввели войска в Иран. Осиные гнезда гитлеровцев были разорены.

Нам предстояло усилить расположенные в Иране части. 9 апреля мы с Кальченко прибыли в Тебриз и явились к генерал-майору К. С. Мельнику. Он расспросил, как нам понравилась дорога, природа Северного Азербайджана, размещение штаба. Потом подошел к карте.

— Пока в северном Иране дислоцировался один кавалерийский корпус, теперь будет и ваша дивизия.

Расположитесь вдоль ирано-турецкой границы следующим образом: артиллерийский и 162-й стрелковый полки вместе с управлением дивизии останутся в Тебризе, 34-й стрелковый — в городе Хое, а 28-й — в городе Маку. Турция внешне соблюдает нейтралитет. Но полюбуйтесь, о чем эти «нейтралы» мечтают. — Генерал протянул нам турецкий журнал. На обложке напечатана карта. Турции, непомерно раздувшаяся за счет Грузинской, Армянской, Азербайджанской и среднеазиатских советских республик.

— Ничего себе аппетит! — заметил Кальченко.

— И представьте, не боятся подавиться, — продолжал генерал. — Мечтая о «Великой Турции», ее правители ждут только момента, чтобы вонзить нам нож в спину.

Я на глаз прикинул расстояние от Тебриза до Маку:

— Меня беспокоит, что дивизия будет сильно разбросана.

— Вы правы, — подтвердил командующий, — но ничего не поделаешь. Хойскому и Макинскому полкам надо всегда находиться в состоянии боевой готовности, чтобы быть способными отразить возможный первый удар турок. По нашим

данным, в городах Ван и Бая-зид у них расположен корпус. Вот вкратце вся ориентировка. А сейчас советую прокатиться с моим адъютантом по улицам Тебриза, познакомиться с городом. Это интересно и необходимо.

Сначала мы проехали по главной улице — магистрали, местами покрытой асфальтом. Она тянется до вокзала. В каждом доме — магазин или лавка. На улице сравнительно людно. Наряду с богато одетыми мужчинами и женщинами мы видели много босых, оборванных людей. А вот за роскошным парным экипажем семенит ишак, погоняемый дочерна загоревшим крестьянином в лохмотьях.

— Улица контрастов! — метко охарактеризовал ее Кальченко.

А дальше пошли узкие, кривые, грязные закоулки. Нищета здесь выпирала на каждом шагу. О ней можно было судить по одежде прохожих, по сотням сидящих у стен нищих, по уличным сценкам.

* * *

На рассвете третьего дня пребывания в Иране мы с комиссаром на старенькой «эмочке» выехали в Хой. За нами следовал пикап с отделением солдат охраны.

Унылая дорога! Песчаная равнина, высокие холмы — остатки выветрившихся гор и редкие серо-зеленые от пыли группы тополей. И так все 145 километров.

Хой — центр одной из десяти эстанов — областей Ирана. Здесь же центр Хойского шехрестана — губернии. Широкие улицы застроены двухэтажными домами. Вдоль тротуаров — молодые деревья. На центральной площади, возле дворца начальника области и губернатора, разбита большая цветочная клумба. К опоясывающей ее решетчатой изгороди привязано несколько ишаков с кладью.

Командира 34-го полка Изугенева и всех остальных командиров и политработников мы застали за изучением пограничных укреплений.

После ужина решили посидеть на балконе дома, где жил Изугенев. Город затих. Но вот тишину нарушил протяжный, высокий голос — то муэдзин приглашал правоверных на вечерний намаз. Редкие прохожие остановились, вынули из карманов цветные платки, постелили их на тротуар, встали на колени. Через несколько минут поднялись, встряхнули платки, убрали их в карманы и продолжали свой путь.

В тот вечер Изугенев рассказал нам о местных иранских

властях, о достопримечательностях. Командир полка быстро освоился в новой для него обстановке. Это чувствовалось и по метким суждениям о здешних нравах, и по характеристикам, которыми он наградил живущих в городе помещиков, по существу феодалов двадцатого века. Как поведал майор, в Хойской области свыше двух третей земель «арбаби», то есть помещичьи. Помещики сдают их беднякам в аренду мельчайшими участками на кабальных условиях. Иранский крестьянин, сняв урожай, должен заплатить за аренду земли, за получаемую для орошения воду, за семена. В результате у него почти ничего не остается, и он влачит жалкое существование.

Беседа затянулась далеко за полночь. А утром, чуть свет, отправились дальше, в 28-й полк, расквартированный у подножия библейской горы Арарат. Дорога шла по такой же песчаной, серой местности, как и вчера, только более пересеченной. На тракте, по которому мы ехали, лежал только один населенный пункт Шот. В нем несколько десятков расположенных вдоль дороги домиков с плоскими крышами. В центре, возле канавы с мутной водой, раскинулся базар. Пять-шесть женщин торговали изюмом и зеленым луком. Одна из них, желая «освежить» товар, зачерпнула из канавы чашку воды и вылила на лук. Почти одновременно с этим вышедшая из дома женщина выплеснула в канаву ведро помоев.

— Гигиена на высоком уровне, — оценил базар наш шофер.

Километрах в тридцати не доезжая Маку мы увидели высокий горный хребет. Здесь Иранское нагорье как бы встречается с окраинами горных дуг, тянущихся на юго-восток. Мы ехали по волнистому плато с похожими на гигантские блюда котловинами. В котловинах несколько крестьян пахали землю омачом — заостренным бревном с железным наконечником.

А вот и Маку, городок, окруженный горами. Далеко на севере виднеется массив знаменитого Арарата. Мракобесы-церковники называют ее конечным пунктом плавания Ноева ковчега, а американские разведчики избрали для вояжей, якобы с целью поисков этого ковчега.

В городе в каменных одноэтажных казармах, где раньше размещался иранский пехотный полк, сейчас стоит наш. В длинных помещениях рядами тянутся глиняные лежаки с узкими проходами между ними.

Рядом с казармами огромное поле-плац. На нем можно проводить все занятия, вплоть до стрельбы. Единственный и существенный недостаток его состоит в том, что турки с границы свободно просматривают плац в оптические приборы.

Мартыненок повез нас вдоль границы. Возле Маку горный

хребет отступал далеко к северу, образуя длинную замкнутую долину. В нескольких километрах от города дорога поднималась на невысокий перевал. За ним горы снова сходились. Там, где-то за перевалом, турецкий город Баязид.

На хребте в двух зданиях расположилась турецкая застава. Ниже, в километре от нее, в огороженном забором помещении бывшей иранской таможни наша застава. Порядок на ней образцовый. Видно, в полку быстро привились традиции пограничников.

Солдаты обступили нас и засыпали вопросами о положении на фронтах и в советском тылу.

В Маку задержались. Изучение местности и данных о дислокации турецких войск привело меня к выводу, что в случае чего первый удар примет 28-й полк. Был разработан план обороны Маку, одобренный генерал-майором Мельником.

Скоро в Иран приехал член Военного совета фронта П. И. Ефимов. Мы объездили с ним все полки. Он проверил ход учебы, несение службы, внутренний порядок. Беседуя с бойцами и офицерами, дал много полезных советов и указаний.

На всех нас член Военного совета произвел хорошее впечатление. Слушая беседы с солдатами, я поражался его простоте, умению, как говорится, найти ключ к сердцу каждого.

После проверки 28-го полка П. И. Ефимов выступил в Маку на собрании командного и политического состава. Он подробно рассказал о положении на фронтах, политике Турции… Нарушая международные соглашения, турецкое правительство пропускало через проливы военные корабли стран фашистского блока, с турецких аэродромов поднимались немецкие самолеты для бомбардировки советских войск. Летом 1942 года, когда гитлеровские армии прорвались к Кавказу, турецкая военщина сосредоточила на границах с СССР 26 дивизий.

— Советские войска в Иране — это, по существу, левый фланг Закавказского фронта, — заявил докладчик. — Сейчас командование не может направить сюда подкрепления. Поэтому задача каждого из советских людей, находящихся в Иране, быть всегда начеку, а если придется отражать натиск турок — стоять насмерть.

П. И. Ефимов много говорил о задачах политработников, советовал и нам, командирам, чаще беседовать с бойцами попросту, неофициально, вызывая на откровенный, задушевный разговор. Рекомендовал проводить в ротах и батальонах митинги, посвященные отдельным событиям на фронтах и в жизни советского народа.

* * *

Генерал-майор С. К. Мельник назначил меня начальником гарнизона Тебриза. Работы прибавилось. В городе проживали всякие люди: и лояльно к нам относившиеся, и враги. Многие из недругов свои чувства выражали откровенно, другие затаились. К последним принадлежал, по нашему убеждению, генерал-губернатор Тебриза. Недаром он распорядился подрезать кроны на деревьях возле своего дворца, чтобы удобнее было наблюдать за дорогой от казарм в город.

Месяца через два после нашего приезда в Иран стали поступать сведения, что в город одиночками и группами по железной дороге и на автомашинах прибывают подозрительные люди. Они вроде собираются вызвать беспорядки, используя религиозные предрассудки жителей. Меня предупредили о необходимости быть готовым к нежелательным эксцессам.

Решили принять контрмеры.

Ровно в полночь 16 июня на плацу выстроилась дивизионная школа. У каждого курсанта по 120 патронов. Но винтовки не заряжали. Оркестр грянул марш, и строй направился через город к вокзалу. Там сделали десятиминутную остановку — и обратно в казарму с музыкой и песнями.

Следуя за колонной на машине, мы с комиссаром видели, как в большинстве домов засветились окна. Звуки медных труб, дробь барабанов прервали сон и генерал-губернатора, заставили его подбежать к окну. Многие проснулись и гадали, что сие значит. Другие поняли ночной марш как предупреждение, что советские войска начеку, и сделали надлежащий вывод.

Во всяком случае утром вокзал был переполнен отъезжающими. А через два дня комендант города доложил, что все «гости» убрались восвояси.

* * *

В конце месяца из Маку, от Мартыненка, поступило донесение, что с парного поста у самой границы исчезли два бойца. Мы с комиссаром выехали туда.

Зная, что. турки очень чувствительны к нашему появлению в Маку, и на каждое отвечают посещением границы группами генералов, мы переоделись красноармейцами и отправились из Тебриза на пикапе.

Предупрежденный о нашем выезде, Изугенев встретил пикап за Хоем. Он рассказал еще об одном неприятном происшествии.

Незадолго до этого курды спустились с гор, напали на одно из селений и увели с собой скот. Иранские жандармы стали их преследовать. Местные власти обратились за помощью в штаб полка, логично заявляя, что поддержание порядка дело советских войск.

Действительно, создалось деликатное положение — и порядок надо поддерживать, и с курдами портить отношения не следует. Ведь эти горные племена держались мирно, к нам относились благожелательно, заблаговременно предупреждали заставы о своих передвижениях.

Изугенев послал к курдам помощника начальника штаба полка, поручив ему поговорить с вождями о возвращении скота и прекращении налетов на иранские селения. Посланец Изугенева допустил оплошность. По дороге к курдам он встретил жандармов и поехал с ними. На перевале наскочили курды, обстреляли группу.

Требовалось срочно разобраться, случайно произошло это нападение или среди курдов появились враждебные нам элементы.

Мы подробно расспросили незадачливого посланца. Выяснилось, что пока тот был один, конные курды маячили на холмах, вели себя мирно и даже как будто собирались приблизиться к нему. Но как только он присоединился к жандармам, курды открыли огонь. Вывод напрашивался сам собой: стреляли в жандармов, а советского офицера приняли за их союзника.

Вскоре мы в этом убедились окончательно. При нас Изугеневу доставили записку от курдов. В ней по-русски сообщалось: «Персидские жандармы наши вечные враги, и мы с ними разговариваем только языком пуль. Во избежание недоразумений запретите своим воинам общаться с жандармами, совместно выступать против нас».

Такое приказание я тут же и отдал.

Гонец курдов еще сообщил, что они хотели бы встретиться со мной в Хое. Посоветовавшись с Кальченко, мы назначили день свидания, а пока продолжали путь в Маку. Там остановились не в штабе, а на квартире Мартыненка.

Командир полка ничего нового сообщить не смог. Поэтому было решено отправиться к месту происшествия.

Парный пост, с которого пропали солдаты, находился в круглой башне на «ничейной» земле. После того случая никто из наших там не бывал. Чтобы добраться к башне, нужно было пройти метров пятьсот вдоль берега ручья, несколько в обход турецкой заставы.

Идти или не стоит? Особой надобности в этом не было, но хотелось посмотреть все своими глазами. К тому же, как мы полагали, серьезной опасности не существовало. Чутье подсказывало, что если бы в башне находилась турецкая засада, то она могла быть только многолюдной, а значит, наши ее заметили бы.

На всякий случай Мартыненок приказал нацелить станковый пулемет так, чтобы его огонь отсек турок, если с их заставы попробуют перехватить нас.

Мы шли спокойно, неторопливо, с винтовками на плечах, как обычно ходили солдаты. Турки, конечно, не могли и мысли допустить, что из трех красных солдат двое являются командиром и комиссаром дивизии. Не останавливаясь, мы поднялись на башню. Круглое здание напоминало городские тумбы для афиш, только во много раз больше. В верхней части башни с северо-западной турецкой стороны имелось окно. С нашей — маленькая терраса, опоясанная перилами.

С башни открывалась замечательная картина. Вся местность за пограничным хребтом видна как на ладони. Чудесное место для наблюдений за турками! Они хорошо знали об этом и, чтобы напугать нас, отбить охоту занимать башню, похитили или убили двух наших солдат.

Задерживаться на башне ни к чему. Мы так же спокойно отправились обратно и благополучно вернулись в роту.

Мартыненок признал ошибку — не надо было так далеко выдвигать пост, а уж коль делать это, следовало послать туда не двух солдат, а больше. Да и наблюдать за турками можно не только из башни. Хороший обзор открывался с нескольких высот на нашей стороне.

О судьбе солдат узнать так и не удалось, и мы вернулись в Хой. Там нас уже ожидали посланцы от курдов. Встретились мы с ними в присутствии майора Изугенева вне штаба.

Еще со времен первой мировой войны у меня было представление о курдах как о конниках, вооруженных до зубов, с обязательными парой пистолетов за ярким поясом и кинжалом на боку. А оказались они внешне самыми мирными людьми. Один из них — молодой, стройный и красивый, свободно говорил по-русски. На нем бостоновый костюм и лакированные сапоги. Оба его спутника постарше, одеты скромнее.

Поздоровались. После заверений, в обоюдном уважении начался деловой разговор.

Курды выразили сочувствие по поводу происшествия в Маку и предложили свои услуги для отмщения туркам. Поблагодарив их, мы попросили не делать этого. Затем нам было принесено

извинение за обстрел нашего офицера. Но главное их сообщение нас основательно встревожило. Оказалось, что горцы голодают, от недоедания у них начались болезни. А враги наши, используя трудности, ведут агитацию против советских войск.

— Чем вызван голод и почему вы раньше нам не сообщили о нем? — спросил Кальченко.

— Не хотели вас тревожить, — сказал молодой. — Уже давно заключен договор между курдами и правительством Ирана о снабжении нас хлебом. Но когда появились советские войска, начались перебои. А в последнее время нам совсем прекратили доставку муки. Ханы недовольны нашим дружеским отношением к России и хотят поссорить нас с вами. Говорят: «Пока красных не было, вы были сыты. В голоде виноваты русские». Распускают слухи, что нашу муку отправляют в Джульфу. Нам известно, что мука для нас имеется, но ее задерживает начальник макинского бехша-уезда.

— Мы примем меры, — заверил я курдов. — Сколько вы можете продержаться?

— Максимум неделю, — ответил молодой, посовещавшись со старшими.

— Хорошо. Мы заставим иранские власти выправить дело. А вы пресекайте у себя враждебную агитацию.

— Мы, господин полковник, сделаем все, — заверили курды. На прощание они назвали селение, где власти хранят предназначенную для племен муку.

Пришлось снова ехать в Маку. Я без формы с начальником уезда не хотел встречаться. Предложил Мартыненку:

— Идите к губернатору или как его там называют, останьтесь с ним наедине и передайте буквально следующее: «Командиру дивизии точно известно, Что вы умышленно вызвали голод среди курдов, спрятав предназначенную для них муку в… — я назвал селение. — Командир дивизии требует, чтобы вы немедленно направили ее по принадлежности. Срок вам для этого три дня. И прекратите враждебную агитацию. Не выполните просьбу, будут большие неприятности».

Признаться, меня беспокоило, как справится майор с возложенной на него «дипломатической миссией». Опасался, что Мартыненок не сумеет правильно повести себя, если губернатор заартачится. Я не учитывал, что свойственное советским людям сочувствие угнетенным придаст майору твердость в разговоре с представителем местной власти. Мартыненок блестяще выполнил свою задачу.

На четвертый день после нашего возвращения в Тебриз курды получили муку. Мартыненок и Изугенев сообщали, что вожди

племен приглашают меня в горы на местный праздник. Сам я поехать не мог и попросил Мартыненка побывать у курдов.

Его встретили торжественно, посадили на почетное место за праздничный стол, показали скачки лучших наездников, меткую стрельбу. Об этом майор рассказал мне и прибывшему в Иран заместителю командующего фронтом генерал-майору А. И. Хадееву.

Хадеев привез неутешительные вести — немцы рвались в Закавказье. Признаться, приезд генерала я связал с желанием командования отозвать нашу дивизию на фронт. Даже спросил у него, когда нам собираться. А он только улыбнулся:

— Откуда вы это взяли? Дивизия специально сформирована для службы в Иране, и нет надобности сменять ее.

Тогда я попросил замолвить слово хотя бы обо мне. Говорил, что на Карпатах в 1917 году и в Крыму приобрел опыт действий в горах и считаю, что мое место на фронте. Хадеев обещал поддержать мою просьбу.

Жаль было расставаться с дивизией. Она для меня стала любимым детищем. Но что делать. Раз дивизия останется в Иране, придется уезжать самому.

В первых числах августа прибыл новый командир дивизии полковник Волкович. Я получил сообщение что меня назначили заместителем командира 3-го стрелкового корпуса.

Бои за Марухский перевал

По пути в 3-й стрелковый корпус заехал в штаб Закавказского фронта, познакомился с обстановкой. После падения Ростова немецкая группа армий «А» в составе 1-й танковой, 11-й и 17-й полевых армий, поддерживаемая тысячью самолетов, ринулась на Кавказ. Наступление велось по трем направлениям — на Новороссийск, Туапсе и Грозный.

Благодаря упорному сопротивлению войск Южного фронта под командованием генерал-лейтенанта Р. Я Малиновского и Северо-Кавказского под командованием маршала С. М. Буденного было выиграно время. Закавказский фронт с помощью местных партийных организаций, при активном участии десятков тысяч советских граждан сумел создать сплошную оборону на рубежах рек Терек и Баксан, по перевалам центральной части Главного Кавказского хребта и в северных предгорьях его западной части.

План гитлеровского командования, рассчитанный на окружение и разгром советских войск у предгорий, провалился. В середине августа наступление врага было остановлено. Он приступил к перегруппировке, имея целью начать одновременное наступление на Батуми и Баку…

Я прибыл в Сухуми 20 августа. А несколько раньше, 16-го, авиация противника произвела первый налет на город. Бомбы особого вреда не причинили, но паники наделали. Когда я проезжал по улицам, город производил впечатление фронтового.

В управлении 3-го стрелкового корпуса, переместившегося за Сухуми, я застал начальника штаба подполковника Мельникова. Командир корпуса генерал Леселидзе выехал к Клухорскому перевалу, который уже захватили немцы.

С Леселидзе была телефонная связь, и я доложил ему о своем прибытии.

— Очень хорошо, — ответил генерал. — Я задержусь здесь, а вы там действуйте сами в зависимости от обстановки.

Подполковник Мельников успел развернуть на столе карту и вводил меня в курс здешних дел:

— Противник рвется к морю и в Грузию по Военно-Осетинской, Военно-Грузинской дорогам и через горные перевалы. Некоторые из перевалов нам приказали занять подразделениями от роты до батальона. На Клухорский мы тоже выслали батальон. Но туда скрытно подошли крупные силы горных егерей и сбили его. Только что получили приказ штаба фронта усилить оборону перевалов. — И Мельников перечислил войска, направляемые на каждый из них.

Вошел комиссар корпуса полковник Л. И. Буинцев. Он высок, широк в плечах, немного сутул.

Комиссар рассказал о соединениях корпуса. Относительно лучше подготовлена горнострелковая дивизия, но она остается на месте. В двух других, которые выступают на перевалы, личный состав смешанный, в большинстве уроженцы Кавказа. Многие не знают русского языка, и это усложняет работу с ними.

Разговор прервал приезд командующего 46-й армией генерал-майора В. Ф. Сергацкова. Он сразу спросил у меня:

— Командующий фронтом еще не вызывал?

— Никак нет.

— Тогда ждите вызова. Приготовьтесь к головомойке. Я уже успел ее получить.

Улыбнувшись и неожиданно смягчившись, добавил:

— Впрочем, вас, как человека нового, возможно, и минует чаша сия. А вот Леселидзе, если бы не уехал на перевал, досталось бы по первое число.

— Разрешите узнать, чем все провинились перед командующим фронтом? — спросил я.

— Проморгали мы, опоздали занять перевалы, — ответил Сергацков…

Во второй половине дня меня действительно вызвали к генералу армии И. В. Тюленеву.

Впервые я встретился с ним на совещании в Баку. Тогда начальник Бакинского гарнизона собрал нас и сообщил, что из Тбилиси прибыл новый командующий военным округом. Мы знали, что Тюленев один из прославленных героев гражданской войны.

И вот вошел еще сравнительно молодой, подвижный генерал, снял шинель, поздоровался с каждым. В моем, сложившемся еще со времен солдатчины, представлении «полный генерал» должен был чем-то отличаться от всех, выглядеть строгим, скупым на слова. А Тюленев оказался приветливым, разговорчивым и держался запросто.

Сейчас, получив вызов к нему, я направился в кабинет секретаря Сухумского обкома партии. Тюленев проводил там совещание. Когда я вошел, он резко говорил о том, что командование 46-й армии неправильно организовало оборону перевалов и попросту «проспало» их. Врага нужно было встретить на склонах гор, а не ждать, пока он поднимется. А теперь нужно принимать срочные, героические меры, чтобы восстановить положение. Многое будет зависеть от помощи партийной организации Абхазии. Армия нуждается во многом. Требуется изыскать горное снаряжение, транспорт, организовать выпечку

сухарей, подобрать лучших из лучших проводников.

И тут же генерал Тюленев обратился ко мне:

— Товарищ Абрамов, 3-й корпус должен во что бы то ни стало удержать Марухский перевал. Если противник займет его, то перед ним откроется путь на Сухуми и в тыл нашим частям, наступающим на Клухор. На Марух следует выслать не менее двух полков. Вам лично надлежит возглавить этот отряд и быстро выйти на перевал, упредить противника. Конкретные указания получите от командующего армией.

Когда я доложил Сергацкову о распоряжении Тюленева, тот ответил:

— Приказ мной уже подписан. Выступать надо не позже завтрашнего дня. Нажимайте на командиров полков, готовьтесь сами…

Один из полков, 808-й стрелковый, стоял в Гудаутах. Вместе с Буинцевым на его новенькой голубой «эмке» мы помчались туда. Встречные машины, подводы, а особенно ишаки, не соблюдавшие установленных правил движения, сильно задерживали нас. Но это дало мне возможность полюбоваться живописной местностью вдоль Черноморского шоссе. Справа — отроги Бзийского хребта, слева — всхолмленная низменность, переходящая в отлогий пляж. Словно на параде, выстроились вдоль шоссе кипарисы вперемежку с эвкалиптами, пальмами и увешанными плодами развесистыми, широколистными инжирными деревьями.

В Гудауты добрались к обеду. Командир полка майор Телия — молодой и темпераментный офицер. Спрашиваю его:

— Как идет подготовка к выступлению?

— Туго, товарищ полковник. Очень туго. — Он говорит быстро, отрывисто. — Сухарей нет. Интендантство не дает. Сами организовали сушку. Пока есть только суточная норма. Завтра будет вторая. Идти на перевал надо семь дней. Значит, неделю будем сушить сухари.

— Выступать завтра обязательно. Приказ получили?

— Получил. Но еще нет положенного комплекта боеприпасов, телефонного имущества, нет ишаков. Лошадей под вьюки не хватает, да и самих вьюков мало…

— О чем вы только раньше думали? — прервал я поток его жалоб. — Потрудитесь сделать так, чтобы завтра полк был готов к выступлению. Заставьте своих подчиненных волчками крутиться, свяжитесь с местными властями, попросите у них помощи. И никаких возражений я слушать не хочу.

— Вот так, товарищ Телия, — поддержал меня Буинцев. — Имейте в виду, отсрочки не будет. А сейчас я пройду к вашему комиссару Арутюнову, помогу ему нажать по партийной линии.

* * *

На следующий день мы с Буинцевым поднялись рано, когда все еще спали. Составили список штаба горного отряда. Во главе штаба поставили майора Заступу — начальника оперативного отдела корпуса, подобрали ему двух помощников, решили включить в отряд корпусного инженера майора Бакланова, двух командиров артиллеристов, одного специалиста по связи, одного снабженца.

Из Гудаут поступило сообщение о выступлении головного батальона и скорой готовности остальных. Это хорошо. Обидно только, что начался мелкий дождь.

Мы вышли на улицу проверить, серьезно ли портится погода, или просто «пугает нас». Буинцев внимательно посмотрел на небо, трижды с силой втянул носом воздух, снял фуражку и, когда на голову упало несколько капель, авторитетно заявил:

— Этот дождь зарядил на три дня. Да, да, можете не сомневаться. Я здесь несколько лет и кое-чему научился.

К штабу подъехал мотоциклист. Он доставил новый приказ армии. Согласно ему, мы должны 24 августа подойти к Марухскому перевалу, занять его и сразу же выслать отряд для обхода Клухора. Отряду вместе с находящимися у Клухора частями предстояло опрокинуть немцев и снова овладеть перевалом.

Ориентируясь по карте, я убедился, что по времени приказ явно невыполним. Доложил командарму и услышал в ответ:

— Знаю, но сам изменить сроки не имею права. Выступайте и затем донесете о времени прихода на перевал. Идти нужно форсированным маршем, местами делать броски. В случае чего, постараюсь помочь вам всем, что будет в моих силах.

Помочь он не смог. Берия, прибывший в Сухуми в качестве представителя Ставки, беспричинно снял Сергацкова с должности командующего армией.

Подполковник Мельников потом рассказывал мне, как ворвался в штаб корпуса Берия, как он разносил офицеров штаба за «неумение работать». В частности, ругал их за то, что они ночевали в кабинетах, а не устроили себе спален. Я этому не особенно удивился. Мне, как и многим кадровым пограничникам, пришлось еще в мирное время в той или„иной мере познакомиться с методами его работы. Возглавив в 1937 году наркомат, Берия необоснованно сместил многих достойных и преданных народу старших командиров, заменив их своими ставленниками, не имевшими для этого ни деловых качеств, ни опыта работы.

За время боев на Кавказе Берия был там несколько раз. И каждый его приезд сопровождался дезорганизацией работы командования, смещением неугодных ему людей. Только много позже, когда этот матерый шпион и враг советского народа был разоблачен и арестован, мне стали понятны мотивы подобных его действий.

* * *

Получив новый приказ, мы с Буинцевым до полудня «висели на телефоне», уточняя сроки выступления частей, С помощью обкома партии удалось разыскать нескольких человек, побывавших на Марухском перевале. От них узнали, что дороги туда нет и идти придется от пяти до семи дней. Во всяком случае, так ходили альпинисты. Правда, нашелся житель Сухуми, работавший в Спецторге НКВД, который верхом однажды добрался до перевала за три дня. Этого «рекордсмена» мы взяли в проводники.

Закончив в Сухуми дела, «горный штаб», как мы себя назвали, выехал в селение Захарове — сборный пункт перед выступлением. Там уже собралось несколько батальонов. Управления 808-го полка все еще нет. Продовольствие и сухари тоже не завезены. Итоги малоутешительные. Но выступать надо в любых условиях.

К вечеру прибыл майор Телия, доложил, что полк «успешно сосредоточивается».

— А сухари, вьюки, средства связи, боеприпасы?

— К утру все будет! — уверенно ответил командир полка.

Утром доставили минометы, питание для рации, небольшую партию ишаков под вьюки и всего лишь двухдневный запас сухарей. Из шанцевого инструмента — только саперные лопатки. — Больших топоров, кирко-мотыг и поперечных пил нет, а все это в горах крайне необходимо. Позвонил в Сухуми и получил заверение, что сухари сбросят с самолета, а все остальное вышлют следом за нами.

В 9 утра отряд построился. Вместе с комиссаром обошли людей, проверили готовность красноармейцев и офицеров, затем я счел нужным, хотя бы коротко, поделиться с ними собственным опытом.

— Когда поднимаешься в гору, иди спокойным, ровным шагом. Помогай товарищу, если он нуждается, и тебе в трудную минуту помогут. На крутом подъеме или спуске помоги лошади, ишаку. Бить животное и чрезмерно понукать нельзя. Экономь сухари и хлеб. Не пей много воды, она только отягощает. На

привале ложись и держи ноги повыше, так лучше отдыхать. Винтовку, автомат береги от повреждения.

Комиссар Буинцев произнес пятиминутную зажигательную речь. Я видел по лицам солдат, что его слова дошли до сердец.

И вот мы тронулись. По железнодорожному мосту перешли реку Амткиали, стали подниматься на заросший могучим лесом крутой подъем. Идти скользко, трудно. Я думал, что через полкилометра — километр подъем закончится и перейдет в ровное плато, но ошибся.

Только к вечеру кончился лес, а с ним и крутой подъем. Дальше наш путь поворачивал влево и шел по более пологому гребню.

Здесь остановились на ночлег. Для первого дня прошли довольно.

Прогноз погоды, сделанный Буинцевым, не оправдался. Дождь давно кончился, и ветер успел высушить почву. Люди подходили, располагались вдоль гребня прямо на земле. Более выносливые спустились в лес собирать дрова. Скоро тут и там запылали маленькие костры. Нашли родник, набрали воды, вскипятили чай. Закусили и улеглись спать. Усталость взяла свое: уснули быстро.

Встали с рассветом.

Сразу выступили, вытянувшись лентой по гребню. Верховые лошади идут за нами, прядая ушами, мотая головами. Садиться на них не стали, после ночного отдыха хотелось пройтись. А когда утомились и решили сесть на лошадей, то проехали лишь сотню шагов. Пришлось снова сойти. Тропа вывела нас к узкому карнизу. Справа — крутой и глубокий обрыв. Оступись лошадь — и полетишь вместе с нею в пропасть. Пешком вернее, да и голова не так кружится.

Иногда мы осторожно заглядывали вниз, стараясь определить глубину обрыва. Один утверждал: «наверняка километр». Другой возражал: «метров пятьсот».

Видимость была прекрасной и позволяла нам любоваться суровой и величественной красотой гор. Далеко впереди на фоне лазурного неба вырисовывалась исполинская цепь Главного Кавказского хребта. Ближе, освещенные яркими лучами солнца, ослепительно сияли снежные шапки двух рядом расположенных гребней. А еще ближе, справа и слева от нас, зеленели сравнительно невысокие вершины. За поворотом неожиданно, словно дивный мираж, показалась синяя полоса моря и так же скоро исчезла.

Тропа вышла к глубокой долине реки Лахты. Мы уже двигались около шести часов, и я собирался объявить привал

перед спуском. Комиссар, показав на зеленую лужайку в долине, предложил:

— Давайте пройдем туда. На травке отдохнуть гораздо приятней, чем среди этих камней. Да и лошади подкрепятся.

— Далеко до этой полянки, — возразил я.

— Какое там далеко, — удивился Буинцев. — Не больше трех километров. За час будем там.

— Ошибаешься, Ларион Иванович, так близко кажется по прямой, а нам надо петлять по склонам. Не дойдем и за два часа.

Ошиблись мы оба. Спуск оказался более крутым и трудным, чем вчерашний подъем. Особенно досталось животным. У лошадей скользили копыта, от напряжения дрожали мышцы. Пришлось к каждой приставить по четыре солдата. Один вел лошадь под уздцы, двое шли сзади, держа в руках прикрепленные к шлее веревки, а четвертый поддерживал вьюк, не давая ему свернуться.

Все же одна молодая, горячая лошадка сделала излишне резкое движение, сорвалась и покатилась, унеся с собой два ящика с питанием для рации.

Позже, спустившись вниз, мы нашли обезображенный труп лошади и разбитые ящики с аккумуляторами. Связисты перебирали щепки, осколки, сокрушенно качали головами. Осталось всего два ящика. Если разобьются и они, мы лишимся радиосвязи.

Я распорядился снять их с лошади и нести на руках. Для переноски назначили шесть крепких солдат.

Ишаки оказались более приспособленными к крутым подъемам и спускам. Они шли увереннее. К тому же ишакам легче помочь. Двое солдат, ухватившись за хвост, сравнительно легко удерживали животное, не давая сорваться.

Два с половиной часа продолжался спуск. Зато как приятен привал на дне ущелья!

Мы с комиссаром хотя и устали, решили обойти людей. Хотелось поговорить с ними, узнать их настроение, ведь нам вместе предстояло выполнять трудную боевую задачу.

Большинство солдат 808-го полка — грузины. Буинцев за несколько лет службы в Сухуми изучил грузинский язык и теперь, подсаживаясь к солдатам, первым начинал разговор. Постепенно он переводил беседу на русский язык, чтобы и я смог в ней участвовать.

Приятно, что в основном настроение у солдат бодрое. Все понимают, насколько важно быстрее противника выйти на перевал.

* * *

На четвертый день кончились сухари. Теперь надо ждать обещанного самолета либо надеяться на скорую встречу с 810-м полком. У него пятидневный запас продовольствия, и он, конечно, поделится с нами.

Навстречу стали попадаться группы беженцев. Многие из-под Ростова, Армавира, Краснодара, Минеральных вод. Шли с детьми, совсем налегке, в летней одежде, некоторые босиком и все без продуктов.

Мы пытались расспрашивать их о немцах. Но беженцы сами ничего не знали, передавали только слухи. Все же мы поняли, что враг близко, и решили ускорить движение, сократить время привалов.

После встречи с беженцами Буинцев собрал своих помощников, провел инструктаж.

— Все видели, — говорил он, — как советские люди горе мыкают? Надо, чтобы солдаты поняли: от них зависит остановить врага, не пустить его через горы в Закавказье. А значит, нужно собрать в кулак всю свою волю, на перевал идти еще быстрее.

Мне нравился комиссар, энергичный, целеустремленный. Мы с ним быстро сблизились…

Во второй половине дня из-за гребня горы показался самолет. Он сделал над нами несколько кругов, сбросил мешки с сухарями.

На следующий день собирались выступить как можно раньше, но пришлось задержаться: утро выдалось туманное, пасмурное. Решили не рисковать и ждали, пока станет достаточно видно.

Часов в десять на нашу тропу из лощины справа вышла голова колонны 810-го полка. Я остановился, чтобы проверить порядок. Передовой батальон двигался быстрее и организованнее, чем подразделения 808-го.

Командир полка майор Смирнов производил впечатление грамотного и требовательного офицера. Он кратко доложил о состоянии части.

— С боеприпасами как?

— Имеем все по норме. —

— А с продовольствием?

— Осталось на три дня.

— Однодневный рацион передайте 808-му полку, — распорядился я.

Люди повеселели, пошли быстрее. Догоняю проводника, спрашиваю:

— Еще далеко?

С горы, по которой мы двигались, видно много покрытых вечным снегом вершин. Проводник указал на ближайшую гряду:

— Осталось только ее обойти. Завтра будем на перевале.

— Надо дойти сегодня.

— Не успеем. От Маруха дорога трудная, все подъемы, каменные завалы, ледник. Сразу после перехода на перевал смогут подняться только сильные люди.

Последний спуск — и мы вышли на большую зеленую поляну, окруженную лесистыми горами. В центре поляны крытый корой домик — приют пастухов. Стены дощатые, пол и потолок из жердей. Внутри домика дощатые нары.

— Вот вам помещение для штаба. Лучшего здесь не найдете, — предложил проводник.

Конечно, здесь лучше, чем под открытым небом, но оставаться нельзя: начнут летать «рамы», быстро «засекут». Штаб расположился под сенью огромной лиственницы.

Едва мы с начальником штаба успели напиться холодной воды из реки Марух и сесть писать первый боевой приказ, как в небе действительно появился самолет-разведчик и стал кружиться над домиком.

— Опоздал на полчасика, — пошутил комиссар.

«Рама» сбросила три бомбы и улетела. Трудно сказать, заметил ли летчик наши полки. На всякий случай я приказал продвинуться вперед и расположиться в следующем лесочке.

Оказалось это очень кстати. Через полчаса прилетели еще три самолета и отбомбились по лесу, из которого мы ушли.

Первый боевой приказ был краток: частям предписывалось ночевать у подножия горы, в районе водопада. С рассветом следующего дня, 26 августа, 808-му полку предстояло выступить на перевал и к 12 часам занять его, 810-му — расположиться выше водопада и готовиться к выступлению на Клухор.

Связисты распаковали ящики с питанием, достали рацию и долго «колдовали» над ней. Сухуми нас не слышал и не отвечал…

* * *

Утром стали перебираться через реку Марух по двум жердочкам. Первым вызвался идти комиссар, чтобы, как он выразился, «политически обеспечить переправу». Ларион Иванович волновался, но, желая скрыть это, шутливо сказал:

— Если перейдем благополучно, после войны поступлю в цирк.

Балансируя руками, он осторожно продвигался вперед, а я

держал концы жердей. Вторым пошел я и тоже перешел благополучно.

Поднялись выше и некоторое время шли по ровному месту. Слева доносился шум водопада.

Но вот путь нам преградило нагромождение больших камней. Обхода не видно, пришлось шагать метров сто пятьдесят напрямик.

Передвижение это трудно назвать ходьбой. Мы прыгали, словно дикие козы, с камня на камень, с камня на камень.

Дожди, снега и льды отшлифовали камни так, что малейшая оплошность грозит падением. Наше внимание привлек ледник, занявший всю правую часть ущелья. Казалось, что по его ровной поверхности идти будет несравненно легче. Наиболее нетерпеливые сразу же выбрались на лед. За ними пошли и мы с Буинцевым. Я не внял предостережению проводника и чуть не поплатился за это жизнью: упал и заскользил под уклон к трещине. Тщетно старался затормозить движение, упираясь в лед каблуками. Спасло только то, что трещина оказалась не очень широкой. Задержался в невероятном положении, лежа спиной на одном краю трещины, а ногами упираясь в другой. Лежу и не дышу, пошевелиться боюсь. А где-то далеко внизу слышится журчание воды.

Буинцев с двумя солдатами осторожно, держась друг за друга, подползли, подали мне ремень и оттащили прочь.

После этого идти по леднику не решились, опять начали прыгать по камням.

Устал, хотелось отдохнуть, но нельзя командиру показаться слабым и задерживать движение. Вспомнились 1916 год и гора Кырли-баба в Карпатах. Тогда стояла зима, подниматься было скользко. Сейчас ранняя осень и высота в три раза меньше, но годы не те. С горечью подумал: «Эх, Василий, куда девалась прежняя сила?» Однако, повернув голову, с этаким эгоистичным облегчением заметил, что комиссар и остальные командиры заметно отстали и изрядно вспотели. А ведь большинство из них совсем еще молодые люди. Выходит, я напрасно так переживаю — «есть еще порох в пороховницах!»

Последний шаг и вот уже площадка. Мы на высоте 2769 метров над уровнем моря. С гордостью думаю о советском солдате. Шутка сказать, до войны сюда забирались только альпинисты. Приходили они налегке, одиночками, в специальной одежде и обуви. А нас целый полк, в обычном обмундировании, с оружием, снаряжением, да еще сутки без пищи!

Майор Телия ждет нас. Он предлагает осмотреть оборону полка.

Я оглядываюсь вокруг. Площадка, на которой мы находимся, походит на букву «Т». Сейчас мы — у основания ее.

К востоку хребет постепенно сужается и уходит нешироким гребнем в сторону горы Марух-Баши. Рядом с ней покрытая снегом гора Кара-Кай. С западной стороны от перевала идут серые каменные террасы, образующие труднопроходимое нагромождение.

Севернее на двух высотках перед перевалом в боевом охранении стоит рота. Подразделения полка расположились за камнями. Камни — хорошее укрытие от пуль, но ночью они остывают и лежать на них неприятно.

На площадке — сложенная из камней избушка.

— Здесь мой штаб, — доложил Телия.

Избушка без дверей и крыши. В стенах зияет множество больших и малых дыр. Столом, сиденьями и местом для сна служат обтесанные камни.

С северной стороны площадки перед нами открылась величественная картина. Здесь и там, по всем направлениям, протянулись высокие отроги гор. Многие покрыты голубыми языками ледников. Вершины разделяют глубокие ущелья-теснины. Все это с высоты перевала выглядит гигантским лабиринтом.

Горы покрыты несколькими поясами растительности. Ближе к вершинам располагаются «разведчики хвойных» — низкорослые сосны, несколько ниже — ковры альпийских лугов, зелень пихт, сосен, елей. Еще ниже — серебристые буки, белые березы. Среди них рябины, увешанные красными гроздьями.

С севера, откуда рвутся фашистские полчища, подходы к перевалам главного хребта гораздо более легкие, чем с запада и юга. И это не в нашу пользу.

Клухорский перевал, куда должен отправиться 810-й полк, восточнее. Сверяя карту с местностью, легко было убедиться в трудности пути к нему. Вряд ли удастся пройти туда скрытно от немцев. Но раз получен приказ, его нужно выполнять.

Сообщили, что из нашего «горного штаба» через полк Смирнова установлена связь с 808-м полком. Я зашел в избушку, взял трубку и вызвал майора Заступу. Он доложил, что радисты с Сухуми так и не связались.

Пока мы с майором Телия уточняли систему огня, побывали в каждом батальоне, Буинцев успел проинструктировать политработников.

* * *

В «горном штабе» нас ждали две новости. Во-первых, из Сухуми прибыл вьючный транспорт и доставил полтонны сухарей. Кроме того, звонили с перевала. После нас туда явились партизаны Кабардино-Балкарской республики во главе с секретарем обкома партии Лейпановым. Лейпанов хочет поговорить со мной по ряду вопросов. Позвонил на перевал, сказал, что завтра опять буду там, тогда познакомимся и поговорим.

Но как связаться с Сухуми? Я пошел к радистам. Они заверили, что рация исправна, а связи мешают горы, через них волны не проходят.

— Тогда вынесите свое хозяйство выше! — предложил я им.

Действительно, радисты поднялись метров на четыреста и сразу услышали Сухуми. Доложил штабу армии о прибытии на перевал. Попросил прислать фортификационный инструмент, продовольствие, сообщил о появлении партизан.

Ночью получили ответ. Нас поздравили с успешным выходом на перевал, обещали наладить снабжение, установить телефонную связь. Семьи партизан предлагалось отправить с проводником в Сухуми, а партизанам дать отдохнуть два дня и помочь развернуть боевые действия в горах.

Утром по дороге на перевал мы с Буинцевым остановились у костров, где грелись партизанские семьи. Здесь были пожилые и молодые женщины, девушки, дети. Они отдыхали после пережитых волнений и трудного пути. Я сообщил, что, по распоряжению штаба армии, они отправятся в Сухуми. Там их разместят, устроят на работу.

Семьи партизан сопровождал военный комиссар республики. Он был болен, хромал, и его мы тоже отправили в Сухуми. В разговоре с ним узнали, что недалеко от перевала работает сыроваренный завод и там скопилось много сыра.

Майор Телия сразу снарядил на завод группу бойцов. Через несколько часов они вернулись ни с чем. Оказалось, ночью там побывали немцы и весь сыр вывезли.

Буинцев правильно заметил, что штаб армии и местные власти недооценили возможности довольствования отряда за счет таких заводов. Ведь пути на север были отрезаны, а эвакуировать продукты на юг практически невозможно.

Партизан, ночевавших на перевале, мы нашли возле штаба полка. В их отряде, кроме секретаря обкома, были заместитель председателя Совнаркома республики, директор рудника по добыче редких металлов Панаев, главный инженер рудника Дроздов.

Я расспросил партизан о пути в сторону Клухора,

поинтересовался, нет ли вблизи продовольствия. Лейпанов и Панаев подвели меня к северному спуску.

— Дорога трудная. Придется пересечь несколько подъемов. А немцы уже на подходе. По-моему, незаметно в Клухор смогут просочиться только одиночки. А вот там, — Панаев показал рукой направление, — километрах в двенадцати отсюда наш рудник. На складах много муки и других продуктов. Пошлите туда людей, я напишу записку кладовщику.

И снова я с горечью подумал о допущенных нами ошибках. Заняли перевал, а разведать окрестности в радиусе, скажем, 15–20 километров не додумались. Только когда уже из боевого охранения прибежал посыльный и сообщил о приближении двух колонн противника, мы совершенно случайно обнаружили вблизи перевала большое стадо овец.

Овцы могут попасть в руки врага. Хорошо бы успеть пригнать их. Лейпанов того же мнения.

Майор Телия снарядил команду, и через два часа у нас было триста овец. Сто семьдесят пять из них мы передали 810-му полку. Телия оставил для своей части сто, двадцать выделили минометному дивизиону, а остальные пять достались штабу.

810-й полк начал готовить на дорогу жареную баранину, а штаб занялся разработкой плана обхода Клухорского перевала.

Решили создать два отряда. Первый — под командованием майора Смирнова, а второй — во главе с заместителем командира полка майором Кириленко.

Отряду Смирнова предстояло двигаться по северным скатам Главного хребта, охватить Клухор с севера и во взаимодействии с 394-й дивизией уничтожить противника на перевале. Отряду Кириленко ставилась задача прикрывать Смирнова от атак немцев слева и затем совместно с ним ударить на Клухор. Одна рота — резерв полка — должна была следовать сзади, чтобы не дать противнику атаковать отряды с тыла.

Проводниками пошли Лейпанов и Панаев.

Когда выступали в путь, Лейпанов подвел своего коня.

— Дарю тебе, товарищ Абрамов. Настоящий кабардинец. Кончится война, приезжай в Теберду. Дашь телеграмму, встречу на границе.

Отряды вытянулись длинными лентами и ушли вправо по хребту, чтобы спуститься подальше от немцев. Хвост их скрылся за возвышенностью, а мы с комиссаром все стояли, смотрели в ту сторону и прислушивались…

* * *

На следующий день снова поднялись к Телия. Заметно похолодало. Люди прижимались к холодным камням, тщетно пытаясь укрыться от ветра и дождя.

— Как сделать, чтобы защитить людей от холода? — спросил комиссар.

— Разжечь костер и кипятить воду для чая, — ответил я. — Так поступали русские солдаты испокон веков.

— Поблизости дров нет, — сообщил Телия.

— Назначьте специальную команду для заготовки и доставки дров.

Казалось бы, простое дело — доставка дров, а каким сложным оно оказалось! Чтобы спуститься с перевала, пройти через морену, собрать в лесу вязанку дров или хвороста и принести на себе, бойцам выделенной команды требовалось 8–10 часов…

Под вечер из боевого охранения прибежал посыльный. Командир роты лейтенант Тарасов сообщал, что немцы начинают окружать высоты, и спрашивал, как ему поступить.

— Стоять до последней возможности, — подтвердил Телия прежний приказ.

Через полчаса со стороны высот донеслись грохот рвущихся мин, треск пулеметных и автоматных очередей. В бинокль было видно, как горные егеря залегли и начали стрелять. Цель их ясна: ошеломить обороняющихся и «под шумок» обойти высоту с флангов, зайти в тыл.

Рота могла бы задержать врага, пока хватит боеприпасов. А потом, пользуясь темнотой ночи, прорваться на перевал. Но в ней, как и во всем полку, много молодых солдат, еще не нюхавших пороха. Не пришлось после училища воевать и лейтенанту Тарасову. Не сумев организовать упорного сопротивления, Тарасов отошел еще до вечера.

А ночью поступило неприятное донесение от майора Смирнова. Оказывается, выступление отрядов к Клухору было замечено противником: они подверглись обстрелу. Смирнов потерял наиболее важного союзника — внезапность.

Потом прислал донесение майор Кириленко. Он сообщил, что группа, выделенная для получения продуктов на руднике, была встречена огнем. Рудник занят фашистами.

С утра 30 августа погода окончательно испортилась. Телия позвонил, сказал, что на перевале выпал снег.

Через полчаса снова звонок. Майор сообщает о наступлении противника. Я посоветовал подпустить немцев поближе, а затем встретить залпами, постараться захватить пленного, а если не удастся, подобрать документы убитых.

Мы с Буинцевым тут же поспешили на перевал. На этот раз поднялись туда с большим трудом, в пути несколько раз отдыхали.

Наступление противника было отбито еще до нашего прихода. Солдаты-горцы применили свою тактику. Они сбросили несколько крупных камней, и те причинили врагу вреда больше, чем пули.

Когда противник откатился, за одним из валунов нашли двух перетрусивших егерей. На допросе они сообщили, что их. корпус переброшен из Германии и имеет задачу к 1 сентября овладеть перевалом, спуститься к морю и захватить Сочи, Сухуми и Батуми.

Нас заинтересовало снаряжение и обмундирование пленных. У каждого за спиной добротный ранец с меховой крышкой. На ногах ботинки с шипами, в руках — ледорубы. Словом, настоящие альпинисты.

Защитники перевала оживленно обсуждали подробности боя. Для большинства это вообще первое горячее дело. Настроение приподнятое, хотя люди обессилели от холода и недоедания.

* * *

Когда же кончатся трудности с продовольствием? Прибывший из Сухуми офицер рассказал о большой работе, которую проводят областной комитет партии и городской комитет обороны, чтобы наладить транспортное сообщение с нами, обеспечить части продовольствием, медикаментами, инструментом, связью. Но, как говорится, пока солнце взойдет, роса глаза выест.

Надо что-то предпринимать, хотя бы для улучшения доставки дров. Как раз на обратном пути с перевала встретили группу дровоносов. Они еле бредут под тяжестью вязанок и мокрой одежды. Мы с Буинцевым знаем, почему мокра их одежда, понимаем, что в этом немалая доля нашей вины.

Несколько дней, как обосновались около водопада, а через реку Марух по-прежнему переходим по двум жердям. Я сразу же приказал корпусному инженеру майору Бакланову устроить надежную переправу. Тот ответил: «Слушаюсь!» — и ничего не сделал. А когда я вызвал Бакланова и спросил, почему мосток не наведен, он стал отнекиваться:

— Это дело саперов. Дайте мне отделение специалистов, поперечные пилы, топоры, скобы и через три дня я вам построю любой мост.

— Вы знаете, товарищ Бакланов, что саперов нет. Разве

нельзя сделать простую переправу с помощью штабной команды? — вмешался комиссар.

— Голыми руками ничего нельзя сделать. К тому же, повторяю, нужны саперы.

— Ну вот что, — мне надоел этот разговор, — даю вам два дня и чтобы улучшили переправу.

Но и после этого Бакланов ничего не сделал. На наших глазах люди срывались в воду. Я решил проучить инженера, может быть, несколько жестоким способом. Вызвал к себе и приказал срочно выйти на перевал проверить состояние обороны.

Через несколько минут с вещевым мешком за плечами инженер подошел к реке, остановился в нерешительности. Оглянулся, потрогал ногой скользкую жердь, потом сделал несколько неуверенных шагов и сорвался в воду. Отряхиваясь, он что-то ворчал себе под нос, а командиры на берегу смеялись.

На другой день к вечеру через реку перекинулся легкий, но надежный мостик…

* * *

29 августа батальон егерей предпринял еще одну попытку забраться на перевал. Подпустив фашистов достаточно близко, ослабевшие от голода и холода бойцы открыли огонь и сбросили заранее подготовленные камни. Враг вынужден был отойти.

Хуже обстояли дела у Смирнова. Он продолжал присылать тревожные донесения. Дорогу ему перекрыл сильный заслон врага. Отряд вынужден был отойти несколько назад и задержаться на склонах горы Кара-Кай.

Противник грозил даже отрезать пути возвращения полка на Марухский перевал. Немцы подошли так близко, что днем бойцы не могли двигаться по хребту. К тому же кончилось продовольствие, подходили к концу боеприпасы.

Обувь порвалась, а погода стояла холодная, дул резкий ветер. Смирнов спрашивал, продвигаться ли ему на Клухор или возвращаться? За шесть дней боев 810-й полк потерял много солдат. Сейчас он находился в окружении численно превосходящего противника. Настаивать на том, чтобы полк без продовольствия и почти без боеприпасов пробивался на Клухор, значило обрекать людей на истребление. Штаб армии на мои запросы по этому поводу ничего не отвечал, и, посоветовавшись, мы с Буинцевым взяли ответственность на себя. Я послал Смирнову приказ отойти. В ночь на 2 сентября остатки полка прорвались к нам и расположились в лесу позади «горного

штаба».

Мы с Буинцевым тут же отправились туда и долго беседовали с бойцами и офицерами. Люди похудели, измучились, у многих одежда превратилась в лохмотья.

Военком полка старший батальонный комиссар Ведерников с горечью говорил о том, что из сорока коммунистов в живых осталось только пятнадцать. Но и враг понес большие потери.

Ведерников рассказал нам о бое роты, прижатой батальоном егерей к отвесным скалистым стенам. Вражеские снайперы вывели из строя командира роты, командиров взводов. Старший политрук П. Иванов принял командование на себя. Группа егерей с помощью скальных крючьев поднялась на господствующую высоту, пытаясь обойти роту с фланга. Иванов пополз им наперерез. Вместе с сержантом коммунистом В. Комаровым он залег за камнями и задержал егерей. В перестрелке погиб Комаров. Враги стали окружать старшего политрука. Тяжело раненный, он подпустил их почти вплотную и с криком: «На прорыв, товарищи!» взорвал гранатой себя и нескольких гитлеровцев. Бойцы роты бросились врукопашную и пробились к полку.

Хотя Смирнову и не удалось выйти на Клухорский перевал, он все же облегчил положение 394-й дивизии, оттянув на себя некоторые силы врага.

Это подтвердил прибывший к нам 2 сентября из Сухуми второй секретарь ЦК компартии Грузии К. Н. Шерозия, назначенный уполномоченным Военного совета Закавказского фронта на Клухорском, Марухском и других перевалах.

Тут же вместе с уполномоченным мы разработали новый план обороны с использованием полка Смирнова. Новая система огня предусматривала отражение врага как с фронта, так и со стороны гор Кара-Кай и Марух-Баши.

* * *

Под вечер из штаба армии прибыл связной и сообщил приятную новость: через два — три дня с армией будет телефонная связь.

Буинцев выдвинул интересную идею. Он предложил выйти навстречу связистам, позвонить по телефону командующему армией, доложить обстановку и попросить боеприпасов, продовольствия, инженерного имущества. Ведь началась осень, не за горами снежные метели и бураны, столь частые в горах, и нам пора строить землянки, рыть окопы.

Решено было отправиться мне, Буинцеву, Заступе. Заодно мы проводим Шерозия. Уже подвели лошадей, а меня что-то беспокоит. Когда тронулись в путь, я настороженно прислушивался, не раздадутся ли позади звуки горячего боя.

— Что, не хочется с насиженного места уходить? — пошутил Шерозия.

— Беспокоюсь за перевал.

— По-моему, нет оснований. Он надежно прикрыт. Да и Смирнов командир расторопный, сумеет отразить атаку врага.

Ночь застала нас на маленькой площадке. Мой адъютант, младший лейтенант Чабан, ушел вперед и первым связался с Сухуми по телефону.

Вернулся он утром и передал распоряжение штаба армии. Мне предлагалось возвратиться на перевал, а остальным следовать в Сухуми. Сообщали также, что скоро к нам выступит караван с боеприпасами, продовольствием, инженерным имуществом.

Не задерживаясь, мы с Чабаном пустились в обратный путь. На одном из спусков моя лошадь поскользнулась, упала на бок и придавила мне ногу. Чувствуя опасность, умное животное лежало не шевелясь. Я осторожно освободил ногу. Потом мы перочинными ножами сделали выемки в осыпи для копыт лошади. Она скосила глаза, как бы проверяя нашу работу, и осторожно поднялась. После этого мы благополучно спустились с высокого и крутого склона. Но нога моя болела, и я все чаще садился в седло. Когда подъезжали к поляне, у реки Марух со стороны перевала послышались выстрелы. Солнце завершало свой дневной путь, наступили сумерки. У домика километрах в 10 от перевала встретили несколько бойцов и командиров.

— Что случилось? — спрашиваю их.

— Немцы захватили перевал!

— Как захватили? А где же полки Телия и Смирнова?

— Отступили, — ответил один из офицеров. — Находятся недалеко в лесу. Часть бойцов разбежалась.

Я приказал офицеру:

— Вместе с младшим лейтенантом Чабаном идите к реке и никого не пропускайте в тыл. Ко мне вызовите командира 810-го полка.

Смирнов явился в 3 часа утра. Вместо подтянутого офицера передо мною стоял согнувшийся, удрученный горем человек.

— Рассказывайте, как все случилось?

— Прямо понять не могу. Вчера около двенадцати часов дня немцы открыли артиллерийский и минометный огонь. А потом над перевалом появились три самолета, стали бомбить. Вы

понимаете, укрытий от бомб там нет, бойцы побежали прятаться в скалы. Батальон егерей воспользовался замешательством и начал подниматься вверх, до двух рот противника стали выходить по леднику на нашу дорогу. Подразделения 808-го полка еще больше растерялись.

— А ваш полк почему не перешел в контратаку, не оказал Телия поддержки?

— Все произошло так быстро, что, когда наши роты выступили по лощине, немцы уже заняли фланговые высоты и открыли оттуда сильный огонь. А потом паника перебросилась и на моих солдат, по-настоящему не обстрелянных! Увидели, что отходит 808-й полк, и сами снялись с места.

— Ну так вот, возвращайтесь сейчас к людям, соберите всех, постройте на полянке за лесом и ждите меня.

Ночь помешала противнику продвинуться к истокам реки Марух. А сделай немцы это — они могли бы выйти на левый фланг наших войск, наступавших у Клухорского перевала. Я решил любой ценой отбросить их назад.

Рассвет только-только начал разгонять темноту. В лесу выстроились остатки двух полков. «Маловато!» — отозвалось болью в сердце.

Я нарочито громко поздоровался и услышал дружный ответ. Он раскатился эхом по долине в сторону перевала. Его, конечно, услышали немцы, наверное, подумали, что мы получили подкрепление. Пусть думают. Нам это на руку-

— Сколько в строю? — спрашиваю Смирнова.

— Четыреста шестьдесят человек!

Да, не очень-то много! Самое главное сейчас — переломить у людей настроение, убить страх перед врагом. Нужно поговорить с ними. Пожалел, что рядом со мной нет Буинцева. Тот бы сумел зажечь бойцов. А я оратором никогда не был. Все же важность момента и долг воина подсказали нужные слова:

— Дорогие товарищи! Вчера случилось позорное дело. Мы отдали врагу перевал, открыли ему путь на Сухуми. Случилось это потому, что среди нас оказалось несколько трусов. Это они побежали с поля боя и посекли панику в ваших рядах. Слабые волей сейчас блуждают по горам, а самые стойкие и мужественные стоят здесь в строю. Мало нас, но вполне достаточно, чтобы прогнать врага. Он смел, когда втрое сильнее да с ним танки, артиллерия, авиация. А стоит ему дать как следует по зубам, и побежит. Сами сегодня убедитесь в этом. Через несколько минут начнем наступление.

Я тут же при всех поставил боевые задачи:

— Лейтенанту Мельнику со своими разведчиками уточнить

местонахождение противника, его боевой порядок. Майору Кириленко с ротой подняться на правые господствующие высоты и атаковать врага оттуда. Восемьсот десятый полк должен наступать по долине реки Марух, а полк майора Телия будет двигаться за ним в готовности развить успех. Сейчас шесть часов, а в шесть пятнадцать всем занять исходное положение.

Поляна тут же опустела. Используя оставшиеся несколько минут, я сел на пенек и написал донесение в штаб армии, изложив обстоятельства потери перевала. Одновременно сообщил, что с 460 бойцами пытаюсь восстановить положение. Снова повторил просьбу прислать подкрепление, боеприпасы, продовольствие и все необходимое для создания оборонительных сооружений.

С донесением отправился майор Бакланов. Он обещал ехать как можно быстрее, на четвертый день прибыть в Сухуми, лично доложить обо всем и тут же вернуться.

Прибежал связной от Мельника:

— Товарищ полковник, за первым поворотом дороги мы встретили сильное боевое охранение противника.

— Чабан, быстро к Мельнику! Передайте: пусть он пошлет отделение в обход немцев и затем быстро атакует их. Когда те побегут, пусть преследует по пятам и на их плечах смело вклинится в оборону врага. Восемьсот десятый полк подтянется поближе и в случае чего поддержит разведчиков.

Чабан и связной ушли, а я поспешил к Смирнову. Познакомил его с распоряжением, которое только что отдал Мельнику.

События развернулись точно по нашему плану. Отделение разведки скрытно зашло в тыл боевому охранению противника и открыло огонь. Враг был озадачен, даже прекратил стрельбу. Мельник воспользовался этим и с криком «ура» бросился вперед.

Немцы стали поспешно отходить, а потом просто побежали.

Правофланговый отряд Кириленко сделал бросок и вышел во фланг основным силам егерей. Одновременно на боевой порядок противника обрушился наш минометный огонь, пулеметные и автоматные очереди с фронта и с правого фланга. А потом полки пошли в атаку.

За первый день мы с боями продвинулись на четыре километра.

С наступлением темноты у меня собрались Смирнов, Кириленко, Телия, Мельник и политработники. Уныние и растерянность как рукой сняло. Все бодры и полны решимости идти вперед. По сообщению командиров, и у бойцов настроение заметно поднялось. Это отрадно!

Я начал излагать план действий на завтрашний день:

— Сегодня, отступая, враг не имел возможности занять высоты на флангах. Ночью он тоже не решится на это, а постарается выйти туда с утра пораньше. Мы должны упредить его… Майор Кириленко, вы выступите перед рассветом. Постарайтесь занять гребень горы на правом фланге немцев. — Основным силам восемьсот десятого полка то же самое сделать на левом фланге. — Полк майора Телия будет атаковать в лоб по долине. Действовать ему надо смело и быстро.

Буинцева заменил старший батальонный комиссар Ведерников. Он сделал указания по политическому обеспечению предстоящего боя. Попросил, чтобы командиры и политработники побеседовали с бойцами, обратили их внимание на то, что наша небольшая группа благодаря умелым и смелым действиям заставила бежать тысячи немцев. Завтра, если проявим такую же решимость, противник снова не устоит. Ведерников предложил собрать в полках коммунистов и комсомольцев, разъяснить им задачу и призвать, чтобы они воодушевляли остальных.

К рассвету все заняли исходное положение. Я дал три выстрела из автомата — сигнал к бою. Наши минометы произвели огневой налет по боевому порядку противника. Люди тут же поднялись и пошли вперед.

Врага мы застали врасплох. Как и накануне, он не выдержал нашего комбинированного удара с флангов и с фронта, стал отходить. Но на склонах горы притаились два пулемета и несколько автоматчиков. Когда наши бойцы бросились преследовать отходившего противника, те обстреляли их. Пришлось залечь.

Майор Кириленко, усатый крепыш, повел свой отряд в обход огневых точек противника. Забравшись на площадку, метрах в восьмидесяти выше пулеметного гнезда фашистов, бойцы Кириленко сбросили вниз большой камень. Тот увлек за собой много обломков, и вся эта лавина накрыла пулеметчиков.

Майор Смирнов тоже уничтожил огневую точку врага. Но он сделал это иначе: его бойцы подобрались к врагу и забросали его гранатами. В первом часу, поддержанные огнем и ударами с флангов, подразделения Телия снова поднялись в атаку. Немцы стали поспешно отходить. Мы преследовали их до места, где раньше располагался штаб «горной группы» и здесь были остановлены сильнейшим огнем.

Идти сразу в третью атаку я счел нецелесообразным. Приказал отрядам закрепиться, а Мельнику предложил разведать оборону противника.

В семнадцать часов опять атаковали. Противник встретил нас таким сильным огнем, что я усомнился было в успехе. Дело решил майор Кириленко, смело ударив по врагу с тыла. Егеря ослабили огонь по долине и этим облегчили действия полка майора Телия. Его бойцы решительно бросились вперед и заставили немцев отступить.

К исходу третьего дня мы продвинулись почти на восемь километров и вышли на ближние подступы к перевалу. Противник укрепился на возвышенности против водопада.

За три дня боев наши потери убитыми и ранеными составили 46 человек. Но в целом численность отрядов возросла за счет возвращения в строй около 150 бойцов, разбежавшихся при захвате перевала немцами. /- Десятого сентября мы выбили противника с рубежа вблизи водопада и основательно закрепились там. Свой командный пункт я перенес на старое место.

Противник остановился невдалеке от домика, который занимал штаб Смирнова перед выходом на Клухор.

11 сентября прибыло подкрепление — батальон курсантов Калининского пехотного училища. С ними пришел Буинцев. А еще через день появился начальник штаба корпуса подполковник Мельник с предписанием принять на себя командование. Оказывается, получив мое донесение о предстоящем наступлении с 460 бойцами, в штабе решили, что я погиб.

Мельник привел большой вьючный транспорт с боеприпасами, продовольствием и подарками от трудящихся Грузии.

Приход подкреплений не остался незамеченным противником. Он стал заметно нервничать. По ночам егеря часто открывали сильный, беспорядочный огонь, пускали осветительные ракеты.

Только я было решил организовать окончательный удар, чтобы сбросить егерей с перевала, как прибыла телеграмма замнаркома Внутренних Дел. Мне предписывалось сдать командование полковнику Тронину. Позже генерал Леселидзе заявил, что это было сделано без его ведома.

По дороге в Сухуми стояли большие палатки передового медицинского пункта армии. Здесь меня накормили сытным обедом, врачи основательно выслушали сердце и сказали, что «не мешало бы подлечиться». Но разве я мог тогда оставить войска?

И у нас лед тронулся

В начале сентября развернулись упорные бои на реке Терек, в районе Малгобека. Сосредоточив на узком фронте 3-й, 40-й танковые и 52-й армейский корпуса 1-й танковой армии, гитлеровцы предприняли мощные атаки на оборонительные позиции 9-й армии Закавказского фронта. Бои за Малгобек продолжались свыше двух недель. Город несколько раз переходил из рук в руки. Но даже захватив его, вражеские соединения не смогли развить успеха и вынуждены были перейти к обороне.

Следует сказать, что в этом была большая заслуга партийных и советских организаций Грузии, Армении и Азербайджана. Они мобилизовали десятки тысяч граждан на постройку в предгорьях Кавказа глубокоэшелонированной обороны.

А ведь противник совершенно не сомневался в успехе. После захвата Баку он намеревался направить специальное соединение на Ближний Восток для совместных действий с армиями генерала Роммеля, прорвавшимися в Египет. Осуществить этот замысел призван был специальный корпус, зашифрованный под названием «Зондерштаб Г». Он двигался вслед за группой армий «А», не вступая в бои с советскими, войсками.

Управление нашего корпуса перевели под Малгобек. Нам подчинили две оборонявшиеся бригады.

Наконец-то назначили командира корпуса. Им стал заместитель командующего нашей 9-й армией полковник Перекрестов. Этот боевой командир сразу пришелся по душе всем работникам штаба.

Наиболее важным участком в полосе корпуса являлся Кескем — большое селение, раскинувшееся в полутора километрах ниже Малгобека. Батальон, занявший оборону по северной и западной окраинам селения, накрепко закрыл противнику путь в долину.

Посоветовавшись с Перекрестовым я отправился туда. Мне понравился бодрый, молодцеватый вид бойцов. И оборона построена хорошо.

Командир батальона пригласил на чердак одного дома, откуда хорошо просматривался Малгобек.

— Видите, товарищ полковник, большое здание на склоне горы? Это бывшая школа. А теперь там что-то вроде офицерского клуба. Днем всегда тихо, к вечеру же на машинах съезжается много людей, окна светятся яркими огнями. Наши разведчики по ночам слышали в школе звуки музыки.

— А вы не пробовали накрыть здание артиллерийским огнем?

— Разве мы можем достичь чего-либо серьезного своими средствами? Вот если бы корпусная…

Я позвонил командиру корпуса, рассказал о сообщении комбата. Полковник Перекрестов предложил мне остаться в Кескеме на ночь, проверить все самому.

— Смотри, если дело стоящее, надо ударить так, чтобы вместе с черепицей полетели офицерские головы, — заключил он.

Сообщение командира батальона подтвердилось. Лишь только стемнело, в школе засветились огни. Одна за другой начали подходить автомашины, вовсю пользуясь фарами. Обидно видеть и сознавать, что оккупанты на нашей земле чувствуют себя в полной безопасности.

Выждав некоторое время и убедившись, что «съезд гостей» закончился, открыли огонь. Налет продолжался минут десять. А на рассвете в бинокль мы хорошо видели результат ночной работы артиллеристов. Здание стояло без крыши, в стенах зияли большие проломы, во дворе валялись исковерканные кузова автомашин.

Позже наши разведчики выяснили, что в ту ночь в школе погибло несколько десятков офицеров.

В отместку утром и вечером гитлеровцы подвергли Кескем сильному обстрелу и бомбежке. Но мы ждали этого, заранее предупредили войска и жителей.

* * *

Противник не оставлял своих попыток прорваться к Орджоникидзе. Незаметно для нас он снял две дивизии из-под Моздока и перебросил в район Нальчика, где оборонялась 37-я армия. 25 октября наступление здесь началось массированным налетом вражеской авиации на боевые порядки войск. Одновременно 70 бомбардировщиков нанесли удар по штабу армии, не соблюдавшему простейших правил маскировки.

Разрушение армейского узла связи и гибель ряда работников штаба нарушили управление войсками. Противнику удалось прорвать оборону на узком участке и через два дня занять Нальчик. Преодолевая упорное сопротивление частей 37-й армии, к началу ноября гитлеровцы вышли на подступы к Орджоникидзе, но были остановлены подошедшими резервами.

Советское командование решило использовать трудности противника в связи с растянувшимися коммуникациями. Переброшенный под Орджоникидзе 10-й гвардейский корпус перерезал Ардонское шоссе. Для подвоза боеприпасов и

продовольствия гитлеровцы вынуждены были использовать узкий коридор в два — два с половиной километра.

Фронт перед Ардоном занимала только что подчиненная 3-му корпусу 175-я стрелковая дивизия. Военный совет 9-й армии решил использовать ее для беспокоящих ударов по городу, чтобы заставить вражеский автотранспорт с боеприпасами, людьми и продовольствием обходить Ардон и этим еще удлинить путь.

Командир дивизии генерал-майор Пыхтин поручил командиру правофлангового 610-го стрелкового полка Рабиновичу послать в ночной налет на Ардон один батальон, чтобы он наделал там побольше шума и задержался как можно дольше.

В этом месте Терек и тринадцать его притоков образуют своеобразный водный лабиринт. Заболоченные камышовые «джунгли» по берегам рек облегчали скрытный подход к селению.

Мы с Буинцевым приехали в дивизию на следующий день после высылки батальона. О нем ни слуха ни духа. И странно, что со стороны Ардона до сих пор не слышно стрельбы.

В конце дня меня вызвал к телефону член Военного совета армии Котомин:

— Товарищ Абрамов, что нового? Батальон не возвратился?

— Никак нет. И, главное, донесений от него не поступало.

— Странно! Тогда сами отправляйтесь в шестьсот десятый полк и выясните там, на месте, что произошло. Сразу мне доложите…

Командир полка майор Рабинович еще совсем молодой офицер. До войны, по его словам, был комендантом Одессы.

— Расскажите, как вы готовили батальон, — попросил я.

— Обыкновенно. Вызвал комбата, поставил задачу. Приказал ему выступать в сумерки, утром ворваться в Ардон.

— О связи с ним условились?

— Какая может быть связь? Если только ракетами. Я полагал, что комбат сам догадается прислать человека с донесением.

Мы отправились к сараям, откуда батальон уходил в камыши. Залезли на крышу, смотрели в бинокли: окраину Ардона хорошо видно, а подступы к нему закрыты камышами.

Я распорядился выслать на розыски батальона взвод солдат. Он должен тянуть за собой провод. Майор Рабинович находил это лишним. Он держался невозмутимо, считал себя абсолютно правым.

К концу третьего дня батальон вернулся. Командир объяснил, что ночью они сбились с пути, заблудились и попали в такое место, откуда нельзя было уйти незамеченными. Только когда находившийся по соседству противник ушел, батальон

ретировался.

Я доложил в штаб армии, что командир полка плохо организовал дело, а командир батальона просто струсил. Предложил понизить обоих в должности. С этим предложением согласились.

6 ноября из штаба армии прибыл приказ повторить налет батальона на Ардон. Ответственность за все возлагалась на меня.

Когда я выезжал в дивизию, полковник Перекрестов предупредил:

— Сам в Ардон не лезь. Годы твои не молодые, а ведь, если танки нажмут, придется из города пятки смазывать…

Выделили лучший батальон. В нем большая прослойка коммунистов и комсомольцев. Командиры, политработники, агитаторы провели во всех отделениях и взводах беседы о том, какую роль должен сыграть этот налет в борьбе за Орджоникидзе. Мы не скрывали от бойцов и опасности, которой они подвергнутся, когда ворвутся в селение, переполненное войсками противника.

Предварительная наша с командиром батальона рекогносцировка позволила выбрать более удачное направление, там, где почва была суше, а видимость лучше. С наступлением темноты выдвинулись в исходное положение, за ночь почти вплотную приблизились к Ардону.

Артиллерия нас поддержать не могла. Так мы и пошли с винтовками да батальонными минометами на гарнизон, располагавший несколькими артиллерийскими батареями, немалым количеством танков.

Рано утром наши минометы дали три коротких залпа. И сразу же батальон бросился в атаку.

Разрывы мин, беспрерывная стрельба и громкое «ура» всполошили и напугали противника. Офицеры выбегали из домов в одном белье и бросались наутек к центру Ар-дона. За ними побежали солдаты. Минометчики Сломов и Агапов повернули одну из вражеских пушек, стали бить им вслед.

Наступление развивалось успешно. Батальон уже занял три четверти Ардона, когда на нас двинулись девять танков. За ними следовала пехота.

Пришлось нам отходить. Забыв, что мне под пятьдесят, прижав руку к сердцу, я старался не отстать от бойцов…

Раздумывая над этим лихим налетом, я тогда часто возвращался к мысли об упущенной возможности. Правда, батальон свою задачу решил: он расстроил на время движение войск противника под Орджоникидзе и заставил немецкое командование оттянуть сюда часть сил. Но мы не использовали

реальной возможности овладеть Ардоном и удержать его. Для этого в условиях достигнутой нами внезапности достаточно было стрелкового полка с артиллерией. Некоторое время спустя, когда изменилась обстановка, для освобождения селения потребовалось неизмеримо больше сил и жертв.

Как раз когда наш батальон отходил из-под Ардона, советские войска под Орджоникидзе уже начали активные действия. Вырвавшаяся вперед группировка противника была окружена и разгромлена. Перестали существовать 13-я танковая дивизия, полк дивизии «Бранденбург», которая еще задолго до войны специально готовилась к захвату нефтяных районов СССР, 525-й дивизион противотанковой обороны, 336-й отдельный и 1-й батальон немецкой горнострелковой дивизии, 45-й самокатный и 7-й саперный батальоны. Понесли серьезные потери 23-я немецкая танковая и 2-я румынская горно-стрелковая дивизии. В качестве трофеев было захвачено 140 танков, 7 бронемашин, 70 орудий разных калибров, 95 минометов, 84 пулемета, 2350 автомашин, два склада боеприпасов.

Операции советских войск на Северном Кавказе были тесно связаны с героической обороной Сталинграда. Северная группа, выполняя приказ Ставки, активными действиями сковала 1-ю немецкую танковую армию.

* * *

Во второй половине ноября наш корпус получил задачу овладеть Ардоном. В штаб были вызваны командиры соединений и отдельных частей, приданных нам на время операции. В ожидании их приезда полковник Перекрестов, склонившись над картой, уточнял задачу. Мозговали над картой и мы с полковником Буинцевым.

Прошло уже полтора месяца с тех пор, как Ларион Иванович возглавил политический отдел корпуса. 9 октября 1942 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ об установлении в Красной Армии полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров. В новой роли руководителя политотдела Буинцев работал так же инициативно. «Марухское сиденье» сдружило меня с ним. У нас стало привычкой жить на одной квартире или в одной землянке, помогать друг другу советом и делом.

Под вечер командиры собрались. Полковник Перекрестрв попросил всех высказаться по предложенным двум вариантам наступления на Ардон.

Первый вариант предусматривал нанесение главного удара с фронта. Достоинство его в том, что местность здесь труднопроходимая, и противник удара не ждет.

По данным разведки, оборона его здесь слабее, чем в других местах.

По второму варианту главный удар предполагалось нанести с левого фланга. Отсюда ближе к Ардону, местность открытая и позволяет использовать танки. Зато здесь противник укрепился сильнее.

Большинство командиров высказалось за первый вариант, но предложило нанести вспомогательный удар и на левом фланге.

Некоторые возражали. Я тоже считал, что в случае фронтального наступления по заболоченной местности, мы не сумеем использовать ударную силу танков, артиллерия не сможет сопровождать пехоту и надежно подавлять огневые точки противника. И еще очень важный мотив: необходимость возводить переправы через Терек, на что потребуется время и что по существу исключит внезапность.

Возражая мне, начальник артиллерии корпуса подполковник Горский заверил, что его орудия, даже если они не смогут пойти за пехотой, накроют вражескую оборону и уничтожат там все живое.

Такое твердое заявление окончательно рассеяло сомнения у командира корпуса и он принял первый вариант. Признаться, я не ожидал этого.

Взяв на себя подготовку частей, наносящих главный удар, Перекрестов поручил мне заняться левофланговой дивизией. Но как следует поработать не пришлось — не хватило времени. К тому же пошел дождь, превратившийся к ночи в ливень.

Утром артиллерия провела мощную подготовку. Части на главном направлении перешли в наступление.

С наблюдательного пункта командира корпуса хорошо видна поднявшаяся в атаку пехота. Как и следовало ожидать, ей пришлось наступать без танков. После ливня болотистые места стали вовсе непроходимыми. Большинство боевых машин застряло.

Артиллерия подавить огневую систему противника не смогла. Лишь только она перенесла огонь в глубину, огневые точки ожили и заставили наступающих залечь.

Горский повторил артиллерийский налет, но с тем же результатом. Первый день не дал успеха на главном направлении. Но левофланговая дивизия продвинулась вперед и заняла один населенный пункт под Ардоном. Атаковала второй, да подошли танки противника, и наступление здесь тоже застопорилось.

Горский кипятился, пытался доказывать, что его пушки сделали все возможное, но это никого не могло убедить.

Дня через три в штаб корпуса приехали командующий Северной группой войск генерал-лейтенант Масленников и уполномоченный Государственного комитета обороны Каганович. Они приказали собрать старших командиров штаба для разбора причин неудачи.

Совещанием руководил Каганович. Он сразу же огорошил всех заявлением, что корпус «опозорил» себя, что цель его приезда — выявить виновников для немедленного доклада Сталину.

— Прошу говорить сжато и по существу, — предупредил уполномоченный.

Первым выступил начальник разведывательного отдела. Каганович так часто прерывал его грубыми и неуместными репликами, что бравый полковник растерялся и скомкал доклад. Такая же участь постигла начальника оперативного отдела. А когда было предложено высказаться начальнику штаба Мельникову и он начал было толково разбирать ход операции, Каганович просто не захотел слушать:

— Ваши рассуждения меня не удовлетворяют, садитесь!

Подошла очередь Перекрестова. Видимо, Каганович еще до совещания основательно потрепал ему нервы. Обычно находчивый, остроумный, на этот раз наш командир ко всеобщему удивлению терялся и путался.

Наблюдая за ходом совещания, за поведением Кагановича, я никак не мог понять, почему этот человек, облеченный высоким доверием партии, так нетактично ведет себя с фронтовиками. Создалось впечатление, что его больше интересует эффект от собственных грубых и плоских острот, чем дело, в котором ему поручено разобраться. После каждой реплики он оглядывал нас, словно говоря: вот, мол, я какой умный, смотрите на меня и чувствуйте всю важность момента!

Окончательно сбитый с толку очередной репликой, Перекрестов так ничего существенного и не сказал. Каганович поднялся и, стуча кулаком по столу, обрушился на него с дикой бранью, назвал основным виновником неудач, а всех офицеров штаба обвинил в трусости.

В течение всего совещания Масленников не проронил ни слова и даже не поднял головы.

Меня Каганович не спрашивал. Я все же посчитал, что совещание в такой форме не вскрыло истинных причин неудачи и попросил слова.

— Мы спешим, — резко ответил Каганович, но Масленников

что-то шепнул ему и он разрешил: — Ладно, говорите, только покороче.

Я сказал, что оправдываться мы не вправе, что все несем какую-то долю ответственности за неудачи боя, но зачем же обзывать нас бездельниками и трусами.

Масленников поднял голову и одобрительно посмотрел на меня. Опасаясь реплики, я быстро продолжал:

— Нельзя не считаться и с некоторыми объективными причинами. Штаб корпуса имел недостаточно времени на подготовку, особенно если учесть, что соединения приданы были нам за несколько дней до наступления. Дождь и распутица серьезно вмешались в наши планы, вовсе лишив возможности использовать танки. Они же не позволили артиллерии поддерживать пехоту колесами.

— Все? — нетерпеливо перебил меня Каганович. — Ничего не скажешь, из вас бы хороший адвокат вышел. — И вдруг неожиданно спросил: — А как вы думаете, Мельников соответствует должности начальника штаба?

— Мельников — толковый офицер и хорошо справляется с работой.

— А Перекрестов? — к большому удивлению всех бесцеремонно спросил Каганович.

— Лучшего командира корпуса и не представляю. Полковник Перекрестов с первого дня войны на фронте, он храбрый и опытный начальник. Мы, все его подчиненные, уважаем комкора и считаем для себя честью, служить под его руководством.

— Хорошо, учтем ваше мнение! — с явной иронией ответил Каганович и направился к выходу.

Скоро корпус взял Ардон, и почти без потерь. Пригодились уроки ноябрьского наступления.

Пришли радостные вести об окружении и разгроме 22 дивизий Паулюса. Это еще больше подняло боевой дух советских войск. Резко изменилась в нашу пользу обстановка на всем южном крыле советско-германского фронта.

Но Гитлер с присущим ему фанатизмом продолжал на что-то надеяться и приказал командованию группы армий «А» удержаться на Кавказе. «Берега Терека, — писал он в одном из своих приказов в декабре 1942 года, — изобилующие населенными пунктами, — наиболее благоприятный зимний рубеж, который нужно во что бы то ни стало отстоять для покорения Кавказа весной».

Однако ничто уже не могло остановить победного шествия наших войск. В начале января сорок третьего года 3-й корпус совместно с другими соединениями участвовал в освобождении

Моздока и Малгобека. Бригады успешно форсировали реку Терек и начали развивать наступление в направлении Прохладной, когда поступил приказ о передаче нас в состав Черноморской группы войск Закавказского фронта.

Готовилась одна из основных операций против немецко-фашистских войск на Северном Кавказе. Южному и Закавказскому фронтам предстояло встречным ударом на Тихорецкую окружить и затем разгромить группу армий «А».

* * *

Произошли изменения в нашем управлении. Полковник Перекрестов получил в командование другой корпус, а нашим командиром стал генерал-майор Сергацков. Корпус подчинили 46-й армии.

Еще в январе эта армия пыталась освободить Новороссийск, но безуспешно. Противник превосходил ее и численностью войск, и количеством техники. Теперь сил у нас прибавилось, надо только хорошо подготовиться.

И вот началось наступление. Войска Южного фронта, особенно 5-я ударная армия под командованием генерал-лейтенанта М. М. Попова и 2-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского, успешно продвигались в направлении на Ростов и Тихорецкую. Северная группа войск Закавказского фронта, преобразованная в самостоятельный Северо-Кавказский фронт, нанесла поражение 1-й немецкой танковой армии и освободила обширные районы Кавказа.

Только наша Черноморская группа топталась на месте. Сказывались результаты задержки с переброской корпусов из-под Орджоникидзе. Немалую роль сыграла также зимняя распутица. На побережье потеплело, а в горах стоял мороз, свирепствовали бураны. Отроги Главного Кавказского хребта покрыли многометровые слои снега. Снегопады в горах и разлив рек в долинах затрудняли передвижение войск, доставку боеприпасов. Подлинный героизм проявили бойцы наших инженерных частей и тысячи жителей побережья, строившие новые дороги, расчищавшие горные перевалы.

8 февраля Черноморская группа была передана в состав Северо-Кавказского фронта. Командование провело перегруппировку, в результате которой 46-я армия отодвигалась вправо. Марш в целом прошел благополучно. Только в последний день, когда нужно было проскочить перевал Кабардинка, нас чуть

не затерло.

Дело в том, что через перевал шла единственная дорога, питавшая всю армию. Она очень узкая, и движение по ней одностороннее. Если нужно было, например, пропустить транспорт и войска от моря, то подводы и машины, шедшие в обратном направлении, задерживались внизу. Но ведь не все дисциплинированны. Многим из водителей хотелось изловчиться и проскочить без очереди. А это создавало «пробки». Днем в хорошую погоду и то рассосать их удавалось не сразу, в дождливую же и ночную пору возникали многочасовые задержки.

Генерал Сергацков поручил мне подняться на перевал и организовать регулирование движения корпуса. Прибыл туда заранее, согласовал с начальником перевала и его регулировщиками время прохода. Но с вечера похолодало, ночью выпал снег, а утром поднялась пурга. Корпус начал подъем в трудных условиях.

Днем пурга еще больше разыгралась. Ветер сбивал людей с ног, его порывы приподнимали автомашины, грозя сбросить их под откос. Только на вторые сутки перевалил через гору хвост нашей колонны.

А когда переход закончился, погода вдруг резко изменилась. Ветер стих, начало пригревать солнышко. В станице Шапшугинская, где расположился штаб 46-й армии, так развезло, что автомашины пришлось тащить с помощью трактора. Вообще, такой грязи и распутицы мне за всю жизнь не приходилось видеть…

* * *

Утром 11 февраля наша артиллерия навалилась на окопы врага. Сергацков, Буинцев и я вышли из блиндажа послушать «концерт».

— Удивительное дело, — заметил генерал, — один и тот же звук, а воспринимаешь его по-разному. Услышишь такую работу немецкой артиллерии, испытываешь неприятное чувство, а сейчас и радостно, и легко!

Через сорок минут батальоны пошли в наступление. И тут же донеслась захлебывающаяся дробь вражеских пулеметов, разрывы мин и снарядов. Стрельба артиллерии по площадям опять не дала нужного эффекта, огневая система немцев не была подавлена.

Еще и еще раз по просьбе стрелковых подразделений «боги войны» обрабатывали позиции противника. Пехота вгрызалась в его оборону и несла потери. С большим трудом к концу дня

некоторые части овладели первой траншеей, но, встретив упорное сопротивление, развить успех не смогли.

Второй день тоже не принес должных результатов. Продвижение затормозилось…

С новым командиром корпуса мы быстро сработались. Мне нравился генерал-майор Сергацков своим спокойствием, рассудительностью. Уверенность его покоилась на большом опыте — ведь еще до войны он командовал корпусом, накопил нужные знания и навыки. В обращении с людьми был ровен и прост, но в то же время настойчив и требователен.

Вечером, когда обычно стихал бой и мы сходились для подведения итогов, он спрашивал:

— Что завтра будем делать?

Я называл соединение, в котором собирался побывать.

— Хорошо, — соглашался он и советовал, на что мне обратить особое внимание. Потом говорил, куда сам отправится. Если была необходимость, он просто направлял меня по своему усмотрению.

После неудачного наступления 11–12 февраля генерал как-то заметил:

— Плохо мы знаем оборону врага, его огневую систему. Снаряды зря тратим, а подавить ее не в силах. Разведка действует слабо.

Я должен был с ним согласиться и обещал заняться этим как следует.

В подчинение правофланговой бригады входил батальон морской пехоты. Меня давно тянуло познакомиться с моряками. На следующий день после разговора я отправился к ним.

Батальон располагался на обращенном к противнику склоне невысокой горы. Противник занимал скат противоположной, поросшей лесом гряды.

Когда мы с командиром бригады подходили, командир батальона, полный, широкоплечий, прохаживался около своего блиндажа, изредка прикладывая левую руку к раздутой флюсом щеке. Познакомились. Я спросил:

— Скажите, во время последнего наступления где противник оказал батальону наибольшее сопротивление?

Комбат показал рукой:

— Вот там.

— Вы больны. Может быть, поручите кому проводить нас на передний край?

— Нет, нет. Я сам пойду. Мы к фашистам такой большой счет имеем, что должны забывать свои мелкие недуги. — И он зашагал впереди.

Когда мы смотрели в сторону противника с высоты, то местами сквозь деревья видели окопы. А спустились ниже — и лес закрыл все. Взяв с собой отделение автоматчиков, мы осторожно выдвинулись на заросшую лесом «ничейную полосу». И тут я заметил широкую просеку, поднимавшуюся наискосок в сторону противника.

Потом увидел и другую точно такую же просеку, только идущую под иным углом и пересекавшую первую. Мелькнула догадка. Желая проверить ее, приказал двум бойцам ползком продвинуться еще вперед, найти укрытие и дать оттуда несколько выстрелов.

Когда они все это проделали, вдоль просеки засвистели пули противника.

День кончился. Наступил вечер. Ночь обещала быть темной, когда можно хорошо видеть вспышки выстрелов. В голове созрел план раскрытия огневой системы врага, и я поделился им с командирами бригады и батальона. Они поддержали меня.

Мы решили выдвинуть к просекам подразделение, которое должно по нашему сигналу имитировать наступление, строчить из автоматов, кричать «ура!» Специально назначенным артиллерийским и минометным подразделениям предстояло сделать по окопам врага кратковременный огневой налет. Мы рассчитывали, что спросонок противник откроет стрельбу из всего своего оружия.

Пригласили всех офицеров батальона, расставили их на определенные места и поручили каждому указать на схеме замеченные по вспышкам пулеметы, минометы, артиллерийские батареи.

Ровно в полночь заговорили наши пушки и минометы. Враг сразу же встрепенулся. В воздух взлетели осветительные ракеты. Стала бить его артиллерия. А как только тишину ночи нарушило громкое «ура», ожил весь скат занятой противником высоты. Стрельба велась из окопов, расположенных в несколько ярусов, от подошвы до вершины.

Утром мы обработали данные наблюдения и составили схему огня противника. Теперь, если придется здесь наступать, артиллеристы получат точные координаты окопов и огневых точек для подавления.

Генерал-майор Сергацков долго и внимательно рассматривал схему.

— Собственно говоря, ничего нового нет и в то же время есть. Это многоярусные окопы… Ну и, конечно, просеки для косоприцельного огня. Теперь для обобщения и выводов надо проверить и другие участки. Ты начал, ты и доводи до конца.

На следующий день я отправился в 7-ю бригаду полковника Огородникова. Система обороны противника здесь оказалась такой же. Но обнаружилось еще одно интересное обстоятельство. Разведчики по долине реки Псиф углубились на несколько километров на территорию, занятую немцами, и обнаружили, что здесь у них сплошного фронта нет. Очевидно, гитлеровцы не опасались за этот участок, рассчитывая, что разлив реки затруднит наши действия.

Открытие было весьма важным, и мы долго не отпускали разведчиков, еще и еще раз расспрашивали их. В конце концов попросили вторично пройти по маршруту и проверить, не произошло ли ошибки. Нет! На следующий день разведчики вернулись и подтвердили свой вывод. Сергацков, как только я ему доложил об этом, помчался в штаб армии. Мы думали, что командующий не замедлит воспользоваться обнаруженными «воротами» для пропуска туда частей и удара по противнику стыла. Но он просто огорошил нашего комкора:

— Об этом вы должны были доложить мне до одиннадцатого февраля.

Да ведь мы тогда только прибыли сюда, — резонно возразил Сергацков…

* * *

Весна окончательно вступила в свои права. Земля раскисла. В низких местах стояла непролазная грязь. Машины и повозки безнадежно застряли. Грузы от станицы Шапсугинской на передовую, на расстояние 6–8 километров, доставлялись вьючным транспортом, а чаще всего солдатами вручную.

Войска испытывали перебои с питанием, не хватало фуража для лошадей. Коноводы кормили их молодыми ветками дубняка. Мы с Буинцевым не могли равнодушно смотреть на страдания своих скакунов и порой давали им по сухарю или ломтику хлеба, урывая от своего рациона.

День 9 марта чуть не окончился для нас с Буинцевым трагически. Мы пили в землянке чай, когда вбежал его ординарец Васильчиков:

— Не случилось бы худа. Что-то долго над нашей землянкой висит «рама».

Мы вышли. День выдался солнечный, погожий. Самолет «фокке-вульф» отчетливо виден на фоне ясного неба. Действительно, он описывает круги прямо над нами.

— Ну и что особенного, обычная история, — отмахнулся

Буинцев и хотел было возвращаться в землянку.

— Вернись, Ларион Иванович! — крикнул я. Затем повернулся к ординарцам: — Кузовов и Васильчиков, берите рюкзаки и скорей под откос!

Едва мы отбежали, как недалеко от землянки упал снаряд, второй, потом прилетели сразу несколько До нас донесся запах гари. Когда дым и пыль рассеялись, мы заметили, что землянка наша завалена, один снаряд угодил точно в нее.

— Не иначе, у тебя, Василий Леонтьевич, обостренный инстинкт, — Буинцев пытался шутить, но лицо его было бледно.

— Причем тут инстинкт, просто не признаю ненужной лихости, бравады. — Я сердился на друга. — Раз «рама» долго висит, значит, летчик что-то заметил, А дальше рассуждай за него логически: он должен понять, что в землянке живут офицеры, поэтому либо вызовет бомбардировщиков, либо станет корректировать стрельбу артиллерии. Я допускаю риск оправданный, если нужно, например, в критическую минуту повести в атаку цепь. Но не могу оправдать тех, кто отмахивается от опасности, рассчитывая: авось пронесет.

— Ну виноват, исправлюсь. — Буинцев обнял меня за талию и мы пошли посмотреть, что осталось от нашего жилища…

* * *

В середине марта меня отозвали в штаб Северо-Кавказского фронта. Мы тепло попрощались с Василием Фаддеевичем Сергацковым. А Ларион Иванович Буинцев провожал меня чуть ли не до Шапсугинской.

На Курской дуге

Я сижу у начальника отдела кадров фронта полковника Кузина. Во время двух предыдущих вызовов он предлагал мне должность начальника оперативного отдела штаба фронта. Я отказывался, очень хотелось остаться в войсках.

На этот раз Кузин встретил меня сочувствующей улыбкой:

— Кажется, не миновать вам штабной работы. Командующий прочит вас в свои помощники по формированию.

— Это окончательное его решение? Могу я с ним поговорить?

— Командующий в отъезде, но скоро возвратится. Торопитесь повидать его, пока не подписан приказ…

На приеме у командующего я откровенно заявил, что хотел бы еще покомандовать соединением.

— Ну что ж, если так, поедете командиром вновь формируемого двадцать первого корпуса, — согласился генерал.

Управление корпуса располагалось в Белореченской. Зайдя в комендатуру станицы, чтобы справиться о месторасположении штаба, в кабинете коменданта я застал развалившегося на кушетке немецкого офицера. Лениво потягиваясь, он поднялся и на чистейшем русском языке спросил:

— Чем могу служить, товарищ полковник?

— А вы разве не немец? — удивился я.

— Какой «немец»? — обидчиво отозвался офицер. — Я военный комендант Белореченской.

— Тогда к чему этот маскарад?

— Гимнастерка у меня поистрепалась. Неудобно представителю власти ходить кое-как. А этот китель новый.

— Эх вы, «представитель власти». У всех советских людей форма врага вызывает ярость, а вы же напяливаете ее на себя.

— А кто вы такой, что делаете мне замечание?

— Я командир двадцать первого корпуса, начальник Белореченского гарнизона. И не только делаю замечание, а отстраняю вас от должности коменданта.

Куда только девался апломб офицера, его наигранная независимость!

— Товарищ полковник, простите пожалуйста. Больше этого не будет.

Мне никогда не были симпатичны такие любители «новых кителей». Этот же просто вызывал отвращение. Ничего не ответив, я вышел из комнаты…

В отличие от коменданта работники штаба корпуса произвели на меня хорошее впечатление. Почти все из них

прошли хорошую боевую школу, участвуя в героической обороне Туапсе, в наступательных операциях января — марта 1943 года.

Мой заместитель — полковник Строило. На вид ему лет сорок пять. Носит очки, но постоянно прищуривается. У него академическое образование и большой опыт работы. В корпус пришел с должности заместителя начальника штаба Черноморской группы.

Полковник Чичин — начальник штаба. С виду тщедушен. Но еще в Краснодаре я слышал о нем, бывшем начальнике оперативного отдела штаба армии, как о чрезвычайно энергичном работнике, правда, несколько резковатом.

Начальник политотдела корпуса полковник Козлов был кадровым политработником. Представляя мне своих помощников, Павел Иванович особенно тепло отозвался о подполковнике Гуревиче. Действительно, заместитель начальника политотдела оказался серьезным, принципиальным, опытным партийным руководителем. Это и не удивительно, ведь он был призван в армию с должности первого секретаря Одесского горкома партии, являлся одним из организаторов обороны Одессы.

Понравился мне и заместитель по тылу двадцатисемилетний майор Левченко. Вначале несколько беспокоила его молодость. Но очень скоро я понял, что майор свои обязанности знает хорошо, о снабжении толкует с легкостью человека, имеющего за плечами большой опыт. Впоследствии он действительно оказался способным работником.

Позже прибыли командующий артиллерией корпуса полковник Дзевульский, опытный, боевой артиллерист, и начальник оперативного отдела подполковник Борисенко.

47-я армия отправилась в район города Россошь, Воронежской области. Эшелон за эшелоном уходили на север.

Двигались с остановками. Вражеская авиация бомбила железнодорожные узлы. В Армавире наш состав чуть не попал под удар. Хорошо, машинист попятил его километров на пять-шесть назад. Мы видели, как волна за волной заходили на город бомбардировщики врага.

На новом месте штаб обосновался возле села Поддубное, соединения разместились в окружающих лесах.

Командир 337-й дивизии Ляскин только недавно, вместе со мной, произведен в генералы. Вообще это грамотный командир. Но он долгое время был на преподавательской работе и пока что не может выработать в себе достаточной твердости и требовательности к подчиненным.

23-й дивизией командовал полковник Королев, боевой командир, дважды орденоносец. Но больше всего мне

импонировал командир 339-й дивизии полковник Кулаков. В нем привлекала большая скромность, неукротимая энергия, какая-то неуемная любовь к военному делу.

В мае начало прибывать пополнение, в основном из Средней Азии. Учитывая его национальные особенности, наши хозяйственники позаботились, чтобы, кроме сытного завтрака, обеда и ужина, бойцы имели крепкий чай.

Много времени забрала у нас с Козловым расстановка партийных сил. Мы стремились, чтобы во всех подразделениях были коммунисты и комсомольцы. Приходилось целыми днями разбираться в списках личного состава, делать различные перестановки. К середине июня наконец добились того, что в каждом батальоне появилась первичная партийная организация, а в ротах — и партгруппы.

Однажды я сидел у себя в палатке, размышляя над планом задуманных нами командно-штабных учений. Подняв голову, увидел подходившего к моему столику генерал-лейтенанта.

— Заместитель командующего фронтом Антонюк, — назвался он…

Вместе поехали в 339-ю дивизию. Полки ее занимались по расписанию. Командиры присутствовали на занятиях. Полковник Кулаков обстоятельно ответил на все вопросы поверяющего. Генерал прошел по частям, остался доволен. Уезжая, приказал:

— Я буду проводить показное занятие с командным составом вашей армии. Прошу подготовить один из стрелковых батальонов.

А через три дня, рано утром, к нам приехали командующий армией генерал-майор Рыжов, командиры корпусов, дивизий и полков. Построились на учебном поле. В стороне стоял подготовленный стрелковый батальон.

Прибыл Антонюк, поздоровался и обратился к нам с краткой речью. Смысл ее, примерно, сводился к следующему: окончательная цель нашей учебы — сколачивание подразделений и частей. Следует добиться, чтобы полки, батальоны действовали, как хорошо отрегулированный механизм.

— Сейчас я проведу занятие с батальоном, — продолжал генерал. — Будем заниматься строевой и тактической подготовкой. Тема — «Отработка строевого шага, поворотов на ходу и на месте, ружейных приемов».

По окончании строевых занятий заместитель командующего фронтом попросил построить батальон и сделал разбор. Он отметил лучшие отделения, указал отстающих, назвал наиболее типичные недостатки, на которые следовало обратить внимание.

— Сейчас проведем тактическое занятие на тему «Оборона

батальона», — объявил генерал.

По условиям игры к вечеру возможен подход передовых частей противника вдоль дороги со стороны леса, что западнее нас. Командир батальона получил приказ еще вчера. Вчера же он провел рекогносцировку, и теперь может сообщить нам свое решение.

Комбат встал. Четко доложил, как он оценил обстановку, как решил построить боевой порядок, расположить огневые средства, свои и приданные. Антонюк слушал, иногда поправлял докладчика, разрешал нам задавать уточняющие вопросы.

Потом командир батальона поставил задачи командирам рот, и началась работа. Солдаты стали отрывать траншеи, готовить огневые позиции.

Часам к шестнадцати все было готово. Мы во главе с руководителем занятия прошли по переднему краю, придирчиво осматривая результаты работы солдат, проверяя соблюдение правил маскировки. Отдельные недостатки были, но в целом батальон «закопался» хорошо.

Бойцы подразделения удостоились похвалы, а нам генерал-лейтенант Антонюк сказал:

— Вот видите, если одиночная подготовка солдат на высоте, они и в составе батальона действуют четко, организованно.

Через два дня приехал помощник командующего фронтом генерал-лейтенант Казаков и провел показное занятие «батальон в наступлении». Учение прошло гладко.

После отъезда генерала Антонюка, мы с Козловым задержались в дивизии. Командарм по секрету сказал нам, что она уходит на Тамань, где фашистские войска еще цепляются за плацдарм. И действительно скоро мы проводили Кулакова и его бойцов. Жаль было расставаться с лучшим нашим соединением и лучшим комдивом.

Взамен ушедшей пришлось срочно принять 218-ю стрелковую дивизию. В то время как в 23-й и 337-й уже шло сколачивание рот и батальонов, в новой приходилось начинать с азов. Но мы обогатились опытом подготовки и помогли командиру дивизии полковнику Дружникову ускорить боевое сколачивание подразделений.

* * *

Как-то командующего армией и командиров корпусов вызвали в город Обоянь, в штаб Степного фронта. Командующий фронтом генерал-полковник И. С. Конев проводил совещание на

воздухе. За большим столом сидели член Военного совета фронта генерал-лейтенант И. З. Сусайков, начальник штаба генерал-лейтенант М. В. Захаров, командующие 5-й гвардейской, 27, 53 и 47-й общевойсковыми армиями. На скамейках уселись и мы, командиры корпусов. Несколько позже подошел командующий 4-й гвардейской танковой армией генерал-лейтенант П. А. Ротмистров.

Генерал Конев познакомил нас с боевой обстановкой на фронтах, сообщил о том, что по данным разведки, противник собирается наступать на орловско-курском направлении и наши войска должны быть готовы не только дать отпор, но и разгромить его.

Утром следующего дня мы присутствовали на подготовленном генерал-майором Трифоновым учении: «Прорыв обороны немцев». Все было сделано на славу: авиация бомбила, танки с десантами пехоты шли в атаку. Я с увлечением смотрел и думал: «Пришло время, теперь и у нас стало достаточно техники, чтобы по-настоящему поддержать пехоту».

Когда возвращались к себе, командующий армией сказал:

— Василий Леонтьевич, готовь к маршу 218-ю дивизию. Сам пойдешь с нею. Маршрут — Купянск и обратно. Туда будешь идти в дневное время, на виду, чтобы противник заметил. Пусть оттянет от Харькова часть сил, а то там сейчас горячие бои и нашим приходится трудно. Обратный путь, наоборот, совершай ночами, днем же прячься в лесах. Время на марше используй для боевой подготовки и тренировки…

И вот мы выступили. Погода стояла прекрасная. Двигались по дорогам, где остались следы Острогожско-Россошанской операции. Это здесь войска Воронежского фронта под командованием генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова полностью уничтожили более пятнадцати дивизий врага и нанесли тяжелое поражение шести другим дивизиям.

Чтобы предотвратить внезапное нападение вражеской авиации, командир дивизии полковник Дружников хорошо наладил наблюдение за воздухом, научил части быстро расчленяться.

В один из последних дней марша отработали тему «Наступление». При этом не обошлось без неприятности. Мы всех строго-настрого предупредили: посевов не трогать. А началось занятие — и тяжелый артиллерийский дивизион развернулся на зеленом поле. Козлов сразу заметил неладное, и мы поспешили туда. Приезжаем, видим, действительно пушки на всходах. Спрашиваю:

— Почему на посевы заехали? Или вам места мало?

Командир дивизиона пожимает плечами:

— Огневую позицию командир полка по карте указал.

— Немедленно по старым следам уходите! — приказал я артиллеристу.

Недалеко, вижу, на меже четыре женщины сидят, укоризненно качают головами. Мы с Козловым подошли, извинились за небольшую потраву. Оказалось, что женщины приехали сюда из Донбасса. Война заставила их переменить профессии и работать в колхозе. А по специальности одна из них врач, другая — учительница, остальные — бухгалтер и счетовод. Мужья у всех на фронте, и вестей от них давно нет. Учительница сказала, что год назад ее муж служил в полку связи штаба Юго-Западного фронта.

Пока говорили, на женщин нахлынули воспоминания, глаза их затуманили слезы.

Чем можно утешить людей в таком состоянии? Штаб Юго-Западного фронта находился недалеко от расположения корпуса. Мне предстояла поездка туда. Я достал из сумки бумагу, карандаш:

— Пишите мужьям письма. Постараемся направить их по назначению.

Женщины оживились. Учительница говорит:

— Неужели это возможно? Может, вы просто хотите нас успокоить?

— Такими вещами не шутят! — вмешался Козлов. — Мы обещаем вам сделать все зависящее от нас, чтобы разыскать ваших мужей и переслать письма.

Через месяц нам написала учительница. Сообщила, что она и врач нашли мужей, горячо благодарила нас…

218-я дивизия благополучно достигла Купянска. Бойцам разрешили двухдневный отдых, а потом тронулись в обратный путь. Позднее командующий армией сообщил, что марш дивизии в целом признан полезным для фронта. Это означало, что враг вынужден был перебросить из-под Харькова часть своих сил.

В начале июля боевая подготовка вступила в завершающий этап. Военный совет армии в полном составе выезжал в дивизии, проверял состояние их.

* * *

В это время назревали крупные события. Еще в январе и феврале войска Воронежского и левого крыла Брянского фронтов освободили большую часть Воронежской и Курской областей,

включая города Воронеж, Старый Оскол, Тим, Курск, Белгород. Успешно шло наступление Юго-Западного фронта в Донбассе, к середине февраля был освобожден Луганск. Советские войска приближались к Полтаве.

Пользуясь отсутствием второго фронта, гитлеровское командование перебросило на южное крыло советско-германского фронта несколько новых армий и начало контрнаступление с целью окружить войска Воронежского и Юго-Западного фронтов. Но планы немецкого генерального штаба провалились. Советские войска сумели сохранить за собой всю территорию по левому берегу Северного Донца, освобожденную часть Донбасса с городом Луганском, почти всю Курскую и Воронежскую области.

Но Воронежский и Центральный фронты оказались глубоко вклинившимися в оборону немецких групп армий «Центр» и «Юг»: образовался так называемый Курский выступ или Курская дуга, шириной с севера на юг 125–140 километров и такой же глубиной.

Этому выступу и суждено было стать теперь ареной крупного сражения. Гитлеровское командование разработало план наступления на Курск с севера и юга, рассчитывая окружить и разгромить в первую очередь советские войска, удерживавшие дугу. На втором этапе операции намечалось нанести удар в тыл Юго-Западного фронта и окружить наши армии в Донбассе. Не исключалась также возможность двинуть подвижные соединения на северо-восток, в обход Москвы.

5 июля враг начал наступление. Он делал ставку на новые тяжелые танки «тигр», «пантера» и самоходные орудия «фердинанд».

47-я армия двинулась поближе к фронту. На марше член Военного совета Кузьминов вручил полкам корпуса боевые знамена.

Политический подъем в частях необычайный. В партийные организации беспрерывно поступают заявления с просьбой принять в партию.

Во время одного из привалов меня вызвали в штаб армии. Там я застал и других командиров корпусов. Совещание открыл заместитель командующего фронтом генерал армии Н. Р. Апанасенко. Пожилой, грузный, но еще достаточно бодрый, он вел себя с подкупающей простотой.

Прежде всего рассказал о положении на Курской дуге, о новых танках и самоходных орудиях врага. Предупредил, что это серьезное оружие, с ним нельзя не считаться, но и в панику впадать нет оснований. Наши танки КВ и противотанковая артиллерия успешно борются с ними.

— Все средства пропаганды следует мобилизовать для ликвидации танкобоязни, — наставлял нас Апанасенко. — Хорошо, если бы перед молодыми бойцами выступили бывалые воины, уже имеющие на счету уничтоженные танки врага.

Далее генерал объявил, что 47-й армии командование фронтом отводит почетную задачу: через боевые порядки обороняющихся частей нанести удар по врагу и освободить Белгород. Командующему армией, командирам корпусов и дивизий предлагалось немедленно выехать на передовую, чтобы ознакомиться с местностью и противником.

Мы выехали. Но на следующий день обстановка изменилась, и армии пришлось перемещаться на другое направление, к городу Короча. Оттуда через несколько дней мы двинулись еще дальше на северо-запад к городу Сумы.

Эта переброска была вызвана тем, что противник, не добившись успеха и понеся потери, начал отходить, а советское верховное командование стало сосредоточивать силы для решительного наступления. И вот 18 июля наша 47, 53, 4-я гвардейская армии Степного фронта, а также 69 и 7-я гвардейская армии из состава Воронежского фронта, перешли к преследованию врага.

23 июля было восстановлено положение, которое советские войска занимали до начала немецкого наступления на курско-белгородском направлении. Здесь у противника была прочная оборона и, чтобы прорвать ее без больших потерь, следовало хорошо подготовиться. Вместо генерал-майора Рыжова к нам прибыл новый командующий армией генерал-лейтенант П. П. Корзун. Ему было лет за пятьдесят, но выглядел он весьма бодро.

Корзун сообщил мне, что корпус будет наступать южнее Сум, и приказал провести рекогносцировку в полосе, которую занимала 232-я стрелковая дивизия генерал-майора Улитина.

1 августа на рекогносцировку со мной выехали полковники Козлов и Дзевульский, командиры дивизий, их командующие артиллерией и дивизионные инженеры.

Улитин заявил, что он предупредил части о нашей рекогносцировке. Но стоило нам выйти н-а опушку леса, откуда видны Сумы, как послышался строгий окрик:

— Стой! Руки вверх!

— Кто это? — спрашиваю.

— Караул. Поднять руки! — отвечает кто-то невидимый из кустов.

Мы выполнили требование. Начальник караула приблизился к нам осторожно, держа автомат наготове.

— Разве вас не предупредили, что здесь будет

рекогносцировка? — спрашиваем его.

— Предупредили. Но вы подошли со стороны противника.

Оказалось, мы разгуливали впереди боевых порядков наших войск. Подтрунивая над своей беспечностью, продолжали рекогносцировку. Под вечер отправились к себе по другой дороге. Моя машина шла первой, за ней три другие. Дорога пересекала поле, подходила к лесной балке и сворачивала вправо, вдоль ее кромки. Ехали, ехали и вдруг путь нам пересекла изгородь, которой обычно огораживается минное поле.

Вышли мы с корпусным инженером майором Тимохиным, стали осматривать дорогу, ковырять ее перочинными ножами. Ничего не заметно.

— Что скажете, Тимохин?

— Без миноискателя трудно что-либо сказать, товарищ генерал! Зря мы его с собой не взяли.

— Это-то верно. Но странно, почему надписей никаких нет, да и пост в таких случаях выставляется.

Майор промолчал.

Вспомнился разговор, который еще давно, в столовой резерва, завели мы о минах, о радиусе их действия. Тогда же подсчитали, сколько секунд проходит от момента нажима на мину до взрыва, и получалось, что при скорости 60–70 километров у машины есть шанс уцелеть. Но это была чистая теория. Теперь предстоит проверить на практике. Конечно, придется рисковать. Но без этого на войне не обойтись. И рисковать надо самому. Пошлешь другого, скажут: «Сам струсил, а подчиненного на смерть отправил!» Да и совесть не даст покоя. Громко объявил:

— Кажется, выехали на минное поле. Я попробую на большой скорости проскочить его. Остальным выйти из машин и ждать команды.

Дзевульский просит:

— Я грузный, позвольте мне пересесть в другую машину!

Разрешил. Человек не хочет рисковать собою и правильно делает.

Шофер газанул, и со скоростью 70 километров в час машина вынесла нас метров на сто за пролом. Удачно! Я облегченно вздохнул, вышел на дорогу, раздумывая, как поступить с остальными. Но по моему следу уже мчался виллис полковника Дружникова. Раздался грохот, машину закрыли фонтаны земли и дыма.

Я побежал туда. Навстречу идет Дзевульский без пилотки и пояса:

— Неужели я жив, товарищ генерал?

— Жив, здоров, невредим. Пострадали, кажется, только ваши пилотка и ремень! — Его успокаиваю, а сам смотрю вперед, где на дороге лежит перевернутый «виллис». Водитель корчится возле него и стонет. В 10 метрах от дороги поднялся начальник оперативного отделения дивизии майор Захарченко и, пошатываясь, направился к нам. У него перелом руки.

— А где же полковник Дружников? — спрашиваю подошедших офицеров.

Заглянули под опрокинутую машину — там его нет. Сошли с дороги, стали осматривать все вокруг. И вот метрах в пятнадцати от места взрыва нашли его лежащим ничком. Левая рука комдива покоится на продолговатом деревянном ящике — мине!

Мы подняли полковника, осторожно вынесли на дорогу. На правой щеке его, чуть ниже виска, большая кровоточащая рана. Перевязав ее, офицеры перенесли Дружникова и шофера в мою машину. Сюда же сели Дзевульский и пострадавший Захарченко. Я приказал Рахманову осторожно отвезти их в ближайший медсанбат, а за нами прислать грузовик.

Через неделю вернулся полковник Дзевульский. Он еще долго хромал и жаловался на боль в ноге. Поправился Захарченко. А полковник Дружников через три дня умер, так и не приходя в сознание.

Позже мы выяснили, что у минного поля находился постоянный пост от 232-й дивизии. Только в тот день боец ушел ужинать раньше обычного.

* * *

В середине августа командиров корпусов и дивизий опять вызвали в штаб 47-й армии. Ожидался приезд командующего фронтом генерала армии Н. Ф. Ватутина. Все стояли возле дома, обменивались новостями. Погода была солнечная, теплая. На фронте затишье, стрельбы не слышно, хотя окопы сравнительно близко. Вдали заклубилась пыль на дороге, там показались две машины» Мы поспешили в школу.

Генерал Ватутин, невысокий, плотный человек, еще сравнительно молод. Одет в комбинезон. Зашел в комнату, поздоровался, сел за стол вместе с Корзуном.

Он ознакомил нас с итогами первого этапа контрнаступления советских войск. Гитлеровское командование сосредоточило на Орловском плацдарме 37 дивизий и за два года создало вокруг Орла глубоко эшелонированную оборону. Армии Западного, Брянского и Центрального фронтов взломали ее и разгромили

орловскую группировку противника. 5 августа освободили город Орел, Контрнаступление развивалось успешно.

В то же время войска Воронежского и Степного фронтов преодолели подготовленную оборону противника у Белгорода и тоже освободили этот важный областной центр. Наступление здесь также развивается успешно, и наши армии уже ворвались на северную окраину Харькова. Освобождение второй столицы Украины — дело ближайших дней.

Но противнику удалось сосредоточить крупную танковую группировку южнее Богодухова. Один контрудар отборных гитлеровских танковых дивизий СС «Викинг», «Райх» и «Мертвая голова» на днях был сорван. Теперь по данным разведки, противник готовит прорыв на Богодухов со стороны Ахтырки.

Это сообщение командующего нас особенно заинтересовало. Ведь Богодухов и Ахтырка совсем рядом с фронтом 47-й армии. Подойдя к карте и показывая на ней пункты, Ватутин продолжал:

— Харьковская группировка противника снабжается по единственной железной дороге Киев — Полтава — Харьков. Эта коммуникация является чувствительным местом немцев, их ахиллесовой пятой. Ставка Верховного Главнокомандования поставила Воронежскому фронту задачу — стремительным ударом прорвать здесь вражескую оборону и выйти на киевскую коммуникацию. Это предстоит сделать вашей армии совместно с двадцать седьмой.

Вечером 15 августа в корпус поступил приказ. Начало наступления было назначено на 17 августа. Нам отвели полосу юго-восточнее города Сумы, придали много артиллерии.

На следующий день мы провели рекогносцировку, уточнили с командирами дивизий боевую задачу, организовали взаимодействие. Командующий артиллерией корпуса полковник Дзевульский хорошо спланировал огонь артиллерии.

К вечеру вся подготовительная работа завершилась. Мы организованно сменили оборонявшиеся части и заняли исходное положение.

Ночью в штабе корпуса никто не спал. Еще и еще раз проверяли расчеты, уточняли готовность к атаке. Перед рассветом оперативная группа штаба вышла на наблюдательный пункт.

В 7 утра разом заговорили сотни орудий, обрушив снаряды на первые траншеи врага. Через четверть часа артиллерия перенесла огонь на его вторую позицию. Решив, что наши сразу бросятся в атаку, из убежищ выскочила пехота врага, открыла огонь. А артиллеристам это только и надо. Залп по переднему краю дали гвардейские минометы. После этого оставшиеся в живых солдаты противника, опасаясь повторного залпа «катюш»,

задержались в убежищах. Мы этим и воспользовались.

Меньше чем через час командир 218-й дивизии полковник Долганов, заменивший Дружникова, и командир 337-й дивизии генерал-майор Ляскин доложили о выходе частей на железную дорогу. Я донес об этом командующему армией. В ответ услышал, что наш правый сосед, 23-й корпус генерала Чувакова, действует так же успешно.

— А как обстоят дела в 23-й дивизии, переданной соседу? — поинтересовался я.

— Чуваков хвалит полковника Королева, — сообщил генерал Корзун. — Но ты не переживай, скоро вернем его тебе.

Было еще светло, когда мы с Козловым и начальником оперативного отдела корпуса Борисенко проскочили сначала в 218-ю, потом в 337-ю дивизии. Настроение генерала Ляскина и полковника Долганова приподнятое, воинственное. Оба докладывают, что бойцы дерутся с большой яростью.

Козлов разослал в части политработников. Мы освободили за день около двадцати населенных пунктов. Надо было разъяснить бойцам важность первой победы и необходимость наращивать усилия.

К 23 часам бой затих. Дивизии закрепились на достигнутых рубежах северо-восточнее города Тростянец, стали приводить себя в порядок, пополнять боеприпасы.

За ночь Гуревич вместе с начальником разведки корпуса Поздняковым опросил несколько десятков пленных. В ходе допроса выяснилось, что наше наступление оказалось для немцев неожиданностью. Многие солдаты противника перестали верить в возможность победы над СССР.

* * *

Вторые сутки мы без сна. Но нервное напряжение помогает преодолеть усталость.

Перед рассветом ко мне зашли Чичин и Дзевульский. Развернули карту, стали изучать район предстоящих боев. У противника выгодная местность. Можно ожидать не только большего сопротивления, но и танковых контратак.

Положение осложнялось еще и тем, что связь с левым соседом — 4-й танковой армией — нарушилась. Ее соединения, окружив группировку противника, естественнно, замедлили наступление, несколько отстали. Наш левый фланг оказался открытым.

Как мы и ожидали, на другой день сопротивление

противника стало возрастать. Каждый населенный пункт, каждый удобный для обороны рубеж приходилось брать с боем.

Нам не вернули 23-ю дивизию, а дали другую, 206-ю, которая вышла на левый фланг корпуса. Поскольку наступление 218-й и 337-й дивизий в целом развивалось успешно и обстановка здесь не внушала опасений, я выехал в новую дивизию.

Ее штаб располагался в большом лесу восточнее деревни Артемовка. Дивизия была боевой, полнокровной, и у меня сразу появилась уверенность в прочности фланга.

С командиром дивизии поднялись на его наблюдательный пункт, оборудованный на дереве. Отсюда в бинокль хорошо просматривается впереди лежащая местность. Вижу разрывы снарядов, мин, но передвижение наступающих обнаружить не удается. Спрашиваю:

— Почему ваши не наступают?

— Огневое сопротивление большое, а танковый батальон, поддерживающий нас, действует крайне неуверенно.

Действительно, я увидел три наших танка, медленно взбиравшихся на возвышенность перед занятой врагом деревней. Головной поднялся на высотку, почему-то остановился и почти тут же окутался клубами черного дыма.

Второй танк свернул вправо, начал так же медленно, временами останавливаясь, огибать возвышенность. Но лишь только он вышел из-за укрытия, в него тоже угодил снаряд.

Я приказал остановить танки и вызвать командира батальона.

— Разве танкисты так действуют? — спросил у него, когда он явился. — Ведь вы лишаете ваши машины главного — маневренности и ударной силы.

— Мы не знаем противника, — ответил командир, — Потому водители и действуют неуверенно.

Из дальнейшего разговора я понял, что командир дивизии в дела танкового батальона не вмешивается, а комбат не посчитал удобным расспрашивать его об обстановке.

— Вышлите с разведчиками дивизии своих людей, — приказал я танкисту. — Пусть ознакомятся с местностью, засекут батареи врага. Сделайте заявку дивизионной артиллерии на подавление мешающих вам противотанковых средств.

А когда командир батальона ушел, пришлось круто поговорить с командиром дивизии:

— Если вам приданы танки, вы должны распоряжаться ими и заботиться о них…

* * *

Вспоминая сейчас те далекие события, я прямо удивляюсь, до чего мы были беспечны. Скорее всего, это происходило от успехов, которые некоторым начали кружить голову. 22 апреля противник, хотя и не сильно, но наказал нас за это.

В оперативную группу штаба корпуса входили полковник Козлов, полковник Дзевульский, начальник оперативного отдела подполковник Борисенко, офицер при радиостанции старший лейтенант Краснокутский, мой адъютант и отделение бойцов. Расположились мы в деревне Лосевка, недалеко от Олешни, за которую шел бой. Утром, занимаясь делами, я случайно посмотрел в окно. Внимание привлек солдат с телефонной сумкой за спиной. Он как раз остановился против занятой нами хаты и несколько раз оглянулся на наше окно.

— Ну-ка, узнайте, чем он занимается, — попросил я старшего лейтенанта Краснокутского.

Возвратившись, Краснокутский доложил, что это телефонист, ищет обрыв линии связи. Старший лейтенант удовлетворился ответом, не задумавшись над тем, откуда здесь взялась телефонная линия.

Все же нашелся бдительный солдат, заподозривший неладное и задержавший «связиста». В телефонной сумке у того обнаружили портативную рацию. Потом выяснилось, что это шпион. При отступлении немцы оставили его, переодетого в нашу форму, в одной из деревень. Два дня он бродил по ближним тылам армии, передавал в Ахтырку координаты важных целей. Возможно, успел сообщить и о нашей оперативной группе. Во всяком случае, авиация противника подвергла Лосевку жестокой бомбардировке.

А тут еще начальник штаба Чичин проявил ненужную поспешность и примчался к нам.

Только я освободился и собрался выехать в дивизию, как во двор въехала штабная рация. За ней легковая машина. Чичин выскакивает из нее и шагает навстречу мне улыбающийся.

— Решил, товарищ генерал, придвинуться к вам. Хочу тоже быть поближе к частям.

— Ну ладно, пойдем покажу тебе части. — И веду его на дорогу.

— Видишь за Олешней холмы с лесом?

— Вижу.

— Так вот, там противник. Он твои машины тоже хорошо видел. Пока еще спокойно, жми скорее назад и рацию уводи.

Лицо у Чичина растерянное:

— Слушаюсь!..

В это время подошла машина неизвестного мне генерала, и я

вынужден был заняться с ним.

— Генерал-майор Варенников, представитель Ставки, — представился вновь прибывший.

До этого я слышал, что Варенников был начальником штаба Донского, затем Воронежского фронтов. Мы сели за стол. Генерал развернул карту и по ходу моего доклада наносил на нее положение частей. В окно постучали:

— Воздух!

Тут же послышался свист падающей бомбы и сильный взрыв. Из рамы посыпались стекла. Только подбежал к двери, как громыхнуло сразу несколько взрывов. Дверь в сенях сорвало с петель и отшвырнуло к стене. Хата зашаталась.

Во двор выбегать опасно. А что делать? В какую-то долю секунды решил: надо спрятаться за печь.

Бомбы продолжали рваться. Крышу словно ветром сдуло. Потолок расползся, и на меня сыпались глина, песок, опилки.

Но вот стало тихо.

Стряхнув с головы мусор, нагнувшись, чтобы не задеть осевшую притолоку, я вышел на улицу. У самого крыльца чернела воронка. В глубине двора, там, где покосилась исковерканная штабная машина с радиостанцией, воронок много. Соседний дом в пламени.

Из щели выскакивает Краснокутский. Увидел меня, спрашивает:

— Живы, товарищ генерал? А я бог знает что придумал, уж очень здорово хату покорежило…

Снова сигнал воздушной тревоги. Я залез в убежище и попал в объятия Варенникова:

— Не чаял, брат, тебя живым увидеть.

Убежище — картофельная яма. Из нее нам хорошо виден самолет противника, приближающийся со стороны Ахтырки. Сделав над деревней круг, он сбросил еще три бомбы и удалился.

Надо думать, больше нас бомбить не будут. Вылезли из убежища. Генерал Варенников шутит:

— Поеду к Чувакову, может там лучше примут, обедом угостят…

А я решил пройтись по деревне, выяснить, кто пострадал, кто в какой помощи нуждается. Погиб оперативный дежурный, находившийся на радиостанции. Осколок попал ему прямо в висок.

Безрассудно смелая врач батальона связи Яковлева погибла из-за своей беспечности. Она не ушла в укрытие, даже не легла на землю. Просто стала у дерева, заявив, что хочет все видеть. Осколок попал ей в грудь.

Пострадало и несколько человек, прибывших с Чичиным.

Распорядился о похоронах убитых, эвакуации раненых и выехал в 218-ю дивизию.

Полковник Долганов перенес свой командный пункт на кладбище. Меня это удивило. Ведь Кладбищенская роща находилась рядом с шоссе и являлась прекрасным ориентиром.

— Чем вы руководствовались, полковник, располагаясь здесь?

— Удобством наблюдения и управления частями.

— Есть еще один принцип — скрытность размещения, которым тоже пренебрегать не рекомендуется. Немедленно перебирайтесь отсюда.

— Хорошо, сейчас распоряжусь. Распорядиться распорядился, но выполнить его указания не успели. Налетели бомбардировщики.

Мы с Долгановым залегли прямо между могильными холмиками. Земля вздрагивала от взрывов. Одна бомба разорвалась совсем рядом, осколки пронеслись над головами, нас засыпало землей. А мы лежали не шевелясь. Но вот рокот моторов удалился. Поднялись, посмотрели друг на друга, стряхнули землю.

— Чтобы вам, товарищ генерал, приехать на полчасика раньше! Успели бы прогнать нас с этого проклятого места.

Шофер Рахманов подбежал обрадованный:

— Живы! И я невредим! А машине нашей, кажется, досталось.

Действительно, осколки прорубили в нескольких местах кузов, разбили смотровое стекло, повредили сиденье, покорежили ствол моего автомата. Но, к удивлению, мотор цел и машина бегать может.

Под ней лежал солдат с раздробленной головой. Он залез туда, чтобы укрыться. Вообще же, к счастью, людей пострадало мало. Больше досталось кладбищу: деревья поломаны, могилы разрушены.

Позвонил Чичин, сказал, что меня вызывает командарм к ВЧ. А когда прибыл к себе и связался с армией, оттуда сообщили, что Корзун выехал в Олешню.

— Как в Олешню? Там же немцы, — говорю начальнику штаба армии.

— А танкисты передали, что вся деревня освобождена.

— Неправда! На южной окраине еще противник. Шоссе от вас ведет именно туда.

— Тогда постарайтесь перехватить генерала.

Я помчался к шоссе наперерез. Когда подъезжал к нему, мимо прошли две легковые машины командарма. Я кричал, подавал знаки, но их не заметили. Осталось обратиться к Рахманову:

— Гони!

Шоферу только дай волю! Мы помчались по шоссе, на котором стояла плотная, густая пыль. И вдруг машину резко бросило в кювет. Я едва не вылетел от толчка. Мимо нас с ужасным грохотом и лязгом пронеслось что-то громадное.

— В пылище ничего не видно, чуть под КБ не угодили, — хрипло объяснил Рахманов.

Я обернулся: по шоссе на огромной скорости уносилось стальное чудовище. Но мешкать некогда, надо догонять командарма. Говорю:

— Газуй на всю железку!

Расстояние между нами и машинами командарма сократилось. Но и противник совсем уже близко. Начался спуск к Олешне. Вынул пистолет, начал стрелять. Кто-то в последней машине обернулся. Я помахал фуражкой. Когда подъехали ближе, крикнул:

— Скорее назад! Впереди немцы!

Корзун рассердился:

— Что ты выдумываешь! Там наши танкисты! Чувствую, рассуждать и спорить некогда. Вот-вот гитлеровцы начнут стрелять. Они и до сих пор молчат, потому только, что удивлены нашим появлением или решили взять нас живыми. Словом, субординацию соблюдать не время, и я кричу шоферам:

— Слушать мою команду! Разворачивайтесь и гоните назад!

Машины развернулись. Мы поехали сзади. Вблизи дороги разорвался один снаряд, другой, потом начался беглый обстрел. Наверное, артиллеристы торопились: снаряды ложились очень неточно. Мы благополучно преодолели подъем и перевалили через гребень.

П. П. Корзун выбрался из машины, вытер пыль с лица, подошел ко мне:

— Как же так? Ведь мне сообщили, что противник выбит из Олешни.

— Пока держится на окраине, — ответил я. — Сейчас мы готовимся к решительной атаке и выбьем его.

Командарму все же хотелось побывать в Олешне, и мы проселками выехали на северную окраину. Там располагался штаб 218-й дивизии.

Начальник штаба сделал ту же ошибку, что и Чичин, — остановился вблизи противника и на виду у него. Едва мы вышли из машины, как прозвучало тревожное: «Воздух!»

Первая бомба разорвалась на дороге, вторая угодила в дом, занимаемый штабом, и он загорелся. Несколько взрывов было в саду. Но большая часть самолетов бомбила не Олешню, а

Лосевку. Хорошо, что оперативная группа корпуса успела убраться оттуда…

Вечером Олешня была очищена полностью. Наступившая ночь прекратила бой. Кончился день непрерывных бомбардировок и сюрпризов…

* * *

Из опроса пленных выяснилось, что часть ахтырской группировки противника готовится контратаковать корпус.

Значит, чтобы сорвать их план, нам следует наступать энергичней и быстрее перерезать шоссе Ах-тырка — Зеньков — Миргород. Шоссе проходило в семи километрах от Олешни.

В полки и батальоны ночью отправились офицеры штаба корпуса и политработники.

Сам выехал опять в 218-ю. Этой дивизии приходилось уделять больше внимания, потому что, как я успел заметить, полковник Долганов нуждался в помощи и контроле. Вот и сейчас позвонил я командиру полка Седых, спрашиваю:

— Приказ командира дивизии получили? Задача вам понятна?

— Письменного приказа не получал, — отвечает Седых. — По телефону мне было сказано: «С утра продолжайте выполнять прежнюю задачу!»

Я с укором посмотрел на Долганова. Тот насупился.

Чтобы ускорить дело, сам продиктовал коротенькое конкретное распоряжение, и офицеры развезли его по полкам.

Впереди тяжелые бои. Нельзя рисковать дивизией. Попросил командарма заменить Долганова полковником Скляровым. Оказалось, Корзун сам имел в виду провести эту замену. Через два часа Скляров прибыл и вступил в командование. За выполнение боевой задачи он взялся горячо, и, спокойный теперь за этот участок, я отправился к себе.

Утром позвонил командарм, выразил недовольство медленным продвижением правого фланга корпуса. Пришлось нам с Козловым и Дзевульским выехать к генералу Ляскину.

КП его разместился в глубокой балке, в стороне от дороги. Командир дивизии встретил обычными словами: «Дивизия выполняет задачу».

— Доложите обстановку, — попросил я.

Слушая генерала и глядя на карту, понял причину задержки: от головного полка отстали соседи и тот опасается за свои фланги.

Чтобы выровнять фронт дивизии, нужно было подтолкнуть отстающих. Поехали в левофланговый полк. Командир сообщил, что наступлению мешает сильный огонь артиллерии. Дзевульский связался с гаубичным дивизионом, передал координаты. Через некоторое время мы услышали «шуршание» пролетающих над головами тяжелых снарядов. Огонь вражеской артиллерии ослаб, а скоро и вовсе прекратился. Полк тут же перешел в атаку, оседлал шоссе.

А днем на шоссе вышли все дивизии, отрезав противнику путь на запад. Пленные показали, что сосредоточенные в районе Ахтырки резервы противника начали отход на юг.

Я доложил об этом командующему армией. Позже узнал, что действовавшая южнее нас 27-я армия круто повернула на север, чтобы во взаимодействии с 4-й гвардейской армией отсечь отходящие вражеские войска.

* * *

Пять дней наступательных боев, с 17 по 22 августа, позволяли нам сделать некоторые выводы. Первоначально мы действовали без поддержки танков и авиации, занятых под Харьковом, и все же имели значительный успех. Наша 47-я и соседняя справа 40-я армии глубоко вклинились в оборону противника, нависнув над его войсками, оборонявшимися под Харьковом и Сумами.

Бойцы и командиры корпуса наглядно убедились в том, что боеспособность вражеских войск значительно снизилась. Противник стал все чаще оглядываться назад, отходить, не выдерживая атак. Чувствовалось, что немецкий солдат сорок третьего года уже не тот, каким был до середины сорок второго.

А наши еще больше уверовали в свои силы, стали действовать умело и решительно.

Впереди Днепр

В двадцатых числах августа армия повернула фронт на юг, в сторону города Зенькова. Корпус тоже стал разворачиваться. Маневр осуществлялся ночью, и 206-я дивизия «потеряла» один из своих полков. Регулировщика на развилке дорог не было, полк прошел мимо и утром оказался в расположении 218-й дивизии. Но это еще не все. Командир 206-й дивизии вышел за пределы левой разграничительной линии и «вторгся» в полосу соседа.

Во всем этом виноват, был и я, и штаб корпуса. Обычно мы всегда направляли в дивизии работников штаба. А на этот раз проморгали.

Часов в десять позвонил командарм, отругал меня за возникшую путаницу. Потом пришлось все сначала объяснять командующему фронтом генералу Ватутину. Он заметил:

— Возможность отрыва полка от дивизии допускаю. Но почему сразу не исправили положение?

Я доложил, что сам узнал обо всем только утром и не рискнул заниматься перегруппировкой в светлое время, опасаясь привлечь внимание вражеской авиации.

— Вечером или в ходе операции полк станет на свое место.

Командующий фронтом с этим согласился, и инцидент был исчерпан.

Вообще разговор с генералом Ватутиным оставил самое отрадное впечатление. Он говорил спокойно, не повышая голоса. А ведь нередко в подобных случаях старшие начальники сразу переходят на высокие тона. Если у тебя нервы крепкие, стараешься спокойно ждать конца разноса, думая: «Когда-нибудь начальство «должно успокоиться и дать возможность доложить все по. порядку». И действительно, оно наконец успокаивается, излив свое раздражение, и спрашивает:

— Чего молчите? Рассказывайте. — А выслушав, благосклонно заключает: — Ну, это совсем другое дело.

К сожалению, так делали и делают еще многие.

* * *

Примерно за час до назначенного срока наступления на Зеньков противник сам атаковал нас. Его пехоту поддерживало несколько десятков танков. Артиллеристы встретили их шквалом огня. Противник откатился, оставив 7 подбитых машин.

Наши бойцы сами бросились вперед, но были остановлены

сильным огнем. Смогли только преодолеть подъем и захватить высотку, на которой как раз и остались подбитые вражеские танки.

После этого решили временно наступление приостановить, перебросить 206-ю дивизию на правый фланг, ударить там и выйти в тыл противнику.

Но этому плану не суждено было осуществиться. Вечером меня вызвали в армию. П. П. Корзун сообщил, что Ставка Верховного Главнокомандования ставит перед фронтом задачу как можно скорее выйти к среднему течению Днепра.

— В связи с этим наступление на Зеньков отменяется, — сказал он. — Армия снова поворачивает боевые порядки на запад и уже утром переходит в наступление. Главный удар наносит 23-й корпус. Ваше направление второстепенное, но атаковать вы должны решительно, чтобы оказать наибольшее содействие Чувакову. Имейте в виду: левого соседа у вас не будет, так как 27-я армия ведет бои с немецкими танковыми соединениями и несколько задержится…

Ночью сделали перегруппировку. А утро выдалось хмурое. Стал накрапывать дождь, подул холодный северный ветер. Погода обещала быть нелетной, и это нас радовало.

Наступление началось в девять ноль-ноль. С наблюдательного пункта командира 206-й дивизии генерал-майора. Меркулова хорошо видна почти вся полоса наступления. Пока по обороне противника била наша артиллерия, бойцы перебежками вышли на рубеж атаки и бросились вперед.

Враг стал отступать. Но он цеплялся за Каждый удобный рубеж, и его снова приходилось сбивать.

С тяжелыми боями продвигалась и 218-я дивизия.

Боясь отстать от Чувакова, я время от времени справлялся у Чичина, что ему известно о действиях соседа. Тот каждый раз сообщал:

— Топчется на месте.

Часов в четырнадцать позвонил командарм, потребовал ускорить темп и этим помочь 23-му корпусу.

337-я дивизия продвинулась еще. А полки Склярова не могли подняться из-за сильного огня из деревни и с высоты за ней. Посоветовал ему:

— Заставь артиллеристов расчистить дорогу, а я сейчас приеду.

Пока добирался, дивизия уже овладела деревней, но сидевший на высоте противник не позволял двинуться дальше.

Нашу машину обстреляли. Оставив ее в деревне за крайним домом, мы с адъютантом капитаном Болдыревым стали

пробираться дальше.

Встреченный офицер сообщил, что полковник Скляров обосновался в подвале дома, за ручьем. Добираться туда надо через площадь и ручей по кладкам. Но весь этот участок под огнем.

Но что поделаешь, надо идти. Моя шинель порядочно поизносилась, и солдаты противника никак не заподозрят во мне командира корпуса.

Стараюсь не подать виду, что волнуюсь, нормальным шагом пересекаю площадь и по скользким перекладинам перехожу через ручей. Над головой просвистела пуля. Ускорил шаг — и тут же хлестнула пулеметная очередь. Сделав бросок, благополучно укрылся за домом. Обернулся, вижу: шедший за мной офицер лежит у ручья убитый. Адъютант спрятался в укрытии.

Из подвала показался Скляров:

— Товарищ генерал, вы бы могли вызвать меня! А здесь опасно, немцы в трехстах метрах.

— Не надо было самому сюда забираться, — пошутил я. — А раз сделал это, то и гостям не запрещай.

Из разговора со Скляровым и командиром полка, из личных наблюдений стало ясно — дивизии надо помочь огоньком, и посильнее. Вызвал по телефону командира гвардейского дивизиона и условился с ним встретиться за деревней. Склярова предупредил: после залпа «катюш» по высоте бойцы сразу должны броситься в атаку.

Командир дивизиона ждал у моей машины. Я показал ему высоту, приказал накрыть ее залпом. Через полчаса по небу пронесся огненный хоровод. Высота окуталась пламенем и дымом.

Снова пошел к Склярову. На этот раз никто не обстреливал. Впереди слышалось громкое «ура», треск выстрелов.

Скляров еще издали крикнул:

— Высота взята!

Вместе с ним пошли туда. Впечатление потрясающее. Трава и кусты обгорели. В окопах тут и там обуглившиеся вражеские трупы. Противоположный скат тоже выглядел пожарищем, всюду валялись убитые гитлеровцы.

* * *

Вечером опять вызвали к командарму. У него генералы Рейтер, Чуваков, командир танкового корпуса генерал-майор Алексеев, генералы и офицеры штаба армии.

— Сегодняшний день принес армии» неудачу, — сказал, открывая совещание, генерал Рейтер. — Наступления на главном направлении не получилось. Достигнутый двадцать первым корпусом частный успех — продвижение на шесть — восемь километров — не улучшил общего положения. Командующий фронтом требует решительных и быстрых действий. Направление главного удара перемещается на левый фланг. Сейчас генерал Корзун поставит задачу.

Командующий армией сообщил, что в наш корпус возвращается 337-я дивизия. От Чувакова к нам переходили и все артиллерийские средства усиления.

К себе в штаб вернулся лишь к 23 часам. В маленькой комнатке собрались все работники. Решил посоветоваться с ними о предстоящих действиях. Но только начал говорить, как почувствовал тяжесть в голове, неудержимо захотелось закрыть глаза, опустить голову на стол и заснуть хоть на час-полчаса. Мысли спутались.

Я встал, извинился, попросил подождать и вышел на улицу. Шел мелкий дождь. Снял фуражку, но холодные капли не освежили. Подошел к колодцу, вытащил ведро воды, опрокинул его на голову.

После этого можно было работать, Я продиктовал приказ дивизиям, офицеры связи нанесли задачу на карты и помчались в дивизии.

Козлов и Гуревич созвали политработников. Как раз днем с некоторым опозданием прибыли газеты, в которых было опубликовано обращение правительства и Центрального Комитета Коммунистической партии Украины с призывом усилить борьбу за освобождение республики. Захватив пачки газет, офицеры политотдела тоже разъехались по дивизиями.

А ведь и прошлую ночь политотдельцы провели на ногах. Я проникся еще большим уважением к Козлову и Гуревичу, моим надежным помощникам. Почему-то на память пришли полюбившиеся еще в конце двадцатых годов строчки о коммунистах:

Гвозди бы делать из этих людей,

Крепче бы не было в мире гвоздей.

Наступление назначено на восемь утра, а сейчас еще только начало первого. Можно часа четыре поспать, но внезапно родившееся, еще не полностью обдуманное новое решение необходимо обмозговать. Поэтому попросил разбудить меня в три ночи.

Когда встал, было еще темно. Дождь перестал. С Бо-рисенко и Краснокутским выехал в дивизии.

Потревоженный генерал Меркулов посмотрел на часы:

— Еще рано, товарищ комкор, часок можно бы поспать!

— Выспимся после войны. А сейчас хочу с вами посоветоваться. Что, если мы одним полком начнем наступать не в восемь часов, а в шесть? Противник к этому не привык, он еще будет свой эрзац-кофе, пить. Если успех обнаружится, двигаем всю дивизию. Так же будет действовать и двести восемнадцатая.

— А что, в этом есть смысл, — оживился генерал. — Давайте попробуем.

Скляров встретил идею раннего наступления также горячо.

Вернувшись к себе, я договорился с Дзевульским об артиллерийской поддержке. В армию об изменении плана докладывать не стал. Неизвестно еще, как там к этому отнесутся. Гляди, обвинят в самовольстве. А я почему-то так уверовал в успех, что было обидно отказаться от задуманного.

В указанный срок артиллерия дала несколько залпов и перешла на беглый огонь. Два смежных полка, по одному от дивизии, рванули вперед. Уже через несколько минут позвонил Меркулов и радостно доложил:

— А ведь здорово получилось! Противника застали врасплох, сопротивляется слабо. Ввожу в бой второй полк.

Удача и в 218-й дивизии. Враг начал отходить. В 7 часов прибыл генерал Рейтер. Здороваясь, спросил:

— До наступления еще час, а артиллерия работает. В чем дело?

— Корпус наступает. Продвинулся на пять километров.

— Как наступает? Ничего не понимаю. Объясни толком, что произошло?

— Чуваков вчера начал в восемь и получилась неудача. Мы решили прощупать противника в шесть часов, и застали его врасплох.

Рейтер взял трубку, вызвал командующего армией:

— Поразительная новость! Абрамов уже перешел в наступление и продвинулся на пять километров. Нажми на Чувакова, пусть не отстает…

* * *

Согласно приказу штаба армии наш корпус к утру должен выйти к реке Псел.

Перед форсированием командарм решил провести рекогносцировку реки, наметить места переправ. Позвонил начальник штаба армии полковник Иванов, передал, что Корзун

уехал к Чувакову. В 12 часов будет у меня на правом фланге, у развилки дорог, где я и должен его встречать.

Взглянув на карту, я обомлел. У места предполагаемой встречи еще шли бои. Противник внес в наши планы «поправку»: в этом месте оказал сильное сопротивление и задержал выход правофлангового полка к реке. В вечерней сводке мы доложили об этом. Странно, что командарм не знает. Говорю Иванову:

— Какая может быть рекогносцировка, когда на восточном берегу еще немцы. Доложите командарму, что дорога, по которой он собирается ехать, перехвачена противником.

— Теперь придется его разыскивать. Хорошо, если он не уехал от Чувакова. Во всяком случае, вы тоже примите меры, чтобы перехватить генерала.

Я позвонил Меркулову, предложил выслать на дорогу офицера для встречи командующего. Своему начальнику связи приказал соединиться с 23-м корпусом и предупредить командарма. Кажется, принял меры, а на душе тревожно.

Действительно, ни Иванов, ни я так и не смогли предупредить Корзуна.

Потом от самого генерала узнал, как он опять чуть не попал к гитлеровцам. Ехали на трех машинах: на первой он сам, на второй — офицеры штаба, на третьей — начальник инженерных войск армии полковник Родин. Едва свернули на проселочную дорогу к сосновому бору, как с опушки раздался залп.

— Своих не узнаете, сукины дети! — вырвалось у командарма.

— Это не свои, немцы стреляют, — ответил водитель и стал разворачиваться. Полковник Родин приказал шоферу посторониться, пропустить машину командарма. Она проскочила, за ней вторая, а Родина смертельно ранило. Пулями задело кое-кого еще, но, к счастью, легко.

Все это происходило на глазах одного из подразделений 206-й дивизии. Сначала, когда машины направились к лесу, солдаты растерялись, потом стали сигналить, стрелять вверх, но привлечь внимание едущих и остановить их так и не смогли. Увидев, что начальство попало в беду, подразделения по своей инициативе бросились в атаку. Этим и было отвлечено внимание гитлеровцев от машин.

На сей раз командарма удалось спасти. Но война есть война, а генерал Корзун был человеком отчаянной храбрости и часто рисковал.

Как-то, во время боев под селом Шафоростовка, позвонил начальник штаба армии Иванов. Прерывающимся от волнения голосом, сказал:

— Василий Леонтьевич, случилась большая беда — погиб командующий.

— Не может быть! — В груди у меня что-то сжалось, и я ощутил прямо-таки физическую боль. — А как это произошло?

— Ездил почти по передовой, и машина наскочила на противотанковую мину.

Не хочется верить, что от нас ушел боевой командир и такой хороший человек. В частях его очень любили. Похоронили командарма с почестями в городе Гадяче.

* * *

14 сентября части вышли на реку Псел. Надо форсировать ее, но приданная артиллерия должной помощи оказать не могла из-за недостатка снарядов.

Псел форсировали ночью. Противник переоценил наши силы и после непродолжительного сопротивления отдал свои весьма выгодные позиции на господствующем правом берегу.

Пятнадцать километров между реками Псел и Хорол дивизии прошли с боями за день. Все мосты через Хорол противник уничтожил. Пехота еще могла перебраться, а для автотранспорта и артиллерии нужно строить мосты.

Не было лесоматериала. Но жители указали нам дома предателей. Они же помогли саперам и разбирать эти домами наводить переправы.

В ночь на 17 сентября корпус форсировал Хорол и взял направление на Ромодан — важный железнодорожный узел.

Здесь нас посетил новый командующий армией генерал-майор Ф. Ф. Жмаченко. Как и Корзун, он в сентябре 1941 года оказался в окружении, но вывел свое соединение, и как раз в район Гадяча. Теперь ему пришлось действовать в знакомых местах.

Генерал побывал в каждой дивизии, беседовал с бойцами, и я чувствовал, как это воодушевляло их. Когда вечером пошли на деревню Шафоростовку, то сразу же смяли и выбросили врага.

В деревне у крайнего дома увидел деда, старуху и бойцов, утолявших жажду холодной водой. Я подошел, поздоровался:

— Здравствуй, дедусь. Как живете?

— Бывай здоров, сынок. Хорошо, что пришли…

Старик оказался разговорчивым. Он достал кисет и, набивая трубку, улыбнулся:

— Любопытно мне, где теперь та девчонка, что бежала впереди наших, щупленькая такая, белобрысая, на боку у нее

сумка с крестом. Увидали ее немцы, лопочут по-своему: «Фурия», а сами боком, боком — и наутек.

Скоро удалось установить фамилию храброй санитарки. Мария Левицкая выглядела совсем подростком. Сирота, воспитанная в детском доме, она пошла на фронт в 1942 году и погибла в боях у Днепра в октябре 1943 года.

Да, наши девушки на фронте замечательно проявили себя, кем бы они ни были: летчицами или зенитчицами, связистками или санитарками.

Вспоминаю, как постепенно проникался уважением к ним мой шофер. Сначала Рахманов был настроен скептически:

— Баба завсегда останется бабой. Куда ей тягаться супротив мужика!

Как-то мы ехали с ним по городу Россошь, и нас остановила девушка-регулировщица. Подошла к машине, лихо «взяла под козырек»:

— Товарищ генерал, разрешите обратиться к вашему водителю?

— Обращайтесь.

— Товарищ водитель, почему нарушаете правила уличного движения?

Рахманов смерил ее презрительным взглядом:

— Нашла кого учить. Мне эти правила известны были, когда ты еще под столом ходила.

Я решил не останавливать его. Интересно, что ответит девушка.

— Во-первых, я ваших знаний раньше не проверяла. А во-вторых, согласно уставу, военнослужащие обращаются друг к другу на «вы». Последнее выполнялось и тогда, когда я еще под столом ходила…

— Ближе к делу, нам некогда. Чего еще тебе, то есть… — Рахманов сплюнул, — вам от меня надо?

— Не превышайте установленной для города скорости движения. Кроме того, не плохо будет, если погасите фары. Днем, насколько известно, они не помогают даже тем, кто плохо видит. Ну и машину следует содержать в порядке, по крайней мере протрите смотровое стекло и заодно номер машины. — Затем снова повернулась ко мне: — Разрешите, товарищ генерал, быть свободной.

В дороге Рахманов долго молчал. Видно, был сильно обескуражен. Еще бы: автомеханик, инструктор автодела в осоавиахиме, ас-водитель — и такая нотация от девчонки!

В следующий раз, когда случилось быть в городе, Рахманов повез меня не главной, а боковой улицей. Спрашиваю:

— Почему петляешь?

— Так хоть и дальше, но быстрее приедем. А то опять чего доброго, эта формалистка остановит!..

А однажды в пути у нас кончился бензин. Было это рано утром. В дорожном батальоне, куда мы заехали, в штабе дежурила девушка-старшина. Выслушав мою просьбу, пригласила:

— Присядьте, товарищ генерал. — Поставила стул, подала старый потрепанный журнал «Огонек», прибавила: — Прикажете разбудить комбата? Не надо? Слушаюсь. Тогда я сама распоряжусь.

Ушла и, явившись через четверть часа, доложила:

— Товарищ генерал, ваша машина заправлена.

— Не поссорились с шофером?

— Что вы, товарищ генерал! Он у вас очень дисциплинированный, вежливый.

Дорогой спрашиваю:

— Ну как, Рахманов, с этой девушкой недоразумений не было?

— Душой кривить не люблю. Эта службу несет не хуже нашего брата. Пожалуй, даже лучше.

* * *

Вечером того же дня подошли к Ромодану. Разведка боем и сообщения местных жителей позволили определить, что станцию обороняет сильный противник. Чтобы избежать больших потерь, мы направили 206-ю дивизию в обход Ромодана с юго-востока.

С рассветом 17 сентября началась атака. Противник оказывал упорное сопротивление, но потом стал поспешно отходить.

К 10 часам утра Ромодан был освобожден, и части, не задерживаясь, начали преследование. Шли буквально по пятам врага и поэтому он не успел уничтожить переправ на реке Сула. Через нее мы перескочили с боем в полосе Шершневка — Березняки.

За левой разграничительной линией корпуса оставался город Хорол. 27-я армия — наш левый сосед — повернула на Полтаву, и генерал Жмаченко приказал мне выделить из 218-й дивизии 272-й полк для освобождения города.

Основные же силы корпуса продолжали двигаться к Днепру. Путь нам преградила река Оржица. Стрелковые подразделения проскочили ее прямо вброд, а для техники потребовалось строить переправу.

— Товарищ Тимохин, — спрашиваю инженера, — сколько времени потребуется на возведение моста?

— Сейчас скажу. — Тимохин вынул записную книжку и стал подсчитывать. Через несколько минут доложил: — За 24 часа построим.

— Как за 24 часа? А сутки дивизиям прикажете загорать? Без артиллерии они наступать не смогут. Пока мы с вами будем заниматься зодчеством, немцы опомнятся, вернутся к реке и разметут в щепки всю нашу работу, возможно, вместе с нами.

— Товарищ генерал! Я старый сапер и много строил. Возьмите справочник инженера и проверьте. Уверяю вас — ошибки в моих расчетах не найдете. Здесь нельзя использовать много людей, фронт работ слишком узок.

— Поймите, майор, война ломает выводы теоретиков. Постройку моста надо ускорить!

— Постараюсь сделать за 18 часов.

— Этот срок тоже не годится. Сейчас семнадцать часов, надо, чтобы с наступлением темноты пушки начали переправу. Понятно?

— Понятно, товарищ генерал, но таких чудес не бывает.

Майор в корпусе недавно. Он проявил себя грамотным, культурным инженером, хорошо знал фортификационное дело. Раньше находился на преподавательской работе. В классе или аудитории, как и полагается, был, видимо, пунктуален, хорошо знал нормативы, а в полевых условиях, в боевой обстановке пока сильно спотыкался. Ему явно не хватало практики. Говорю Козлову:

— Павел Иванович, поезжайте в деревню. Объявите колхозникам, что мы просим помощи.

Первыми, как и положено, прибежали ребятишки, несмело остановились в стороне. Потом подошли взрослые, человек около тридцати. Снимали шапки, кланялись:

— Здоровеньки булы!

Я подошел к ним, снял фуражку и тоже поклонился:

— Сердечно приветствую вас и поздравляю с освобождением от фашистского ига!.. Не согласитесь ли вы, товарищи, помочь нам построить мост, но так, чтобы ночью мы уже переправились?

Ответил за всех степенный старик:

— Своей Червоной Армии завсегда и всем готовы помочь. Только дай нам трошки посоветоваться!

Я отошел в сторону, а крестьяне оживленно заговорили. Кто-то что-то доказывал, кто-то возражал. Продолжалось это «вече» минут десять, затем тот же старик, я уже знал, что его зовут Мефодием Кирилловичем Супруненко, заявил:

— Построим. Ночью проведешь свои войска.

Крестьяне поспешили в деревню. Скоро оттуда показались подводы. Начали возить бревна. Несколько человек, раздевшись, полезли с веревкой и шестом в воду. Работа закипела.

— Сколько солдат на помощь надо? — спрашиваю старика.

— Сами управимся. Да ты не бойся, не подведем. Я послал в лес, к партизанам. Там много наших парубков.

Через час подошло еще человек тридцать. Майор Тимохин смотрел на них, качал головой и в который раз твердил:

— Подведут! Ей-богу, подведут!

— Народ, Тимохин, никогда не подводит! — заметил ему Козлов.

Обозначились контуры будущего моста: из воды торчат вбитые сваи, на них легли поперечные балки, и вот уже положена первая доска настила. Едва село солнце, Мефодий Кириллович позвал меня:

— Ходь сюды, товарищ генерал, принимай работу. Топни ногой, проверь, крепко ли зроблено.

Я вызвал Тимохина:

— Проверяйте прочность, это ваша специальность. Пройдут орудия и танки?

— Должны пройти. Сделано добротно.

— И все за пять часов! А вы — восемнадцать! — Потом повернулся к колхозникам: — От имени Красной Армии большое и сердечное вам всем спасибо. А тебе, Мефодий Кириллович, как главному распорядителю и инженеру, двойная благодарность.

Ночью мы переправились…

Наступление развивалось стремительно. И это вызвало дополнительные трудности — не успевали подвозить горючее. Танки и артиллерия часто вынуждены были простаивать. А так нужно ускорить вывод к Днепру! Законы войны требуют прямо на плечах неприятеля вырваться к реке, чтобы помешать его переправе и захватить мосты, плавучие средства.

* * *

Шел тридцать первый день непрерывных наступательных боев после прорыва обороны противника под Боромлей. К нам приехал генерал-майор Жмаченко. Он недавно присутствовал на совещании, где выступал член Военного совета Воронежского фронта Н. С. Хрущев. Никита Сергеевич требовал усилить наступательный порыв войск, а для этого улучшить работу с бойцами, добиться, чтобы каждый понял значение битвы за

Днепр. Сумеем сразу форсировать реку — быстрее освободим и Правобережье, а если позволим врагу закрепиться, сбить его будет трудно, и жертв потребуется во много раз больше.

— Думаю, вы понимаете, что от нас требуется, — сказал Жмаченко, заканчивая свой рассказ о совещании. — Темпы и еще раз темпы. Понимаю, трудно вам. Не хватает горючего. Тылы отстают. Но наступление замедлять нельзя. А выйдя к Днепру, сразу же надо форсировать его…

Днепр — не Сула или Оржица. Здесь за несколько часов мост не построишь. Проходя мимо деревень, мы собирали лодки и всякие другие плавучие средства, которые могли пригодиться.

Я с Дзевульским, Борисенко и Краснокутским на остатке бензина выехали в части. Надеялись заправиться в пути, но встретить машины с горючим не удалось и мы были вынуждены остановиться в деревне Бубновская слобода, не доехав до КП 206-й дивизии.

Деревня нам показалась совсем безжизненной. За несколько часов туда не заглянула ни одна автомашина. Уже стало смеркаться.

Рахманов раздобыл буханку хлеба и крынку молока. Пока мы ужинали и думали о своем незавидном положении, к нам явилось несколько местных жителей. Сообщили, что в камышах за деревней укрылись немцы. Высказывали предположение, что ночью они обязательно пойдут по дворам и будут грабить.

— Не беспокойтесь, граждане, — успокаивал я. — Передайте всем своим, что через час-два сюда придет батальон с артиллерией. Всех немцев выловят…

Когда крестьяне ушли, Дзевульский пожал плечами:

— Удивляюсь вам, товарищ генерал. Другим вы обещаете помощь, когда сами теперь в ней нуждаетесь.

— Может, вы и правы. Но если до немцев дойдет, что сюда прибывает наш батальон, наверняка побоятся нос сунуть.

Тут же приказал Краснокутскому и водителю Рахманову пройти по деревне, наметить хаты, в которых должен «разместиться прибывающий батальон», и предупредить об этом хозяев. Дзевульский тем временем должен был наметить на западной окраине постройку, желательно в отрыве от улицы, куда мы скрытно перейдем ночью.

Так и сделали. Машину толкали туда руками. Ночь была тревожной. Выстрелы доносились не с фронта, а с тыла. Мы сидели в сарайчике, приготовив к бою свои автомат и четыре пистолета.

Ходивший дозором Краснокутский сообщил, что трое немцев появлялись в деревне, но сразу же скрылись.

С первыми проблесками наступающего утра я вышел на большак промышлять бензин. Первого же водителя грузовой машины попросил поделиться с нами, и восход солнца застал нас на в пути в 206-ю дивизию.

Выход на правобережье

В двадцатых числах сентября войска Центрального и Воронежского фронтов начали выходить к Днепру. Вслед за ними подтянулись армии Степного фронта, успевшие разгромить в районе Полтавы крупную группировку противника. На огромном 600-километровом расстоянии, от места впадения в Днепр притока Речица до Днепропетровска, левый берег заняли советские армии.

В ночь на 24 сентября вышли к реке и передовые отряды двух наших дивизий. Говорю двух, хотя правильнее сказать одной, поскольку два полка 218-й дивизии продолжали выполнять специальные задания командарма: одна — под Харьковом, другая — в Золотоноше.

За месяц с лишним боев мы понесли большие потери. В батальонах насчитывалось менее чем по сто бойцов. Из-за нехватки горючего отстала артиллерия. Штаб корпуса также застрял в деревне Гладковщизна, в 17 километрах от реки.

На рассвете втроем с полковником Дзевульским и командиром 206-й дивизии полковником Ивановским выдвинулись на берег. На той стороне место просматривается хорошо.

Было тихо. Обе стороны пока молчали. Мы шарили биноклями по крутым и обрывистым склонам, внимательно разглядывая размытые водами овраги, заросшие лесами высотки и плато.

Явственно видны восточная и южная окраины Канева, могила великого украинского поэта Тараса Шевченко. Берег от города до могилы возвышенный, но почти без растительности. Где-то там, в складках местности, зарылись немцы. Немало их, очевидно, и на восточной окраине Канева.

Рядом взорванный немцами мост. Обтекая основания быков тихо и быстро струились днепровские воды. Судя по карте, глубина реки здесь более десяти метров.

Выбирая место для форсирования Днепра, мы остановились на участке севернее Канева. Лес и кустарник подходят там к самой воде и позволяют скрытно сосредоточить части перед броском.

Для начала решили ночью выслать разведку. План наш простой. Если она обнаружит, что у немцев там войск немного и ей удастся закрепиться, то следующей ночью туда переправятся полки. Ну, а встретит большое сопротивление, будет держаться сколько сможет.

Закипела работа. Саперы принялись готовить плоты. Все работники политотдела корпуса во главе с его новым начальником Болдыревым (Козлова к тому времени отозвали в Москву на учебу) направились в прибрежные деревни. Рыбаки с воодушевлением встретили просьбу помочь переправочными средствами.

Перед уходом за Днепр фашисты заставили жителей уничтожить все лодки. А проверить, как точно выполнен этот приказ, не успели. Рыбаки же просто погрузили свои «посудины» в воду, спрятав в прибрежных кустах. Под вечер 24 сентября десятки местных жителей явились в расположение наших дивизий и, не боясь обстрела, начали доставать свои лодки, потом конопатили их, заливали варом. К ночи 206-я дивизия располагала десятью, а 218-я — двенадцатью лодками. Рыбаки наперебой предлагали свои услуги для перевозки частей.

Полковник Ивановский и подполковник Гуревич отобрали пятьдесят добровольцев для участия в разведке. Среди них 35 коммунистов и комсомольцев.

Ночью отряд высадился на правом берегу. А под утро оттуда донеслись звуки яростной стрельбы.

Ивановский получил донесение о том, что разведка наша натолкнулась на вражеские дозоры. Теперь ее теснит примерно батальон пехоты при поддержке пушек и минометов.

Как помочь разведчикам? Успела подойти только одна батарея 76-миллиметровых орудий на конной тяге. Но корректировать ее огонь некому, связи с разведчиками нет.

Начали обстрел северной окраины Канева и дальней опушки леса. Это все, что можно сейчас сделать.

Часов в десять утра наблюдатели заметили, что с той стороны Днепра плывут трое. Ясно — это наши. Сразу же навстречу им отправилась пятерка хороших пловцов с досками. И очень вовремя подоспели к обессилевшим разведчикам. Я был на КП Ивановского, когда привели троих полураздетых бойцов. Один из них, сержант А. Колосов, рассказал о том, что там произошло.

Когда лодки ночью подошли к берегу, противник ничего не заметил. Но начали разведчики углубляться в лес — и нарвались на караул. Поднялась стрельба. Утром немцы пытались окружить их, но наши бойцы отошли к берегу, где и сейчас продолжается бой.

По всему видно, у немцев на этом направлении значительные силы. Построена крепкая оборона, имеются доты. В тылу, слышно, передвигаются танки. Чтобы сообщить это, командир и направил к нам троих пловцов.

Ну что ж, разведка свою задачу выполнила. Теперь нам нужно

готовиться к переправе южнее Канева.

С наступлением темноты лодки и плоты с первыми подразделениями отчалили от берега. За ночь сделали несколько рейсов.

667-й полк 218-й дивизии высадился южнее деревни Пекари. Ему удалось даже переправить три батальонных орудия. Полк окопался на опушке леса, со стороны Пекарей прикрылся заслоном.

В 206-й дивизии высадилось две группы. Часть 737-го полка закрепилась южнее могилы Тараса Шевченко, а головное подразделение 772-го — еще южнее. Северной группе уже ночью пришлось отразить несколько контратак.

Следующей ночью на правый берег переправились остатки 722-го и 737-го полков, а также полностью 748-й полк с материальной частью. К этому времени группы 206-й дивизии, высадившиеся отдельно, соединились. 218-я дивизия за ночь перебросила подошедшую артиллерию.

Таким образом в наших руках оказалось два плацдарма: более значительный у могилы Шевченко и меньший — у Пекарей, занятый одним 667-м полком. Днем 26 сентября мы получили от армии девять лодок типа «А-3» и два парома с моторами. Это укрепило связь с правым берегом.

28 сентября вернулся из-под Хорола 272-й полк. Скляров не медля ударил на Пекари, выбил оттуда противника. Разрыв с 206-й дивизией сократился.

В свою очередь расширил плацдарм и Ивановский. 748-й полк овладел господствующей высотой, обозначенной на карте отметкой 225,0. На высоте закрепилось два батальона, в которых, правда, насчитывалось всего около ста штыков и три станковых пулемета.

Этой высоте штаб армии придавал большое значение.

Недаром мне предложили представить командира полка подполковника Дудку к званию Героя Советского Союза.

А когда высоту пришлось отдать врагу, этого же подполковника Дудку хотели судить. Но об этом позже…

Разведка доносила, что противник продолжает накапливание. В любую минуту можно было ожидать нажима с его стороны, и тогда наши малочисленные дивизии не выдержат. Я пользуюсь каждым удобным и неудобным случаем, чтобы напомнить командованию армии о своих нуждах и попросить пополнение. Генерал Жмаченко каждый раз успокаивает:

— Потерпи, дружище. Скоро у тебя все будет…

А 30 сентября началось то, чего я больше всего боялся.

Первым позвонил Скляров:

— Товарищ генерал, две крупные группировки противника повели наступление вдоль берега навстречу одна другой, нацелившись под основание моего плацдарма. Цель их ясна: отрезать полки от берега. А у меня, как вы знаете, никаких резервов.

— Держитесь, — отвечаю ему, — во что бы то ни стало. Из бойцов тыловых подразделений, из артиллеристов, которые без орудий, создайте себе резерв…

Вместе с командиром дивизиона гвардейских минометов помчались в 21–8-ю дивизию.

КП Склярова — обычный окоп на берегу, прикрытый вербами. Сквозь листву можно разглядеть правый берег. Оттуда доносится трескотня выстрелов. Часто стреляет вражеская артиллерия. Мы раньше видим фонтаны поднятой разрывами земли, а потом уже слышим звуки разрывов.

Скляров показывает, где залегла вражеская пехота. Там мелькают вскакивающие, перебегающие и падающие на землю темные фигурки. Спрашиваю у командира дивизиона:

— Как скоро сможете накрыть обе группы противника?

— Через четверть часа.

— Хорошо. А мы к этому времени постараемся поднять фашистов, чтобы вам было лучше их видно.

Командир ушел. Я повернулся к Склярову:

— Передайте на ту сторону, чтобы через тринадцать минут прекратили огонь. Фашисты подумают, что у наших вышли боеприпасы, перестанут таиться и пойдут во весь рост. Тут их «катюши» и накроют. Приготовьте к вводу в бой резерв.

Подошел начальник артиллерии дивизии:

— Товарищ генерал, вы распорядились переправить артиллеристов на плацдарм в качестве пехотинцев. Но есть приказ генерала Воронова, запрещающий использовать специалистов артиллерии не по назначению.

На начальника артиллерии обижаться нельзя, его сомнения понятны. Я постарался разъяснить ему, почему вынужден прибегнуть к такой крайней мере.

— Все-таки я обязан донести командующему артиллерией армии, — упрямится он.

— Доносите. Но мой приказ должен быть непременно выполнен…

Часы показывали, что с того момента, как удалился командир гвардейских минометов, прошло 15 минут. Бойцы на том берегу уже прекратили огонь. Как мы и надеялись, гитлеровцы сразу же поднялись во весь рост, двинулись в атаку. И тут с шумом и свистом небо над Днепром прочертили огненные трассы.

Десантные лодки и паром выгребли на середину Днепра, подошли к берегу, а противник не подавал признаков жизни.

Положение было восстановлено. И я приказал сразу же вернуть артиллеристов на левый берег.

Следующий день прошел тихо. Противник наступать не рискнул. Возможно, он посчитал, что десант получил усиление…

Труднее сложилась обстановка на северном плацдарме. Днем 30 сентября особенно жаркий бой шел на участке 748-го полка, который отбил восемь атак. Сам подполковник Дудка все время находился на высоте 225,0 и вместе с бойцами отражал натиск врага.

За день полк потерял 68 человек. Теперь высоту обороняли командир полка, три офицера, три девушки-санитарки, сменившие сумки на винтовки, и радист. Подполковник Дудка удерживал ее до четырех часов утра 1 октября.

В утренней сводке штаб корпуса донес об оставлении высоты 225,0. В связи с этим прокурор корпуса получил предписание произвести расследование и предать командира 748-го полка суду военного трибунала. Однако расследование подтвердило, что подполковник Дудка действовал храбро, умело и в потере высоты совершенно не повинен…

Хорошо, что к реке начал подходить наш левый сосед, 78-й стрелковый корпус 52-й армии. По приказу генерала Жмаченко мы передали ему половину своих переправочных средств. А как только части корпуса стали высаживаться южнее Пекарей, противник начал оттягивать туда некоторые части из полосы 21-го корпуса, и положение наших дивизий сразу облегчилось.

* * *

К началу октября войска Воронежского фронта овладели 9 плацдармами на правом берегу Днепра. Самыми крупными из них были лютежский и букринский, где непрерывно шли ожесточенные бои. С этих двух плацдармов готовилось наступление на Киев. Противник понимал их значение и стянул туда 27 дивизий.

Мне было предложено сдать позиции на Правобережье 78-му корпусу, а свои части переправить опять на левый берег и в течение одной ночи выйти к деревне Леплява, откуда форсировали Днепр соединения Чувакова.

В ночь на 6 октября мы начали маневр. И тут же меня вызвали к командарму.

НП генерал-майора Жмаченко разместился на опушке леса

севернее Леплявы. Увидев меня, командарм сразу спросил:

— Скоро твои прибудут?

— Заканчивают переправу. Головная дивизия уже выступила.

— Надо торопиться! Противник нажимает на Чувакова, грозит сбросить в Днепр.

Светало. Чтобы ознакомиться с районом новой переправы, выехал к реке. И начальнику штаба Чичину передал по радио распоряжение прибыть туда, вместе со штабом 218-й дивизии спланировать и организовать бросок ее через Днепр.

Под вечер 218-я дивизия подтянулась к реке. Представители частей приняли переправочные средства.

Но Скляров доложил, что люди выбились из сил и просил отсрочить переправу на сутки. Когда об этом услышал Чуваков, он энергично запротестовал:

— Ты что, хочешь нас погубить? Мои бойцы тоже устали и без помощи больше не выдержат.

Действительно, ждать нельзя. Дивизия сразу начала переправу. Вскоре подошла 206-я, первые ее десанты тоже отплыли на тот берег.

Мы заняли позиции на правом фланге армии. Полоса 23-го корпуса сократилась, и его боевые порядки уплотнились. Положение на плацдарме упрочилось.

Выполняя приказ командующего армией, дивизии корпуса приступили к расширению плацдарма. Сначала наступление шло сравнительно легко, но перед высотой с отметкой 243,2 пришлось остановиться. Противник прочно держал ее.

Возобновить наступление удалось лишь через несколько дней. Командарм пришел на мой НП. Мы по очереди «висели на телефоне» и наблюдали за полем боя в стереотрубу.

Жмаченко поминутно вызывал комдива:

— Ивановский, занял высоту?

— Скоро займу, — отвечал полковник. Наконец последовал долгожданный доклад:

— Товарищ командарм, высота наша…

Жмаченко ушел, а через полчаса снова позвонил Ивановский:

— Противник сбил нас с высоты.

— Как так «сбил»?

— Неожиданно ударил во фланг, и наши отошли. Жмаченко выслушал меня и вскипел:

— Что хочешь делай, а высоту бери снова.

Уточнив цели артиллерии, вместе с Дзевульским и Борисенко я сам отправился на тот берег. Комендант переправы предупредил:

— Днем переправляться нельзя. Вчера вот так же пошла

моторная лодка и немцы потопили ее.

— А вы дайте мне рыбачью лодку и хорошего гребца, — попросил я.

Пришел пожилой солдат, примерно моих лет.

— Вас, товарищ генерал, перевезти?.. Это можно. Не всех же фашист топит. Только перевозить буду по одному, так легче лодке.

— Как зовут? — спрашиваю.

— Игорем Петровичем величают, — назвался перевозчик.

— Ну вот что, Игорь Петрович, вначале поедем мы с тобой, а их, — показал я на Дзевульского и Борисенко, — перевезешь после.

— Разрешите мне отправиться первым, — попросил начальник артиллерии. — Надо разведать…

— Спасибо, друг. — Я с благодарностью пожал руку своему помощнику. — Но мне нужно быть там раньше.

Водная гладь Днепра казалась необычно тихой и пустынной. Ярко светило солнце. Солдат уже подал маленькую юркую лодку:

— Править, товарищ генерал, умеете?

— Конечно, Игорь Петрович!

— Тогда садитесь на корму.

Быстро добрались до середины реки, а враг все молчит. Даже как-то не верится, что он видит нас. Сомнения рассеял Игорь Петрович:

— Это завсегда так, — сказал он. — Пропустит подальше, а потом и лупит, чтобы наверняка утопить. Расчет правильный: до берега далеко, побарахтаются «пассажиры» и на дно пойдут.

Да, до берега далеко! Если лодка опрокинется, не проплыть и половины расстояния. Сейчас особенно пожалел, что не захватил с собой доску — там, на берегу, неудобно было обнаружить слабость.

Но вот просвистел и разорвался впереди первый снаряд. Второй полетел дальше. Третий должен взять в «вилку». Однако Игорь Петрович налег на весла, и наша «смерть» упала за кормой. Перевозчик, человек бывалый, приказал развернуть лодку немного вправо, и очередной снаряд поднял столб воды в стороне. Тогда противник открыл беглый огонь, но мы уже подходили к берегу, а за ним наша лодка не видна.

— До свиданья, Игорь Петрович! — крикнул я, выпрыгивая на песок…

Впереди еще много светлого времени. С ожидавшим меня Ивановским поднялись на высокий берег. Укрывшись за кустами, я познакомился с занятым нами плацдармом, внимательно рассмотрел высоту 243,2.

Восточный скат ее, обращенный к Днепру, покрыт лесом, и здесь удобно расположить огневые точки-. Южный скат открытый и крутой. Все подступы к высоте ровные, без признаков растительности. Здесь один вражеский пулемет может остановить целый батальон. А ведь на высоте, нам известно, располагается еще и минометная батарея. Про себя отметил: в период артиллерийской подготовки обязательно подавить всю огневую систему врага.

Прибыл Дзевульский. Посоветовался с командующим артиллерией дивизии и предложил простой план использования огневых средств. Все батальонные и полковые пушки они решили выдвинуть на открытые позиции. С началом артподготовки, пока дивизионная и корпусная артиллерия будут обрабатывать высоту, стреляя по площадям, легкие орудия прямой наводкой уничтожат выявленные цели. И наступать они будут вместе с пехотой.

Атаку назначили на утро следующего дня. На ночь полковник Ивановский уступил мне свою тесную, похожую на нору землянку. Ночь выдалась холодная, от реки тянуло сыростью.

К утру саперы подготовили мне удобный окоп.

В 8 часов артиллерия и минометы с восточного берега открыли огонь. Вслед за огневым валом пошли стрелковые подразделения. На высоте ожили орудия, минометы и пулеметы. А наши пушки прямой наводки молчали.

— В чем дело? — спрашиваю командующего артиллерией дивизии.

Тот замялся, потом говорит:

— Дороги трудные. Пушки пришлось тащить на руках… Не успели…

Мне стоило большого труда сдержаться.

— Почему не доложили об этом утром? Можно было задержать наступление. А теперь по вашей вине части несут напрасные потери!

Приказал атакующим закрепиться на достигнутых рубежах до следующего утра.

На следующий день мы с Дзевульским сами проверили и убедились, что на этот раз командующий артиллерией дивизии не подкачал.

Командира полка, который должен брать высоту, я вызвал к телефону, расспросил, готовы ли бойцы, и сказал, что назначаю его комендантом высоты. После этого приказал начать артподготовку залпом тяжелых минометов по самой вершине.

Корпусная и дивизионная артиллерия обработала высоту, а батальонные и полковые орудия били по окопам. Пехота поднялась и начала штурм.

На все потребовалось полчаса. После этого Ивановский позвонил и сообщил, что высота занята. Но минут через десять опять звонок. Слышу его тревожный голос:

— Товарищ генерал, на высоте опять немцы. Часть бойцов, которая прошла через вершину, отрезана. Не могу понять, как это получается, едва наши спустились за вершину, как противник оказался на ней и начал стрелять нашим в спину.

Мне стало ясно, что противник применяет тот же маневр, что и на Кавказе. Как только наша артиллерия открывает огонь, обороняющиеся подразделения отходят в укрытия, по всей вероятности, на северный скат высоты. А кончится артподготовка — и они занимают свои позиции.

Мне указали, где находится командир атаковавшего высоту полка, и я направился к нему. Застал подполковника на дне окопа с кружкой чаю в руках. Вначале он растерялся, потом вскочил, стал представляться.

Мы сели рядом. Я рассказал ему в чем, на мой взгляд, ошибка.

— Как только снова займете вершину, батальоны пусть идут дальше, а вы с ротой садитесь на ней, занимайте вражеские окопы и держитесь…

Назначили время новой атаки, договорились о поддержке артиллерией. После этого я отправился к себе, а подполковник пошел готовить людей.

Наступление велось решительно. В бинокль я видел, как впереди бойцов на высоту поднимался командир полка. За ним связисты тянули провод и, заняв вершину, подполковник сразу же позвонил мне:

— Товарищ генерал, высота занята…

Наше положение упрочилось. Генерал-майор Чуваков также переехал на правый берег.

Мы оттеснили противника от Днепра еще на два километра и расширили плацдарм к северу, подойдя вплотную к деревне Бучак.

Корпус получил в пополнение пять тысяч солдат и двести младших командиров. Правда, не хватало офицеров среднего звена, но член Военного совета армии генерал Королев заверил, что скоро получим и их.

* * *

23 октября к нам приехал генерал Жмаченко. Он рассказал, что операция у Великого Букрина из-за размеров плацдарма и

сильной обороны противника не дала желаемых результатов. Решено для наступления на Киев использовать лютежский плацдарм. Поэтому 3-я гвардейская танковая армия генерал-лейтенанта П. С. Рыбалко и основные силы артиллерии перейдут из-под Букрина под Лютеж. Нашей армии поставлена задача наступать в направлении Белой Церкви, чтобы оттянуть часть сил противника с букринского плацдарма, а также из-под Киева.

Через день началась намеченная перегруппировка войск. А еще через четыре дня стало известно, что она проведена блестяще и советские войска уже перешли в наступление на Киев с лютежского плацдарма. Наши корпуса тоже усилили нажим в сторону Киева с юго-запада.

К сожалению, мне не пришлось участвовать в этой операции. Подвело здоровье. На предупреждение врача в сентябре 1942 года я, конечно, не обратил внимания. Попросту не было времени заниматься сердцем, хотя за время наступления от Боромли к Днепру оно напоминало о себе дважды. Последний, третий, «звонок» прозвучал 3 ноября.

Еще утром я почувствовал себя неважно, но крепился: предстояла очередная атака.

В 12 часов должна начаться артиллерийская подготовка. Я связался с командирами дивизий, установил, что у них все готово, и вышел из блиндажа.

Что было дальше, не помню. Пришел в себя в землянке. Около меня сидела девушка-фельдшер.

— Очнулись, товарищ генерал! — радостно сказала она.

— Что со мной?

— У вас был тяжелый обморок. Мы даже, откровенно говоря, боялись за исход. Нет, нет! Вставать вам нельзя. Сейчас позову врача.

Звать не пришлось. Подполковник Винников сам зашел в землянку.

— Как вы себя чувствуете, товарищ генерал?

— Хорошо. Помогите мне дойти на энпе. Что там слышно?

— Все идет нормально. Полки уже заняли вторую позицию противника. А для вас готовы носилки, и вы сейчас отправитесь на другой берег.

— На какой еще берег! Мне нужно к себе! — Я попробовал встать, но ноги подкосились. Во всем теле появилась такая слабость, что не мог даже шевельнуться.

На моторной лодке меня перевезли на левый берег Днепра. Следующим утром дивизии корпуса уходили под Киев, а меня увозили в армейский госпиталь. Не сбылось мое заветное желание — участвовать в освобождении многострадальной

столицы Советской Украины.

Только на четвертый день пребывания в госпитале врач впервые улыбнулся:

— Поздравляю, товарищ генерал!

— С чем?

— У вас появился пульс. Значит, будете жить!

— А воевать?

— Об этом говорить рано. Будем лечиться…

notes

Примечания

1

Город Ватра-Дорне был по ту сторону фронта, а Черновицы — по эту.